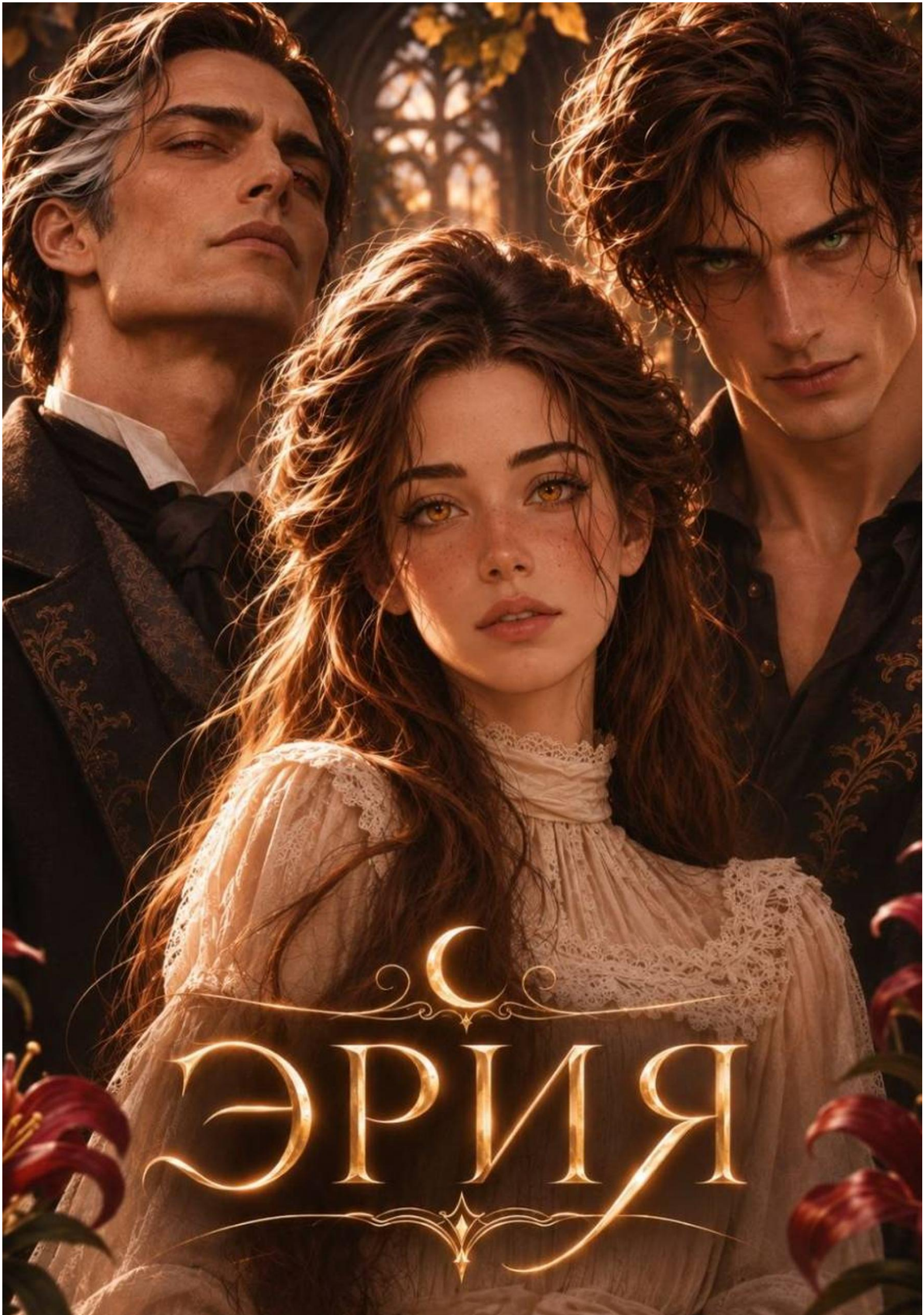
ЭРИЯ

Илона Райд

Эрия

«Автор»
2026

Райд И.

Эрия / И. Райд — «Автор», 2026

Эрия живёт в уединённом особняке столько, сколько себя помнит. Её мир ограничен старым домом, садом и невидимой границей среди деревьев. Она знает о внешнем мире всё, что можно узнать из книг, но никогда не видела его своими глазами.Эрия — необычный суккуб, обладающий чрезвычайно редким даром. Она способна поглощать чужие эмоции, даже страх, отчаяние и боль.С самого детства её готовят стать женой могущественного демона. Он намерен избавиться от чувств, которые сдерживают его силу, переложив их на Эрию. А она должна научиться выдерживать то, что не под силу никому другому.Впереди её ждёт замужество, жизнь за пределами знакомого мира и предназначение, о котором ей рассказывали с детства.Но действительно ли это её судьба?

© Райд И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом 5
Глава 2. За границей 39
Глава 3. Незнакомец 77
Глава 4. Голод 128
Глава 5. Дистанция 184
Глава 6. Удовольствие 240
Конец ознакомительного фрагмента. 257

Илона Райд
Эрия

Глава 1. Дом

В доме всегда было тепло.

Даже зимой, когда снег ложился на ветви елей такими тяжёлыми шапками, что те гнулись почти до земли, а стёкла покрывались тонкими узорами инея, по утрам Эрия просыпалась от приятного ощущения нагретых простыней и солнечного света, пробивающегося сквозь неплотно задёрнутые шторы. Гинта утверждала, что свежий воздух полезен для сна, и потому оставляла окно приоткрытым даже в холодные месяцы. Эрия с ней не спорила. Ей нравилось засыпать под тихий шелест листвы, чувствовать, как прохлада касается лица, пока всё остальное тело надёжно спрятано под пуховым одеялом.

В конце августа ночи становились длиннее. По утрам лес пах влажной землёй, а на садовых дорожках собиралась роса. К полудню солнце ещё припекало по-летнему, но к вечеру в воздухе уже появлялась едва уловимая осенняя горечь.

Эрия любила это время года.

Она вообще многое любила.

Любила просыпаться раньше, чем Гинта начинала возиться на кухне, и лежать с открытыми глазами, слушая, как постепенно оживает дом. Любила гладкие прохладные страницы новых книг, тяжесть толстых томов на коленях и тихий треск переплёта, когда впервые раскрываешь его посередине. Любила, как пахнет сад после дождя, как нагревается подоконник её спальни и как шелестит шёлк, если провести по нему ладонью против ворса.

Особенно она любила утро.

В тот день солнечный свет разбудил её раньше, чем ей хотелось.

Эрия недовольно поморщилась, перевернулась на живот и спрятала нос в подушку. Несколько мгновений лежала неподвижно, собираясь снова уснуть, но тело уже почувствовало близость утра и отказывалось подчиняться. Она вытянула руки вперёд, медленно прогнулась, наслаждаясь тем, как после сна расправляются мышцы спины, затем перекатилась на бок и посмотрела на часы.

Семь двадцать три.

Гинта наверняка уже встала.

На полу возле кровати лежала раскрытая книга. Накануне Эрия читала до тех пор, пока буквы не начали расплываться перед глазами, а потом уснула, так и не дотянувшись до закладки. Она подняла том, разгладила чуть загнувшуюся страницу и положила на прикроватный столик.

Книга рассказывала о европейских городах конца девятнадцатого века. Эрию особенно занимали описания вокзалов — огромных стеклянных сооружений, где одновременно находились сотни людей, и все куда-то спешили. Ей было трудно представить себе такое количество незнакомцев в одном месте. Ещё труднее — понять, как они не сталкивались друг с другом, не терялись и вообще ухитрялись находить нужный поезд.

Разумеется, она знала, как работают вокзалы. Знала устройство железнодорожного сообщения, читала о транспортных системах современных мегаполисов, видела фотографии и документальные фильмы.

Но одно дело — понимать устройство чего-либо, и совсем другое — представлять себя среди этого.

Эрия иногда пыталась.

Закрывала глаза и воображала огромный зал, шаги по мраморному полу, объявления из громкоговорителей, запах кофе, чужие голоса, движение людей с чемоданами. Ей нравилось придумывать, куда все они направляются. По делам, в отпуск, домой, к любимым, от любимых. Иногда она представляла, как какой-нибудь человек внезапно меняет решение, разворачивается посреди вокзала и покупает билет в совершенно другую сторону.

В книгах такое происходило постоянно.

Её удивляло, что подобные решения можно принимать так легко.

Она села на кровати и отбросила волосы за спину. Густые каштановые пряди за ночь спутались, и, пытаясь разделить их пальцами, Эрия случайно задела небольшую ранку у виска. Та отозвалась неприятным жжением.

— Ну вот, — пробормотала она.

Вчера Адель неудачно рассчитал силу одного из заклятий. Впрочем, он утверждал, что расчёт был совершенно верным, а Эрия просто слишком рано потеряла сосредоточенность.

Она не собиралась с ним спорить. Во всяком случае, сегодня.

Соскользнув с кровати, девушка подошла к окну.

За стеклом простирался сад — ухоженный, немного старомодный, с каменными дорожками, низкими кустами роз и двумя яблонями, посаженными по обе стороны от круглого фонтана. Вода в нём давно не работала: однажды Эрия уронила внутрь тяжёлый декоративный камень, после чего что-то сломалось, а Гинта объявила, что чинить бессмысленно. С тех пор фонтан служил огромной каменной чашей, в которой собирались дождевые капли и плавали опавшие листья.

За садом начинался лес.

Он подступал к дому со всех сторон, как море к небольшому острову. Эрия знала почти каждое дерево у опушки, могла с закрытыми глазами пройти по дорожке от веранды до старой скамьи под дубом и безошибочно определяла по запаху, когда после дождя начинали появляться грибы.

Но дальше определённого места она никогда не ходила.

Не потому, что ей запрещалось гулять в лесу как таковом.

Просто там заканчивалась территория дома.

Невидимое заклятие стояло между деревьями уже столько лет, сколько она помнила. Летом его можно было различить по лёгкому искажению воздуха, особенно в жаркий полдень, когда солнце прогревало землю. Зимой на границе иногда задерживались снежинки, повисая на мгновение в пустоте, прежде чем медленно сползти вниз.

В детстве Эрия любила наблюдать за этим. Садилась на корточки, подставляла ладони, пыталась протолкнуть сквозь преграду сухую ветку или камешек.

Теперь она редко обращала на неё внимание.

Граница была такой же частью дома, как стены, двери и крыша.

Из коридора донёсся стук каблуков.

— Эрия! — позвала Гинта. — Если ты ещё спишь, завтрак остынет!

— Я не сплю!

— Тогда у тебя ровно десять минут!

Эрия улыбнулась и отправилась умываться.

* * *

Гинта готовила прекрасно, хотя сама относилась к еде с удивительным равнодушием.

Она могла несколько часов провести над сложным пирогом, добиться безупречного цвета корочки, украсить поверхность засахаренными ягодами, а потом съесть два кусочка яблока и

объявить, что не голодна. Эрия подозревала, что готовка доставляет ей удовольствие прежде всего потому, что позволяет устанавливать правила.

Гинта любила правила.

В доме существовало определённое время для завтрака, обеда и ужина. Постель следовало заправлять до девяти, книги возвращать на полки после прочтения, грязную одежду оставлять в корзине, а не на полу. Гинта терпеть не могла открытые шкафы, недопитый чай и привычку Эрии устраиваться с ногами на обеденных стульях.

В последнем случае они спорили почти ежедневно.

— Ноги, — произнесла женщина, даже не повернув головы.

Эрия, только что удобно устроившаяся на широком деревянном стуле, вздохнула и опустила ступни на пол.

— Как ты узнала?

— Потому что ты делаешь это каждый раз.

— Я могла сегодня не делать.

— Но сделала.

Гинта поставила перед ней тарелку с омлетом, свежими помидорами и ломтиками мягкого сыра. Потом добавила тосты и маленькую розетку абрикосового джема.

— Ешь, пока горячее.

Эрия послушно взяла вилку.

Гинта была демоном, хотя по внешности догадаться об этом было невозможно. Высокая женщина с тёмно-русыми волосами, которые она всегда собирала в тугой узел, и спокойным, почти суровым лицом. На вид ей можно было дать лет сорок пять. Иногда, когда Гинта уставала или сердилась, её глаза на долю секунды приобретали странный металлический блеск, но в остальном она ничем не отличалась от обыкновенной женщины.

Если, конечно, не считать того, что Эрия ни разу не видела её заболевшей, постаревшей или по-настоящему испуганной.

— Ты закончила вчерашнюю книгу? — спросила Гинта, открывая кухонный шкаф.

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Ещё несколько глав.

— Тогда закончи, прежде чем брать новую.

— Но я хотела начать другую.

— Разумеется.

— Там про океанографию.

— Очень увлекательно.

Эрия прищурилась.

— Ты даже не знаешь, что это.

— Я знаю, что это, Эрия. И знаю, что вчера ты собиралась читать о строительстве железных дорог, позавчера — о древних культах, а на прошлой неделе решила изучить историю парфюмерии.

— Я изучила.

— За два дня?

— Мне хватило.

Гинта посмотрела на неё поверх чашки.

— И что же ты узнала?

Эрия задумалась лишь на мгновение.

— Что самые дорогие духи иногда пахнут хуже самых дешёвых. И что раньше для фиксации аромата использовали довольно неприятные вещества. Ты знала, например, что…

— Нет, — поспешно сказала Гинта. — За завтраком не надо.

Эрия рассмеялась.

Ей нравилось доводить Гинту до этого особенного выражения лица — не вполне раздражённого, но достаточно близкого к нему. Иногда, когда они разговаривали вот так, женщина казалась почти обычной. Можно было представить, что они родственницы, живущие в большом загородном доме, и что главная проблема их совместного существования заключалась в разбросанных книгах.

Из этой приятной мысли её вывел вопрос:

— Как рука?

Эрия машинально посмотрела на предплечье.

На коже ещё оставались две тонкие красноватые полосы. Вчерашние повреждения почти зажили, хотя при определённом движении их неприятно тянуло.

— Хорошо.

— Покажи.

Она протянула руку через стол.

Гинта осторожно провела пальцами вдоль рубцов, проверила кожу и удовлетворённо кивнула.

— К обеду совсем затянется.

— Наверное.

— Сегодня Адель собирается работать с удержанием?

— Не знаю. Он вчера сказал, что посмотрит на результаты.

— Значит, с удержанием.

Эрия нахмурилась.

— Терпеть не могу, когда он так делает.

— Как?

— Сначала ничего не говорит, а потом оказывается, что всё уже решил.

Гинта отпустила её руку и вернулась к чайнику.

— Ты прекрасно знаешь, что программа зависит от твоего состояния.

— И всё равно он мог бы предупредить.

— Для чего?

Эрия открыла рот, но не сразу нашла ответ.

Действительно, для чего?

Она не могла отказаться от занятия, изменить его продолжительность или попросить заменить одно упражнение другим. Предупреждение не меняло бы ровным счётом ничего.

И всё же знать заранее было бы приятно.

— Просто так, — сказала она наконец.

Гинта ничего не ответила.

Эрия доела омлет, намазала тост джемом и потянулась к чашке.

— А можно мне в пятницу закончить раньше?

Гинта остановилась.

— Почему?

— Потому что у меня день рождения.

— Я помню.

— Значит, можно?

Женщина некоторое время молчала, словно обдумывала вопрос, хотя Эрия знала ответ ещё до того, как его услышала.

— Это нужно обсуждать с Аделем.

— Он скажет нет.

— Тогда, вероятно, нет.

Эрия отложила тост.

— Даже на один день?

— Эри, ты знаешь, насколько важен график. Сейчас особенно.

Сейчас особенно.

Эти слова в последнее время звучали всё чаще.

Гинта произносила их, когда Эрия просила сократить занятия. Адель — когда назначал дополнительные проверки. Иногда их употреблял и Варен, обычно с той мягкой терпеливостью, от которой становилось ещё труднее спорить.

Сейчас особенно.

Потому что скоро ей исполнится восемнадцать.

Потому что заканчивается подготовка.

Потому что всё должно измениться.

Эрия взяла чашку обеими руками и некоторое время смотрела, как над чаем поднимается пар.

— Хорошо, — сказала она.

Гинта ласково коснулась её плеча.

— Я испеку тебе что-нибудь вкусное.

Эрия кивнула, хотя Гинта прекрасно знала, что сладкое она и без того ест почти каждый день.

* * *

К одиннадцати часам солнце добралось до дальнего окна библиотеки.

Это была самая любимая комната Эрии — просторная, с потолком в два человеческих роста, высокими шкафами из тёмного дерева и узкой винтовой лестницей, ведущей к верхним полкам. На одной стене висела большая географическая карта, на другой — несколько картин в позолоченных рамах. Среди книг стояли бронзовые статуэтки, старинные часы, фарфоровые вазы и небольшая модель парусного корабля, которую Эрия однажды случайно уронила, после чего почти неделю собирала обратно.

Гинта предлагала отправить кораблик в ремонт, но Эрия отказалась.

Ей было приятно, что она сумела починить его сама.

Она устроилась в кресле возле окна, подогнув под себя одну ногу, и раскрыла книгу. Некоторое время читала о железнодорожных станциях Парижа, но затем отвлеклась на фотографию огромного вокзального зала, заполненного людьми.

Внизу снимка виднелась женщина в светлом пальто. Она шла среди толпы, придерживая одной рукой шляпу, а другой — небольшой чемодан. Лицо различить было невозможно, но Эрия почему-то долго смотрела именно на неё.

Интересно, куда она ехала?

Может быть, возвращалась домой после долгого путешествия. Или уезжала от мужа. Или впервые в жизни отправлялась к морю.

Эрия перевернула страницу, но почти сразу вернулась к фотографии.

Варен обещал, что после свадьбы она увидит города.

Много городов.

Он говорил о Париже, Риме, Вене, о старых европейских библиотеках и музеях, куда её смогут пускать даже после закрытия. Обещал показать коллекции, которые люди не выставляли публично, и картины, за которые платили немыслимые деньги. Он знал о её любви к книгам и однажды сказал, что в его доме найдётся место для любой библиотеки, какую она только пожелает собрать.

Эрия верила ему.

Варен никогда не обманывал её в подобных вещах. Если обещал привезти книгу, привозил. Если говорил, что летом в саду посадят белые розы, они действительно появлялись. Однажды Эрия захотела научиться играть на фортепиано, и спустя две недели в гостиной уже стоял прекрасный чёрный инструмент, а на пюпитре лежали ноты и несколько подробных учебников. Она училась самостоятельно, возвращаясь к сложным пассажам столько раз, сколько требовалось.

Сомневаться в обещаниях Варена было трудно.

И всё же, когда Эрия представляла своё будущее, ей никак не удавалось удержать внимание на Париже.

Она вспоминала другие его слова.

О долге. О браке. О редкости её дара.

О том, что некоторые существа рождаются для задач, которые не под силу остальным.

Варен рассказывал об этом спокойно, подробно и без обычной для Аделя раздражающей назидательности. Он умел объяснять сложное так, что даже самые неприятные вещи постепенно приобретали вид разумной необходимости.

Эрия знала: после заключения брака ей предстоит принимать в себя часть его страданий.

Не все сразу. Варен особо подчёркивал, что будет действовать осторожно и постепенно.

Он говорил, что её способность уникальна, что она может вынести то, что уничтожило бы любое другое существо, и что благодаря ей станет возможным нечто чрезвычайно важное.

В детстве Эрия гордилась такими словами.

Позднее они начали её пугать.

Она не до конца понимала, сколько именно боли накопил Варен за свою долгую жизнь. Иногда ей казалось, что она способна представить это, но затем вспоминала собственные испытания и понимала: нет, не способна.

Впрочем, её ведь готовили именно к этому.

Варен говорил, что однажды она станет значительно сильнее, чем сейчас. Возможно, сильнее всех представителей своего вида.

Эрия не сомневалась, что он в это верит.

Она лишь иногда задавалась вопросом, будет ли ей самой от этого лучше.

За дверью послышались шаги.

Девушка подняла глаза на часы.

Без семи двенадцать.

Она закрыла книгу и некоторое время держала её на коленях, не желая вставать. В библиотеке было так хорошо: солнечное пятно медленно ползло по ковру, в воздухе плавала золотистая пыль, а из сада через приоткрытую форточку доносился едва различимый запах роз.

Ещё семь минут.

Можно было бы прочитать две страницы.

Три, если не отвлекаться.

Но тогда пришлось бы торопиться по коридору, а Эрия терпеть не могла приходить запыхавшейся.

Она поставила книгу на столик, расправила платье и отправилась на занятия.

* * *

Комната испытаний находилась в восточном крыле, за дверью, которую никогда не оставляли открытой.

В отличие от библиотеки, гостиной и спален, она почти не менялась годами.

Светлые стены, высокий потолок, несколько узких окон под самой крышей. Вдоль одной стены стояли шкафы с инструментами, на другой находилась большая доска, исписанная фор-

мулами и символами. В центре комнаты располагалась длинная кушетка, покрытая гладкой серой тканью. Рядом — низкий столик, на котором всегда лежали чистые полотенца, сосуд с водой и маленькая серебряная чаша.

Когда Эрия была младше, она боялась входить сюда.

В первые годы её мутило от одного запаха комнаты: холодного металла, лекарственных составов и какого-то особенного, ни с чем не сравнимого магического следа, остававшегося после заклятий.

Со временем запах перестал вызывать тошноту.

Теперь она замечала его разве что после долгого перерыва.

Адель стоял возле стола, просматривая записи.

Он был высоким мужчиной с узким лицом, тёмными волосами и неизменно аккуратной одеждой. Чаще всего носил рубашки с закатанными рукавами и жилеты без единой складки. Эрия никогда не видела его взъерошенным, сонным или растерянным. Даже когда что-нибудь шло не так, Адель сохранял раздражающее спокойствие.

— Добрый день, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Ты опоздала.

Эрия посмотрела на настенные часы.

Одна минута первого.

— На одну минуту.

— Тем не менее.

— Я шла из библиотеки.

— Мне известно, где находится библиотека.

Она подавила улыбку.

Адель закрыл журнал.

— Как рука?

— Гинта уже проверяла. Всё хорошо.

— Я спрашиваю тебя.

— Всё хорошо, — повторила Эрия.

Он протянул руку. Девушка подошла и позволила осмотреть вчерашние повреждения.

Его пальцы были прохладными, движения точными. Он никогда не прикасался к ней грубо без необходимости, и иногда Эрию поражало, насколько бережно он мог осматривать ранку, которую сам же нанёс накануне.

— Восстановление быстрее расчётного, — заметил он.

— Значит, сегодня можно закончить раньше?

— Нет.

— Я так и думала.

Адель отпустил её руку и указал на стул возле кушетки.

— Садись. Начнём с контроля.

Эрия послушалась.

Это упражнение ей нравилось меньше всего не потому, что оно было самым болезненным, а потому, что требовало невероятного терпения.

Адель создавал перед ней маленькую светящуюся сферу, внутри которой удерживалась определённая эмоциональная энергия. Эрия должна была коснуться её своим даром, принять чувство, распознать его интенсивность и сохранить собственное эмоциональное состояние настолько устойчивым, насколько это возможно.

На словах всё звучало довольно просто.

В действительности чужое переживание никогда не оставалось чем-то отдельным и удобным для наблюдения.

Стоило Эрии принять его, как оно становилось её собственным.

Невозможно было чувствовать настоящий страх и одновременно совершенно спокойно рассуждать о том, что страх принадлежит кому-то другому. Невозможно было испытывать горе и не искать для него причины — даже если причины не существовало в твоей памяти.

Её дар не приносил воспоминаний. Не показывал чужих лиц, мест или событий.

Он приносил только чувство.

И приходилось жить с ним, пока оно не ослабевало.

Сегодня сфера была бледно-синей.

Эрия с подозрением посмотрела на неё.

— Что там?

— Тревога.

— Сильная?

— Это тебе предстоит определить.

Она вздохнула, устроилась поудобнее и протянула пальцы.

На мгновение ничего не произошло.

Затем что-то словно дрогнуло под кожей, и в груди возникло неприятное, смутное ощущение: будто она забыла о чём-то важном, допустила ошибку или опоздала туда, где её давно ждали.

Эрия нахмурилась.

Она попыталась вспомнить, не оставила ли открытым окно в спальне.

Потом — не забыла ли вернуть на полку книгу.

Мысли метались, подсовывая всё новые причины для беспокойства.

— Не ищи объяснений, — произнёс Адель.

Она вздрогнула.

— Я не ищу.

— Ищешь. Ты снова пытаешься придать чувству смысл. Сосредоточься на интенсивности.

Эрия закрыла глаза.

Внутри неё что-то напряжённо сжималось, не позволяя расслабиться. Хотелось встать, проверить двери, вернуться в спальню, убедиться, что всё находится на своих местах.

Она заставила себя сидеть неподвижно.

Тревога была не слишком сильной. Меньше, чем вчерашняя. Гораздо меньше, чем та, которую однажды пришлось удерживать почти неделю.

— Четыре, — сказала она.

— По какой шкале?

Эрия открыла один глаз.

— По твоей.

— Полностью.

— Четыре из десяти. Хотя, может быть, три с половиной.

Адель сделал запись.

— Три и восемь десятых.

— Значит, почти угадала.

— Мы не угадываем.

— Разумеется.

Он посмотрел на неё, но промолчал.

Эрия улыбнулась уголком рта.

Ей нравилось, когда удавалось добиться от него такой реакции. Впрочем, это случалось редко.

Следующие сорок минут она удерживала в себе чужую тревогу, пока Адель менял внешние условия упражнения. В какой-то момент воздух вокруг неё стал холодным. Потом в комнате раздался негромкий, но настойчивый звон, от которого хотелось зажать уши. Затем свет потускнел, и тени от мебели вытянулись по полу.

Тревога внутри неё не исчезала.

К концу занятия Эрия устала больше, чем ожидала.

Она знала, что со временем это чувство растворится. Возможно, к вечеру станет почти незаметным. Если повезёт, уже завтра она перестанет вспоминать о нём.

Некоторые переживания покидали её быстро.

Другие оставались на месяцы.

Было одно, которое прожило в ней несколько лет.

Эрия почти не помнила, когда впервые почувствовала тот ужас. В памяти сохранились лишь отдельные ощущения: чьи-то руки, крепко прижимавшие её к себе, запах мокрой шерсти, мужской голос, произносивший что-то негромко и совершенно спокойно. А затем страх — такой огромный, что маленькой Эрии казалось, будто он заполняет не только её тело, но и весь окружающий мир.

Первые годы в доме она боялась совершенно непонятных вещей.

Иногда — звука открывающейся двери.

Иногда — чужих шагов.

Иногда просыпалась посреди ночи с ощущением, что должна немедленно кого-то спрятать, убежать, закрыть собой, хотя в комнате никого не было.

Гинта говорила, что это последствия потрясения.

Адель объяснял, что поглощённые эмоции способны сохраняться дольше обычных.

Варен однажды сказал, что со временем всё пройдёт.

Он оказался прав.

Страх постепенно исчез.

Теперь, вспоминая те годы, Эрия ощущала лишь странную пустоту, словно когда-то в ней существовало нечто очень большое, а потом медленно растворилось, оставив после себя едва различимые очертания.

— Эрия.

Она подняла глаза.

Адель стоял перед ней.

— Ты опять отвлеклась.

— Немного.

— На что?

— На детство.

Он задержал на ней взгляд, затем что-то записал.

— Понятно. Переходим ко второй части.

Девушка посмотрела на часы.

Без двадцати час.

Впереди оставалось ещё больше трёх часов.

* * *

После короткого перерыва Адель попросил её снять украшения, закатать рукава и лечь на кушетку.

Эрия подчинилась без возражений.

Она давно усвоила, что разговоры на этом этапе только затягивают процедуру.

Адель проверил положение её рук, положил на запястье два пальца и произнёс короткую формулу. По коже пробежало едва ощутимое покалывание.

— Сегодня работаем с болевым воздействием и сохранением концентрации, — сообщил он. — Начнём с умеренного уровня.

— А потом?

— Посмотрим.

Она закрыла глаза.

Первое воздействие всегда казалось самым неприятным, хотя далеко не всегда было самым сильным.

Боль возникла внезапно, тонкой горячей линией на предплечье. Эрия невольно напряглась. На коже проступил неглубокий порез; через мгновение вдоль него выступила кровь.

Она знала, что Адель следит за её дыханием, частотой сердцебиения и магическим откликом. Знала, что после занятия он обработает рану и к следующему утру от неё, вероятно, почти ничего не останется.

Знала также, что это никак не уменьшает боль сейчас.

— Дыши ровнее, — произнёс он.

Она попыталась.

Когда неприятное ощущение немного притупилось, перед её внутренним взором появилась знакомая конструкция — несколько тонких светящихся линий, которые следовало удерживать неподвижными, несмотря на воздействие.

Эрия сосредоточилась.

Одна линия дрогнула.

Боль усилилась, будто по ране провели раскалённой нитью.

Она тихо втянула воздух сквозь зубы.

— Удерживай.

— Я пытаюсь.

— Не пытайся. Делай.

В другое время она непременно ответила бы что-нибудь язвительное.

Сейчас на это не хватило внимания.

Она собрала сознание вокруг светящихся линий. Постепенно их дрожание уменьшилось, движения стали ровнее. Боль по-прежнему присутствовала, но перестала занимать всё пространство её мыслей.

Так было почти всегда.

Сначала казалось, что выдержать невозможно.

Потом оказывалось, что возможно.

Адель называл это расширением пределов устойчивости.

Эрия предпочитала не давать названий.

Через некоторое время воздействие прекратилось. Она почувствовала, как прохладная салфетка коснулась руки.

— Хорошо, — произнёс Адель.

Эрия открыла глаза.

— Правда?

— Сегодня значительно лучше.

Похвала неожиданно обрадовала её.

Она даже приподнялась на локте, чтобы посмотреть, что он записывает, но Адель жестом велел оставаться на месте.

— Не двигайся.

— Я просто хотела узнать результат.

— Узнаешь после окончания.

— Ты мог бы хотя бы раз позволить мне посмотреть записи.

— Они для отчёта.

— Я знаю. Поэтому и хочу посмотреть.

— Эрия.

Она улеглась обратно.

За долгие годы девушка научилась отличать те моменты, когда Адель действительно сердится, от тех, когда просто считает разговор завершённым. Сейчас был второй случай.

Следующее упражнение оказалось труднее.

Болевое воздействие приходило волнами, причём каждый раз чуть иначе. Иногда оно напоминало сильный ушиб, иногда — резкий ожог, иногда будто сводило мышцы судорогой. Эрия должна была удерживать заданное магическое построение и одновременно принимать небольшие порции чужого страха.

От сочетания двух ощущений становилось особенно тяжело.

Тело требовало немедленно прекратить боль.

Чужое чувство убеждало, что впереди нечто ужасное.

И при этом она должна была сохранять спокойствие, хотя бы достаточное для того, чтобы конструкция не распалась.

К двум часам руки начали заметно дрожать.

Адель остановил упражнение и дал ей воды.

Эрия выпила почти весь стакан залпом, чувствуя, как прохладная жидкость скользит по пересохшему горлу.

— Можно сделать перерыв подольше? — спросила она.

— Десять минут.

— Двадцать.

— Десять.

— Пятнадцать.

Адель посмотрел на часы.

— Девять, если продолжишь торговаться.

Эрия сердито отвернулась.

Он придвинул к ней стул.

— Сегодня ты работаешь лучше обычного. Не трать силы на сопротивление там, где оно ничего не изменит.

Она некоторое время молчала, глядя на тонкую полоску света, лежавшую на полу.

— Адель?

— Да?

— Ты когда-нибудь проходил через подобное?

Он поднял глаза от журнала.

— Через что именно?

— Через испытания. Когда тебе причиняют боль, а ты должен что-нибудь удерживать.

Мужчина задумался.

— Да.

Эрия повернула голову.

— Правда?

— Разумеется.

— И как долго?

— Достаточно.

— А тебе тоже говорили не тратить силы на сопротивление?

Адель некоторое время смотрел на неё.

Затем закрыл журнал.

— Мне говорили гораздо менее приятные вещи.

Она попыталась представить его молодым. Или маленьким. Испуганным, сердитым, неспособным выполнить задание.

Представить не получилось.

Адель всегда казался ей взрослым.

Таким, каким был сейчас, и каким, вероятно, останется ещё очень долго.

— И ты поэтому такой? — спросила она.

— Какой?

— Невыносимый.

Он неожиданно усмехнулся.

Совсем слегка, едва заметно.

— Перерыв окончен.

Эрия застонала и откинула голову на кушетку.

* * *

К четырём часам у неё болело практически всё тело.

Не было ничего необычного в том, что последняя часть занятия давалась труднее первых. Иногда Адель снижал нагрузку, если видел, что она приближается к пределу, иногда, наоборот, заставлял продолжать ещё несколько минут, чтобы убедиться, насколько далеко этот предел можно отодвинуть.

Сегодня он остановился почти вовремя.

Эрия сидела на краю кушетки, опустив голову. Волосы прилипли к влажному лбу, пальцы подрагивали от усталости. На предплечье темнели несколько свежих порезов, под ключицей наливался синяк, а левое запястье неприятно саднило после последнего заклятия.

Ей очень хотелось лечь.

Лучше всего — в собственную постель, под мягкое одеяло, с открытым окном и книгой.

Но сначала нужно было закончить.

Адель подошёл с небольшим сосудом лекарственного состава.

— Дай руку.

Эрия протянула её.

Мазь оказалась прохладной. Мужчина осторожно обработал повреждения, затем приложил ладонь к её запястью. Под кожей разлилось знакомое тепло, постепенно снимающее напряжение с мышц.

— Сегодняшние показатели хорошие, — сказал он. — Особенно во второй половине.

— Замечательно.

— Ты слушаешь?

— Конечно.

— Тогда почему такой тон?

Эрия посмотрела на него.

— Потому что я устала.

Адель кивнул, словно получил вполне удовлетворительный ответ.

— К ужину восстановишься.

Она медленно поднялась.

Пол на мгновение качнулся под ногами. Пришлось ухватиться за край стола.

Адель не сделал попытки помочь, только наблюдал, пока она не выпрямилась самостоятельно.

— Через полчаса Гинта принесёт восстановительный состав, — сообщил он. — Выпьешь полностью.

— Он отвратительный.

— Я знаю.

— Нельзя сделать его вкуснее?

— Можно. Но это ничего не изменит.

— Изменит моё отношение к нему.

Адель снова открыл журнал.

— Свободна, Эрия.

Она вышла из комнаты, осторожно прикрыв за собой дверь.

В коридоре было тихо.

Здесь всегда царила особая прохлада, даже летом. Свет проникал через узкие высокие окна и ложился на стены ровными прямоугольниками. Эрия некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь к своему телу.

Боль постепенно отступала.

Оставалась усталость, глубокая и тягучая, словно её мышцы налили свинцом.

Она посмотрела на собственные руки.

Тонкие пальцы. Небольшие покраснения возле запястий. На левой ладони старая белёсая полоска, которая почему-то так и не исчезла после одного из давних упражнений.

Иногда ей казалось удивительным, что тело вообще способно столько переносить.

А потом она вспоминала, как быстро заживают раны, и переставала удивляться.

Она была суккубом. Её природа отличалась от человеческой, хотя внешне это почти не проявлялось.

Варен говорил, что у неё исключительно сильное восстановление.

Адель утверждал, что это результат многолетней подготовки.

Эрия не знала, кто из них прав.

Возможно, оба.

Спустившись в гостиную, она обнаружила Гинту у камина. Та разбирала свежие цветы, расставляя белые розы в большой фарфоровой вазе.

— Закончила? — спросила женщина, не оборачиваясь.

— Угу.

— Как прошло?

— Прекрасно. Могу порекомендовать.

Гинта посмотрела на неё.

— Значит, тяжело.

Эрия кивнула.

— Я приготовила тебе ванну. Только не слишком горячую, хорошо? В прошлый раз ты потом жаловалась, что кружится голова.

— Не буду.

— И не засыпай там.

— Гинта.

— Что?

— Ты могла бы просто сказать, что беспокоишься обо мне.

Женщина осторожно расправила листья розы.

— Я и беспокоюсь.

Эрия почувствовала неожиданный прилив нежности.

Она подошла ближе, обняла Гинту со спины и на мгновение прижалась щекой к её плечу.

Та замерла с ножницами в руке.

— Эри, осторожно. У меня цветы.

— Я вижу.

— И ножницы.

— Их тоже вижу.

Гинта вздохнула, но не отстранилась.

Эрия постояла так ещё немного, наслаждаясь знакомым запахом её одежды — мыла, лаванды и свежего белья. Потом отпустила женщину и направилась к лестнице.

— Иди отдыхай, — сказала ей вслед Гинта. — К шести будешь чувствовать себя лучше.

— Надеюсь.

— Обязательно.

Эрия верила ей.

По большей части Гинта была права.

* * *

Вечером дождь всё-таки начался.

Он пришёл из леса медленно, сперва едва заметным шорохом в листве, затем тихим постукиванием по стёклам. К семи часам небо потемнело, и над садом повисла тонкая серебристая завеса, сквозь которую дальние деревья казались расплывчатыми и почти нарисованными.

Эрия сидела в гостиной возле окна, завернувшись в плед.

После ванны ей стало гораздо лучше. Повреждения почти затянулись, оставив только чувствительные участки кожи, а восстановительный состав, несмотря на отвратительный горький вкус, действительно помог снять усталость.

Теперь она чувствовала себя вполне сносно.

Разве что немного хотелось спать.

На коленях лежала та самая книга о железных дорогах. Она наконец добралась до главы, посвящённой ночным поездам, и с интересом рассматривала фотографии спальных купе.

Ей особенно понравилось одно — небольшое, с тёмно-синими стенами, мягким диваном и круглой лампой возле окна.

Интересно, удобно ли там спать?

Наверное, странно просыпаться и понимать, что за ночь оказался совсем в другом месте.

Она представила, как лежит под одеялом, а за окном медленно проплывают огни городов, тёмные поля, станции, на которых кто-то ждёт поезд, кто-то прощается и кто-то встречает.

Эрия закрыла книгу на пальце и посмотрела в окно.

По стеклу стекали капли дождя.

В саду было пусто.

После четырёх часов ей обычно разрешалось делать практически всё, что она хотела. Исключением оставались несколько комнат, которые Адель использовал для своих записей, и, разумеется, пространство за защитным барьером.

Но сама Эрия редко думала об этом как о запрете.

Что ей было делать в лесу?

Она прекрасно знала, что за деревьями нет ничего особенно интересного. Ещё больше деревьев, холмы, ручьи, возможно, какие-нибудь заброшенные дороги. До ближайшего населённого пункта, насколько она понимала, нужно было добираться несколько часов на автомобиле.

Иногда она представляла, как идёт туда пешком, просто чтобы проверить, правда ли всё устроено так, как рассказывают.

Но потом начинался дождь, или в библиотеке находилась интересная книга, или Гинта звала к ужину, и мысль исчезала сама собой.

Адель утверждал, что за границей дома небезопасно.

Варен говорил, что настанет время, когда ей больше не понадобится эта защита.

Эрия не видела смысла спорить с обоими.

Ей ведь всё равно скоро предстояло уехать.

Она задумчиво провела пальцем по краю страницы.

До дня рождения оставалось шесть дней.

Шесть.

Странно, насколько незначительным оказалось это число.

Когда-то восемнадцать лет представлялись ей чем-то бесконечно далёким. В книгах взрослые люди могли распоряжаться собственной жизнью, заключать договоры, путешествовать, влюбляться, уходить из дома, когда им заблагорассудится. Ей казалось, что совершеннолетие непременно должно ощущаться как перемена — будто в один прекрасный день человек просыпается и обнаруживает себя совершенно другим.

Теперь до этого дня оставалась меньше недели.

И Эрия почти не чувствовала приближения праздника.

Гинта уже сказала, что распорядок не изменится.

Адель наверняка назначит очередное занятие.

Варен, возможно, пришлёт подарок.

А потом, в один из ближайших дней, за ней приедут, соберут вещи, закроют дом, и она отправится навстречу жизни, о которой знала так много и одновременно почти ничего.

Эрия попыталась представить свадьбу.

Красивое платье, цветы, люди, которых она никогда не видела.

Варен рядом с ней.

Она знала его с детства. Знала звук его шагов, спокойный голос, привычку неторопливо листать страницы, прежде чем подарить книгу. Иногда он гладил её по волосам, когда она сидела возле его кресла, и Эрия невольно склоняла голову к его руке, точно так же, как делала много лет назад.

Но теперь ей было трудно понять, как всё это должно измениться после брака.

Варен говорил об их будущем без тени сомнения.

Она слушала.

Иногда задавала вопросы.

Ответы были разумными и подробными.

И всё же, когда он уезжал, Эрия нередко обнаруживала, что так и не спросила о самом главном.

Например, будет ли ей больно.

Не во время отдельных занятий, не несколько часов в день, а постоянно, если она начнёт принимать в себя всё то, что Варен намерен ей передать.

Она знала, что чужие чувства постепенно растворяются в ней. Иногда на это уходили дни, иногда месяцы. Бывали переживания, которые оставались на годы.

Варен существовал невероятно давно.

Сколько времени потребуется, чтобы переработать его боль?

Эрия не представляла.

Она попробовала мысленно сложить несколько столетий из дней, часов и минут, но быстро запуталась и оставила эту затею.

В конце концов, Варен обещал быть осторожным.

А он всегда был с ней осторожен.

По крайней мере, когда приезжал сам.

Из коридора донёсся звук шагов.

Эрия подняла голову.

В гостиную вошла Гинта, держа в руках небольшой серебряный поднос с чайником, чашкой и тарелкой печенья.

— Ты опять не пошла ужинать, — заметила она.

— Я не голодна.

— Человеческой едой ты питаешься не только ради удовольствия.

— Я знаю.

— Тогда почему опять пропускаешь?

— Потому что ты принесла печенье.

Гинта покачала головой, поставила поднос на столик и присела напротив.

Некоторое время они молчали, слушая дождь.

Эрия налила себе чаю, взяла одно печенье и откусила кусочек.

— Завтра у тебя питание, — сказала Гинта.

Девушка кивнула.

Она помнила.

В отдельной комнате на первом этаже находилось помещение, куда несколько раз в месяц приводили доноров. Обычно одних и тех же людей. Эрия знала их имена, иногда — отдельные подробности их жизни, хотя Адель считал подобное любопытство бесполезным.

Она привыкла к этим встречам.

Они помогали утолять тот особенный голод, который появился у неё после шестнадцати и не имел почти ничего общего с обычным желанием поесть.

Иногда после сеансов она чувствовала себя прекрасно. Иногда оставалась странная неудовлетворённость, словно она получила достаточно энергии, но упустила что-то ещё, чему пока не могла подобрать названия.

— Питер будет? — спросила она.

— Насколько мне известно, да.

— А Анна?

— Возможно.

Эрия улыбнулась.

— Она обещала рассказать, как сходила в театр.

Гинта посмотрела на неё с выражением, которое девушка слишком хорошо знала.

— Не начинай, Эри.

— Что?

— Разговоры.

— Но она сама обещала!

— Доноры приходят не для того, чтобы развлекать тебя историями.

— Я знаю, для чего они приходят.

— Тогда веди себя соответственно.

Эрия обиженно откусила ещё кусочек печенья.

Ей нравилась Анна.

Та всегда приходила в красивых платьях, носила необычные украшения и однажды рассказала, что в большом городе есть театр, где актёры выступают на сцене, окружённой водой. Эрия потом долго искала сведения об этом представлении, но так и не сумела выяснить, было ли оно настоящим или Анна что-то перепутала.

Теперь ей хотелось спросить.

И разве несколько фраз могли кому-нибудь повредить?

— Она ведь приходит добровольно, — заметила Эрия.

— Разумеется.

— И ей нравится разговаривать со мной.

— Не сомневаюсь.

— Тогда почему…

— Потому что таковы правила.

Эрия вздохнула.

Этот ответ ей нравился меньше всех остальных.

Правила существовали повсюду. Они определяли, во сколько нужно вставать, когда приходить на занятия, сколько времени можно разговаривать с донорами, какие книги разрешается получать непосредственно от поставщиков, а какие Варен должен сначала просмотреть сам.

Иногда правила были разумными.

Иногда совершенно бессмысленными.

Но ни Гинта, ни Адель не видели необходимости различать одно и другое.

Эрия поставила чашку на столик.

— Можно хотя бы спросить, как прошёл спектакль?

Гинта некоторое время смотрела на неё.

Потом вздохнула.

— Если останется время после сеанса.

Эрия просияла.

— Спасибо!

— И никаких лишних вопросов.

— Конечно.

— Эрия.

— Я обещаю.

Гинта покачала головой, но уголки её губ дрогнули.

Дождь за окном усилился. Где-то далеко в лесу прогремел глухой, раскатистый гром.

Эрия с наслаждением завернулась в плед плотнее.

Ей нравились грозы.

Особенно когда можно было сидеть дома, пить чай, читать и никуда не торопиться.

— Кстати, — сказала Гинта, поднимаясь, — завтра тебе нужно закончить все дела до вечера.

— Почему?

— Господин Варен приедет.

Эрия замерла с чашкой в руках.

— Завтра?

— Да.

— Но он говорил, что будет занят до следующей недели.

— Планы изменились.

Она некоторое время молчала.

Варен не предупреждал о своём приезде.

Обычно он сообщал заранее, иногда за несколько недель. Гинта начинала распоряжаться приготовлениями, Адель проверял отчёты, а Эрия выбирала платье и думала, о чём хочет поговорить.

Теперь оставался всего один день.

— Надолго? — спросила она.

— Полагаю, ненадолго. У него много дел.

— Он что-нибудь просил передать?

— Нет. Только сообщил, что хотел бы тебя увидеть.

Гинта взяла пустую тарелку.

— Постарайся завтра не переутомляться. И ложись сегодня пораньше.

Эрия кивнула.

Когда женщина вышла, девушка ещё долго смотрела на дождь.

Она любила визиты Варена.

Он привозил книги, рассказывал о далёких странах, отвечал на вопросы, которые Адель считал глупыми, а Гинта — неподходящими. С ним можно было обсуждать искусство, политику, историю, философию; он знал удивительно много и никогда не смеялся над её любопытством.

Но в последнее время после разговоров с ним Эрия всё чаще оставалась с тяжёлым, труднообъяснимым ощущением.

Будто что-то очень важное постепенно приближалось, а она никак не могла разглядеть его очертаний.

Она поставила чашку на столик и снова раскрыла книгу.

На странице была фотография ночного поезда.

За окном вагона простирались тёмные поля, освещённые несколькими далёкими огнями. Внутри купе горела маленькая лампа, лежало аккуратно сложенное одеяло, а на столике стояла чашка.

Эрия долго рассматривала снимок.

Потом устроилась удобнее, подтянула плед к подбородку и принялась читать.

Завтра нужно было успеть закончить книгу до приезда Варена.

Книгу Эрия всё-таки закончила, хотя ради этого пришлось нарушить обещание лечь пораньше.

Последние страницы она читала уже в постели, забравшись под одеяло почти с головой и оставив снаружи только руку, державшую тяжёлый том. Дождь закончился далеко за полночь, и в тишине, наступившей после него, отчётливо слышалось, как с крыши падают последние капли. В какой-то момент Эрия обнаружила, что перечитывает один и тот же абзац в третий раз, но закрывать книгу не стала. Ей хотелось узнать, чем закончится путешествие французского инженера, отправившегося через половину Европы ради строительства железной дороги, которую большинство его современников считали совершенно ненужной.

Инженер добился своего.

Эрия закрыла книгу с глубоким удовлетворением.

Ей нравились истории о людях, которые долго и упрямо занимались тем, во что никто, кроме них самих, не верил. Правда, чаще всего такие истории были написаны уже после того, как выяснялось, что эти люди оказались правы. Интересно, сколько существовало других — о тех, кто потратил всю жизнь на нечто совершенно бесполезное и так и не дождался признания?

С этой мыслью она погасила лампу.

Утром Гинта встретила её недовольным взглядом.

— Ты опять читала ночью.

Эрия, ещё не успевшая окончательно проснуться, остановилась в дверях кухни.

— С чего ты взяла?

— У тебя глаза сонные.

— Я только что встала.

— И на лице отпечаталась подушка.

— Это от подушки.

— Эрия.

Она улыбнулась и подошла к столу.

На завтрак были сырники с вишнёвым соусом. Эрия любила их настолько, что обычно могла съесть две порции, но сегодня Гинта положила ей только три небольших сырника и поставила рядом чашку травяного чая.

— Почему так мало?

— Через полтора часа питание. Не стоит перегружать желудок.

— Но я могу съесть ещё один.

— После сеанса.

Эрия посмотрела на тарелку, потом на Гинту.

— А если я умру от голода до десяти?

— Тогда Аделю придётся объяснять господину Варену, почему ты не дожила до его приезда из-за одного сырника.

Эрия рассмеялась.

Гинта редко позволяла себе подобные шутки, и оттого они нравились девушке особенно сильно.

— Кстати, — сказала женщина, наливая чай, — после питания сегодня сразу пойдёшь к Аделю. Он немного изменил программу, чтобы ты успела отдохнуть перед вечером.

— Изменил в какую сторону?

— Насколько я поняла, сократил последнюю часть.

— Замечательный человек.

— Ещё вчера ты называла его невыносимым.

— Сегодня он замечательный. Я умею пересматривать свои убеждения.

Гинта спрятала улыбку за чашкой.

* * *

Комната кормления находилась на первом этаже, в том же крыле, что и кабинет Аделя, но Эрия никогда не путала эти два помещения.

Здесь было теплее.

На стенах висели светлые картины с изображением цветов, под потолком горели мягкие матовые светильники, а вместо длинной кушетки стояло глубокое кресло с подставкой для ног. Напротив него располагалась широкая перегородка из особого стекла, которое в обычном состоянии было совершенно прозрачным, а во время передачи энергии приобретало едва заметный серебристый оттенок.

По другую сторону находилась ещё одна комната.

Эрия знала, что там есть удобные кресла, столик с водой и небольшая раздевалка. Однажды она попросила показать ей помещение, в котором сидят доноры, но Адель не увидел в этом необходимости.

— Зачем?

— Интересно.

— Оно устроено практически так же, как эта комната.

— Тогда тем более непонятно, почему мне нельзя посмотреть.

Адель ответил, что любопытство не является достаточным основанием для нарушения установленного порядка.

Эрия так и не поняла, какой именно порядок нарушился бы, если бы она прошла на несколько метров дальше по коридору.

Зато она любила кресло.

Оно было обито тёмно-зелёным бархатом, который приятно холодил кожу в первые секунды прикосновения, а потом постепенно нагревался. Иногда Эрия приходила чуть раньше назначенного времени только затем, чтобы устроиться в нём и посидеть несколько минут в тишине.

Сегодня она обнаружила за стеклом Анну.

Та уже сидела в своём кресле и листала журнал.

— Доброе утро! — обрадовалась Эрия.

Анна подняла голову.

— А вот и наша красавица. Как поживаешь?

— Хорошо. А ты?

— Немного сонная. Вчера поздно вернулась домой.

Эрия оживилась.

— Из театра?

Анна засмеялась.

— Ты всё-таки помнишь!

— Конечно. Ты обещала рассказать.

Анна была одной из постоянных доноров. Высокая светловолосая женщина лет тридцати, с приятным низким голосом и привычкой носить крупные серьги. Она появлялась примерно дважды в месяц, иногда чаще, и почти всегда приносила с собой какой-нибудь журнал или книгу. Эрия знала, что Анна работает в городе, любит театр и терпеть не может общественный транспорт в час пик.

Однажды та рассказала, что потратила сорок минут на поездку длиной в шесть километров.

Эрия потом долго пыталась понять, почему не пошла пешком.

Анна объяснила, что была на каблуках.

Это показалось ещё более странным: зачем надевать обувь, в которой неудобно ходить?

— Там действительно была вода? — спросила Эрия, устраиваясь в кресле.

— Была. Представляешь, прямо на сцене устроили неглубокий бассейн. Актёры ходили по нему босиком, и свет отражался от поверхности так, что казалось, будто всё происходит под водой.

— Настоящий бассейн?

— Самый настоящий.

— А как они не поскользнулись?

— Понятия не имею.

— А костюмы не намокли?

— Намокли, разумеется.

— Тогда зачем им вообще понадобился бассейн?

Анна рассмеялась.

— Эри, это искусство. Там не всё должно быть практично.

— Но если они хотели изобразить воду, могли использовать свет. Я читала, что существуют совершенно невероятные способы создавать иллюзию…

— Девушки.

Голос Гинты заставил обеих замолчать.

Женщина стояла у двери с небольшим планшетом в руках.

— Анна, вы готовы?

— Да, конечно.

— Эрия?

Девушка вздохнула.

— Готова.

— Тогда начнём. Разговоры оставьте на потом.

Анна скорчила сочувственную гримасу.

Эрия ответила ей такой же, вызвав у Гинты выразительный взгляд.

Она послушно откинулась на спинку кресла.

Гинта подошла к приборной панели возле перегородки и проверила несколько показателей. Раздался тихий щелчок, стекло слегка потемнело, а по его поверхности пробежали тонкие серебряные линии.

Эрия прикрыла глаза.

Обычная пища приносила ей удовольствие, но не могла полностью удовлетворить потребности её природы. После шестнадцати голод стал появляться всё чаще, поначалу совсем

слабый, похожий на странную усталость, которую невозможно было снять сном. Позднее Эрия научилась различать его. Когда приходило время питания, ощущения становились острее, окружающие звуки — отчётливее, а внутри возникала настойчивая пустота, не имевшая ничего общего с пустым желудком.

Долгое время ей было трудно объяснить, чего именно недостаёт.

Адель рассказывал о природе суккубов, о страсти как источнике особой жизненной энергии, о способности её вида воспринимать и направлять чужое желание. Эрия читала соответствующие разделы в предоставленных ей книгах, задавала вопросы и выполняла упражнения. Со временем кормление стало таким же привычным, как завтрак или восстановительные составы после занятий.

Только потребность в нём не подчинялась расписанию так послушно, как хотелось Аделю.

Сегодня голод был умеренным.

Эрия чувствовала его где-то под рёбрами, как едва заметное напряжение, которое постепенно нарастало.

За стеклом Анна устроилась удобнее и закрыла глаза.

Ей не требовалось обращаться к Эрии или делать что-нибудь особенное. Доноры учились самостоятельно пробуждать и удерживать необходимое эмоциональное состояние, обращаясь к собственным переживаниям и воспоминаниям. Магическая перегородка позволяла передавать энергию, не смешивая сознания и не создавая непосредственной связи между участниками.

Вскоре Эрия ощутила знакомое тепло.

Оно пришло медленно, словно кто-то раздвинул тяжёлые шторы и впустил в прохладную комнату солнечный свет. Напряжение под рёбрами ослабло. Тело охотно принимало предложенную энергию, постепенно заполняя неприятную пустоту.

У разных доноров она отличалась.

Эрия давно научилась узнавать их даже с закрытыми глазами.

Энергия Анны была тёплой, насыщенной, с лёгкой терпкостью, которую девушка всякий раз мысленно сравнивала с вишнёвым соком. Питер, напротив, отдавал ровную, спокойную силу, похожую на согревающий напиток, выпитый после долгой прогулки на холоде.

Иногда Эрия задумывалась, почему ощущения так различаются.

Адель говорил, что это обусловлено индивидуальной природой эмоционального источника.

Ей казалось, что он мог бы сказать проще.

За перегородкой тихо зазвенел один из приборов.

Эрия открыла глаза.

Анна по-прежнему сидела неподвижно. На её лице не было ни напряжения, ни боли; только лёгкая усталость, какая появляется после долгого рабочего дня.

Эрия почувствовала, что насытилась.

Она осторожно ослабила поток и отстранилась.

— Готово, — сказала она.

Гинта проверила показания.

— Хорошо. Немного больше прошлого раза.

— Я сильнее проголодалась.

— Восстановление должно быть стабильным. Не забывай следить за своим состоянием.

За стеклом Анна потянулась и открыла глаза.

— Как ты?

— Хорошо, — ответила Эрия. — А ты?

— Замечательно. Только кофе теперь хочется.

— Мне тоже.

Гинта отключила перегородку.

Серебристая плёнка исчезла, и стекло вновь стало прозрачным.

Анна поднялась.

— Ну что, до следующего раза?

Эрия посмотрела на Гинту.

Та сделала вид, что не заметила.

— Ты расскажешь мне, чем закончился спектакль? — быстро спросила девушка.

Анна улыбнулась.

— Все умерли.

— Все?!

— Почти.

— Но ты говорила, что это комедия!

— Я говорила, что там будет смешно. Не обещала счастливого конца.

Эрия возмущённо раскрыла рот.

Анна рассмеялась и помахала ей рукой.

— В следующий раз расскажу подробнее. А ты прочитай что-нибудь хорошее и посоветуй мне, ладно?

— Обязательно!

Дверь за женщиной закрылась.

Эрия ещё некоторое время смотрела на опустевшее кресло.

Ей было приятно разговаривать с Анной.

Та никогда не называла её способности исключительными, не интересовалась результатами испытаний и не спрашивала, насколько лучше девушка стала справляться с очередным упражнением. Она могла рассказать о неудачной причёске, испорченных туфлях или о том, как поссорилась с подругой из-за совершенно нелепого недоразумения.

Эрия иногда не понимала, почему эти мелочи казались Анне такими важными.

Но слушать их любила.

— Пойдём, — сказала Гинта.

Девушка поднялась из кресла, но всё ещё поглядывала на дверь, за которой исчезла Анна.

— Интересно, Варен согласится сводить меня в театр?

— Думаю, когда переедешь к нему, у тебя будет достаточно возможностей посещать подобные места.

— Тогда я попрошу его найти тот спектакль, о котором рассказывала Анна.

— Если он ещё идёт.

Эрия задумалась. Ей почему-то не приходило в голову, что представления могут исчезать так же, как заканчиваются книги. Только книгу всегда можно открыть снова.

— Надо было спросить, как он называется, — с сожалением заметила она.

Выйдя в коридор, она вдруг вспомнила рассказ Анны о мокрых костюмах, актёрах, босиком ходивших по воде, и о зале, где множество незнакомых людей сидели рядом, наблюдая за одной и той же историей.

Ей представилось, как они выходят после спектакля на улицу, обсуждают увиденное, смеются, спорят, ищут такси или идут пешком до метро.

Она попыталась представить себя среди них.

И обнаружила, что не знает, о чём стала бы говорить.

* * *

В тот день Адель действительно сократил программу, хотя Эрия довольно быстро поняла, что это вовсе не означает уменьшения нагрузки.

Он просто убрал один из перерывов и отказался от заключительной серии упражнений на восстановление. Вместо неё назначил продолжительное удержание эмоционального воздействия на фоне физической боли, объяснив, что после сеанса питания уровень её сопротивляемости должен быть выше обычного.

Эрия подозревала, что он давно собирался это проверить, а приезд Варена оказался удобным поводом.

Впрочем, к трём часам спорить с ним уже не хотелось.

В комнате пахло лекарственными составами и свежей тканью. Эрия сидела на кушетке, держа перед собой магическую конструкцию из нескольких тонких колец. На коже её запястий проступали красные следы, одно из колец медленно дрожало и никак не хотело возвращаться в прежнее положение.

Адель наблюдал за результатами с таким сосредоточенным видом, словно девушка была сложным прибором, который необходимо правильно настроить.

— Ещё немного, — произнёс он.

— Ты говорил это десять минут назад.

— Тогда оставалось больше.

— Очень утешительно.

Боль нарастала медленно, расползаясь от запястий вверх по рукам. Эрия чувствовала, как напрягаются мышцы плеч, как внутри поднимается раздражение, как хочется прекратить упражнение и наконец позволить себе просто устать.

Она удерживала кольца.

Одно из них на мгновение потускнело.

Адель тут же изменил положение пальцев, усиливая заклятие.

Эрия судорожно вдохнула.

— Сосредоточься.

— Я сосредоточена!

— Тогда не отвлекайся на собственное возмущение.

Ей хотелось сказать, что возмущение — единственное, что помогает не заснуть посреди его невыносимых занятий.

Но сил хватило лишь на сердитый взгляд.

Через несколько минут Адель наконец снял воздействие.

Светящиеся кольца исчезли.

Эрия опустила руки и некоторое время сидела неподвижно, прислушиваясь к тому, как постепенно отступает боль. Ощущение было знакомым: словно тело ещё не получило известия о том, что ему больше ничего не угрожает, и продолжало готовиться к следующему удару.

Адель протянул ей стакан воды.

Она выпила половину, потом спросила:

— Варену обязательно нужно знать все подробности?

— Какие именно?

— Сколько раз я ошиблась. Сколько не удержала. Когда закричала.

Мужчина посмотрел на неё.

— Господин Варен получает полный отчёт.

— Даже если результат хороший?

— Результат состоит не только из итогового показателя.

Эрия вздохнула.

Ей вдруг стало неприятно представлять, как Варен сидит где-нибудь в своём кабинете и читает о том, сколько раз она не выдержала боль, как долго смогла удерживать чужое чувство и на каком этапе попросила остановиться.

Она знала, что он следит за её подготовкой.

Но знать об этом и представлять его за чтением подробных отчётов было совсем не одно и то же.

— Он всегда всё читает? — спросила она.

Адель закрыл журнал.

— Насколько мне известно, да.

— У него ведь так много дел.

— Это одно из них.

Эрия некоторое время молчала.

— Наверное, — сказала она наконец.

Адель отложил записи и подошёл к кушетке.

— Дай руки.

Она протянула их ладонями вверх.

На внутренней стороне запястий виднелись тонкие порезы, оставленные последним воздействием. Адель обработал кожу прохладным составом, проверил пульс и аккуратно провёл пальцами вдоль одного из повреждений.

— Ты хорошо справилась, — сообщил он. — Лучше, чем я ожидал.

Эрия подняла на него глаза.

— Правда?

— Да.

— Значит, ты доволен?

Он помолчал.

— Результатом — да.

Она улыбнулась.

Адель не ответил на улыбку, однако движения его стали чуть мягче.

— Иди отдыхай. Сегодня больше ничего не будет.

Эрия спрыгнула с кушетки, едва не потеряв равновесие от слабости в ногах.

— А завтра?

— Завтра по обычному расписанию.

Она поморщилась.

— Даже после приезда Варена?

— Он не собирается оставаться на ночь.

Это почему-то разочаровало её.

— Понятно.

Адель посмотрел на часы.

— У тебя достаточно времени, чтобы привести себя в порядок. Не заставляй Гинту искать тебя по всему дому.

— Она всегда знает, где я.

— Тем более.

Эрия направилась к двери.

Уже взявшись за ручку, она оглянулась.

— Адель?

— Что ещё?

— Как думаешь, ему понравятся сегодняшние результаты?

Мужчина оторвался от журнала.

Вопрос, кажется, несколько удивил его.

— Полагаю, да.

— Хорошо.

Она вышла, осторожно прикрыв дверь.

На лестнице Эрия остановилась у окна, чтобы посмотреть на сад.

После вчерашнего дождя воздух был необыкновенно прозрачным, солнце освещало мокрые листья, и даже старая каменная чаша фонтана казалась красивее обычного. Где-то среди кустов возились птицы, а у дальнего края дорожки сидела рыжая белка, увлечённо грызшая что-то между передними лапами.

Эрия постояла несколько минут, наблюдая за ней.

Ей хотелось спуститься, выйти на солнце и устроиться на скамье, подставив лицо тёплому воздуху.

Но Гинта наверняка уже набирала ванну.

К тому же Варен должен был приехать вечером.

Эрия пошла наверх.

* * *

К приезду Варена дом всегда становился немного другим.

Гинта утверждала, что ничего особенного не меняется, но Эрия замечала разницу. На столе в гостиной появлялись свежие цветы, в прихожей зажигали дополнительные светильники, а из буфета доставали тонкие фарфоровые чашки, которыми никто не пользовался в обычные дни. На кухне пахло чем-то сложным и дорогим, хотя сам Варен почти никогда не оставался на ужин. Адель надевал пиджак, Гинта меняла домашнюю одежду на строгое платье, и даже воздух в коридорах словно приобретал особенную неподвижность.

Эрия не вполне понимала, для чего нужны все эти приготовления.

Варен никогда не ругал Гинту за неподходящую чашку или неудачно расставленные цветы. Однажды он вообще приехал посреди ночи, без предупреждения, выпил чай из любимой кружки Эрии с нарисованным на боку кроликом и остался совершенно доволен.

Но Гинта считала, что в доме должен соблюдаться порядок.

Особенно когда приезжает его владелец.

К половине шестого Эрия успела принять ванну, высушить волосы и перебрать почти весь гардероб.

Гинта забраковала голубое платье, потому что оно было слишком повседневным, и тёмно-зелёное, поскольку у него оторвалась одна из крошечных пуговиц. Эрия хотела просто пришить её обратно, но женщина заявила, что времени нет.

В конце концов они остановились на платье цвета топлёного молока — мягком, с длинными рукавами и тонким поясом. Оно нравилось Эрии: ткань приятно скользила по коже, не стесняла движений и почти не мялась.

Пока Гинта расчёсывала ей волосы, девушка сидела перед зеркалом и наблюдала, как густые каштановые пряди постепенно укладываются ровными блестящими волнами.

— Может, заплести? — предложила женщина.

— Не хочу.

— С распущенными будет неудобно.

— Мне удобно.

Гинта посмотрела на неё в зеркало.

— Разумеется.

Эрия улыбнулась.

Она любила свои волосы, хотя порой они доставляли ужасно много хлопот. Особенно летом, когда от жары пряди липли к шее, или после занятий, когда приходилось долго распутывать их, стараясь не задеть повреждённую кожу.

Гинта провела щёткой ещё несколько раз и положила её на столик.

— Готово.

Эрия повернула голову вправо, затем влево.

На неё смотрела девушка с большими янтарными глазами и несколько утомлённым лицом. Следы вчерашней ранки у виска исчезли, зато под глазами оставались лёгкие тени после бессонной ночи.

— Я выгляжу усталой?

— Немного.

— Это плохо?

— Нет. Но тебе стоило послушать меня и лечь раньше.

Эрия поморщилась.

— Я знала, что ты это скажешь.

Гинта поправила воротник её платья.

— Господин Варен не станет рассматривать тебя под увеличительным стеклом.

— Я знаю.

— Тогда чего ты беспокоишься?

Эрия не сразу ответила. Она и сама не вполне понимала, что именно заставляло её нервничать. Варен приезжал много раз, и каждый его визит становился приятным нарушением привычного распорядка. Он никогда не требовал от неё невозможных манер, не сердился из-за неудачно подобранного платья и уж тем более не обращал внимания на такие мелочи, как растрепавшиеся волосы.

И всё же сегодня ей почему-то хотелось выглядеть особенно хорошо.

— Я не беспокоюсь, — сказала она наконец. — Просто давно его не видела.

— Всего три недели.

— Почти четыре.

Гинта улыбнулась их отражениям в зеркале.

— Тогда тем более нечего волноваться.

Она расправила складку на плече Эрии, убедилась, что пояс завязан ровно, и вышла, оставив девушку одну.

Эрия ещё немного посидела перед зеркалом. Янтарные глаза казались особенно яркими на фоне светлого платья, а распущенные каштановые волосы закрывали почти всю спину. Она наклонила голову, рассматривая собственное отражение под другим углом, затем невольно улыбнулась себе и поднялась.

На лестнице было тихо. Из гостиной доносились негромкие звуки музыки — Гинта включила старую фортепианную запись, которую Варен особенно любил. Эрия узнала мелодию, хотя не сразу вспомнила название. Ей всегда казалось странным, что некоторые музыкальные произведения можно узнать по первым нескольким нотам, даже если не слышал их месяцами.

Она медленно спустилась на первый этаж, придерживаясь рукой за гладкие деревянные перила.

У входной двери стоял Адель. В тёмном костюме, с аккуратно уложенными волосами и привычно невозмутимым выражением лица он выглядел так, словно вовсе не провёл большую часть дня в комнате испытаний.

— Ты уже готова? — спросил он.

— Как видишь.

Его взгляд ненадолго задержался на её лице.

— Сегодня хорошо выглядишь.

Эрия с удивлением подняла брови.

— Это комплимент?

— Наблюдение.

— Какое неожиданно приятное.

— Постарайся не испортить впечатление.

Она показала ему язык.

Адель отвернулся, однако Эрия успела заметить, как дрогнул уголок его рта.

Со стороны подъездной дорожки послышался негромкий шум двигателя. За окнами мелькнул свет фар, скользнув по влажным после вчерашнего дождя кустам, и через несколько мгновений автомобиль остановился перед домом.

Эрия подошла к окну.

Большая тёмная машина стояла у каменных ступеней. Она не разбиралась в автомобилях настолько хорошо, чтобы безошибочно называть марки, но знала, что Варен редко приезжает на одной и той же. Иногда это были длинные представительские седаны, иногда — низкие спортивные машины, красивые и совершенно непрактичные на лесной дороге. Однажды он позволил Эрии посидеть за рулём, предварительно убедившись, что двигатель выключен. Ей тогда особенно понравился запах кожаного салона и множество кнопок, назначение которых она так и не успела выяснить.

Теперь Варен вышел из машины, застегнул пиджак и поднялся на крыльцо.

Адель открыл дверь прежде, чем раздался звонок.

— Добрый вечер, господин Варен.

— Добрый вечер, Адель. Как дела в доме?

Голос Варена был негромким, глубоким, с той неспешной мягкостью, которая сразу делала всякое приветствие похожим на начало обстоятельного разговора.

Эрия вышла из гостиной.

Варен заметил её почти сразу.

Он был высоким мужчиной, красивым той спокойной, зрелой красотой, которая не требовала ни нарочитой эффектности, ни особенно выразительной мимики. Тёмные волосы, чуть тронутые сединой у висков, были аккуратно зачёсаны назад; превосходно сшитый костюм сидел на нём так естественно, словно иной одежды он никогда не носил. Лицо с правильными, несколько строгими чертами казалось почти неподвижным, пока он не улыбнулся.

Тогда строгость исчезла.

— Моя дорогая.

Эрия улыбнулась в ответ и подошла к нему.

Варен обнял её, позволив на мгновение прижаться к себе, затем отстранился ровно настолько, чтобы рассмотреть её лицо.

— Дай-ка на тебя посмотреть.

Она послушно подняла голову.

Его глаза были необычного тёмно-красного цвета. При дневном свете они иногда казались почти карими, но сейчас, в тёплом освещении прихожей, в глубине радужки поблёскивали густые рубиновые оттенки.

Эрия знала эти глаза с детства.

Когда-то она их боялась.

Странно было теперь об этом вспоминать. Несколько первых лет рядом с Вареном её иногда охватывал совершенно необъяснимый ужас. Достаточно было ему войти в комнату или протянуть к ней руку, как сердце начинало болезненно колотиться, а тело словно готовилось бежать. Она не понимала причин этого страха и особенно мучилась от того, что он возникал даже тогда, когда Варен был с ней исключительно ласков.

Потом приступы стали случаться всё реже.

А однажды прекратились совсем.

Теперь воспоминание о них казалось чем-то далёким, почти чужим. Эрия даже не могла с уверенностью сказать, что именно тогда её пугало. Варен никогда не повышал на неё голос и почти всегда привозил что-нибудь приятное.

— Ты выросла с нашего последнего свидания, — заметил он.

Эрия рассмеялась.

— За три недели?

— Почти четыре, насколько мне помнится.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Ты тоже считаешь?

— Разумеется.

Варен осторожно убрал с её щеки выбившуюся прядь.

— Я всегда рад тебя видеть, Эри.

Он поцеловал её в лоб, затем повернулся к Аделю.

— Отчёты получил. Благодарю, мы обсудим их позднее.

— Конечно, господин Варен.

— Гинта дома?

— В гостиной, — ответила Эрия. — Она приготовила чай. И пирог. Правда, мне не сказала какой.

— Тогда, полагаю, следует немедленно выяснить.

Он предложил ей руку.

Эрия охотно взялась за неё и повела его в гостиную.

Гинта действительно приготовила пирог — с грушами, миндалём и тонкой хрустящей корочкой. Эрия обнаружила его под серебряной крышкой и немедленно заявила, что её несправедливо лишили возможности попробовать первый кусочек.

— А ты собиралась съесть его ещё до приезда гостя? — спросил Варен.

— Я собиралась убедиться, что он получился вкусным.

— Исключительно из заботы о госте?

— Разумеется.

Варен негромко рассмеялся.

Эрия любила его смех. Он редко смеялся громко, но когда происходило нечто действительно забавное, в его голосе появлялось неожиданное тепло, совершенно меняющее выражение лица.

Они устроились возле большого окна, из которого открывался вид на сад. Варен занял своё обычное кресло, а Эрия села напротив, подобрав под себя ноги, прежде чем вспомнить о наставлениях Гинты.

Она поспешно опустила их на пол.

Варен заметил движение.

— Неужели Гинта до сих пор воюет с твоими привычками?

— Безуспешно.

— Тогда не стоит лишать её любимого занятия. Устраивайся как тебе удобно.

Эрия с удовольствием снова забралась в кресло с ногами.

Варен некоторое время наблюдал за ней, затем взял чашку.

— Рассказывай, моя дорогая. Что нового произошло с тех пор, как мы виделись?

Вопрос всякий раз вызывал у Эрии затруднение.

В доме редко происходило что-нибудь по-настоящему новое, а Варен и без того знал о занятиях, изменениях в расписании и результатах подготовки. Иногда ей казалось, что он осведомлён о её жизни лучше, чем она сама.

И всё же она начала рассказывать.

О книге, посвящённой старым европейским вокзалам. О том, как одна из яблонь сбросила почти все плоды раньше времени. О сломанном переплёте редкого издания, который ей удалось починить с помощью клея, доставленного вместе с последней посылкой. О рассказе Анны про необычную театральную постановку.

Варен слушал внимательно.

Он не перебивал, не смотрел на часы и не заставлял её сокращать историю, даже когда Эрия увлекалась подробностями. Иногда задавал вопросы, которые показывали, что он действительно следит за её рассуждениями.

Когда она рассказала о спектакле, где актёры ходили по воде, Варен назвал театр и режиссёра.

— Ты видел его? — изумилась Эрия.

— Нет. Но слышал довольно много. Постановку обсуждали даже люди, обычно совершенно равнодушные к современному театру.

— Анна сказала, что все умерли.

— В финале?

— Да.

— Тогда, вероятно, она смотрела не комедию.

Эрия довольно кивнула.

— Я тоже так подумала.

Варен улыбнулся.

— Мы обязательно сходим куда-нибудь вместе, когда ты переедешь.

Она подняла голову.

— Правда?

— Разумеется. Ты ведь давно хочешь попасть в настоящий театр.

— Очень.

— Тогда выберем что-нибудь интересное. Хотя советую для начала не самое сложное произведение. Зритель, который впервые приходит в театр, должен иметь возможность насладиться представлением, а не тратить всё время на попытки понять замысел режиссёра.

— Но мне нравится понимать замысел.

— Знаю, дорогая. И всё же иногда полезно сначала просто получать удовольствие.

Он произнёс это с такой естественной уверенностью, что Эрия на мгновение задумалась.

Она умела получать удовольствие от множества вещей. От книг, музыки, сладостей, солнечного света. Но почти всё, что ей нравилось, находилось внутри дома.

Иногда ей казалось, что за его пределами должны существовать совершенно другие виды счастья, о которых невозможно узнать даже из самых подробных описаний.

— А можно будет посмотреть настоящий океан? — спросила она.

Варен поставил чашку.

— Конечно.

— Не с берега, а с корабля.

— Если пожелаешь.

— И ночной город? С высоты?

— Думаю, тебе особенно понравится Нью-Йорк. Или Гонконг. Там есть здания, с верхних этажей которых открывается поразительный вид.

Эрия некоторое время смотрела на него, представляя огни огромных городов, воду, уходившую за горизонт, и корабли, похожие на маленькие белые точки посреди бесконечной синевы.

Варен наблюдал за выражением её лица с явным удовольствием.

— Тебе будет открыт весь мир, Эрия, — сказал он. — Всё, о чём ты столько читала. Города, музеи, театры, моря. Я хочу, чтобы ты наконец увидела всё собственными глазами.

— Мне понадобится очень много времени.

— У нас его достаточно.

Она улыбнулась.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что это правда.

Варен протянул руку, и Эрия привычно подалась вперёд, позволяя ему коснуться своих волос.

Он медленно погладил её по голове, как делал с тех пор, когда она была ещё совсем маленькой.

— Я ведь обещал тебе, что однажды ты уедешь отсюда, — напомнил он. — Теперь этот день совсем близко.

Эрия опустила взгляд на свою чашку.

Разговор вновь приблизился к тому, о чём она думала всё чаще.

— После дня рождения?

— Не немедленно. Нам потребуется ещё немного времени для необходимых приготовлений. Полагаю, приблизительно месяц.

Она кивнула.

Месяц.

Это было одновременно очень мало и удивительно много.

— А потом свадьба?

— Да, моя дорогая.

Варен произнёс ответ так спокойно, словно речь шла о чём-то давно решённом и потому не нуждавшемся в дополнительных объяснениях.

— Совсем скоро ты станешь моей женой.

Эрия осторожно провела пальцем по краю блюдца.

В детстве ей нравилось представлять будущую свадьбу. Она рассматривала фотографии красивых платьев, читала о старинных свадебных традициях, даже однажды спросила Гинту, обязательно ли невесте носить белое. Тогда всё казалось чем-то далёким и почти сказочным.

Теперь, когда до этого оставались считаные недели, мысли всё чаще обращались не к платью.

— Варен?

— Я слушаю.

— А после свадьбы занятия закончатся?

Он немного помолчал.

— Изменится их характер.

— Значит, не закончатся.

— Ты ведь понимаешь, для чего мы столько лет готовили тебя.

Эрия кивнула.

— Понимаю.

— И понимаешь, насколько велико значение твоего дара.

Она снова кивнула, хотя эти слова уже не вызывали прежней радости.

Варен смотрел на неё внимательно, не торопя с ответом.

— Ты хочешь спросить о чём-то ещё?

Эрия колебалась.

Вопрос давно жил у неё внутри, но каждый раз, когда она пыталась придать ему достаточно ясную форму, тот распадался на множество других. Она знала, что ей предстоит принимать чужие эмоции. Знала, что подготовка нужна для того, чтобы выдержать большую нагрузку.

Но чем ближе становился брак, тем чаще она вспоминала собственные испытания.

Четыре часа боли казались очень долгими, пока находишься в комнате Аделя.

А столетия представлялись почти бесконечными.

— Когда я начну принимать твои чувства, — произнесла она наконец, — мне будет больно так же, как на занятиях?

Варен не ответил сразу.

Он неторопливо поставил чашку, затем чуть наклонился к ней.

— Иногда, Эрия. Я не стану обманывать тебя.

Она почувствовала, как сжались пальцы на коленях.

— Часто?

— Всё зависит от того, насколько быстро ты научишься справляться с новой нагрузкой. Мы не будем начинать с того, что превышает твои возможности.

Эрия обдумала ответ.

Он был разумным.

Адель тоже всегда говорил, что нагрузка должна увеличиваться постепенно.

— Но ведь это будут не такие чувства, как у обычных людей?

— Нет.

— И они могут оставаться во мне очень долго.

— Могут.

Варен произнёс это без раздражения, не пытаясь отвлечь её обещанием чего-нибудь приятного.

— Ты уже знаешь, как устроен твой дар, — продолжил он. — Тебе не требуется объяснять, что даже самые тяжёлые переживания со временем утрачивают силу. Но то, с чем нам предстоит работать, накапливалось очень долго. Поэтому подготовка и была столь продолжительной.

Эрия опустила глаза.

Её вдруг заинтересовал маленький золотистый узор на краю чашки. Она провела по нему кончиком пальца, ощущая едва заметную шероховатость глазури.

— А если мне окажется слишком тяжело?

Варен осторожно взял её руку.

— Тогда мы замедлимся.

Она посмотрела на него.

— Правда?

— Конечно. Мне нужна не сломленная, измученная девушка, которая едва может подняться с постели. Я хочу видеть тебя счастливой, здоровой, полной сил. И именно поэтому я столь внимательно отношусь к твоему обучению.

Он ненадолго умолк.

— Эрия, ты иногда смотришь на происходящее так, словно подготовка и твоя будущая жизнь — две разные вещи. Но всё, через что ты проходила, было необходимо, чтобы однажды мы могли оставить этот дом позади. Ты получишь возможности, которых лишена сейчас. Я смогу дать тебе всё, чего ты пожелаешь. А ты поможешь мне исполнить предназначение, ради которого твоя сила столь долго развивалась.

Он говорил мягко, с непоколебимой уверенностью человека, привыкшего хорошо понимать собственные решения.

Эрия слушала.

Она действительно хотела уехать. Хотела увидеть океан, оказаться посреди огромного города, сесть в поезд, который за одну ночь увезёт её за сотни километров. Ей хотелось красивых платьев, необычных блюд, театров, музыки, тысяч незнакомых книг.

И Варен обещал ей всё это.

Он никогда не требовал, чтобы она отказывалась от своих желаний.

Только чтобы исполнила то, чего желал сам.

— Ты так долго меня ждал, — сказала она тихо.

— Да, дорогая.

— А если бы я была обыкновенным суккубом?

Варен слегка приподнял брови.

— Но ты не обыкновенная.

— Я знаю. Просто интересно.

Он погладил большим пальцем тыльную сторону её ладони.

— Думаю, тогда наши жизни сложились бы иначе.

Эрия задумалась.

Она не вполне понимала, понравился ли ей этот ответ.

Но Варен уже улыбался.

— Впрочем, гадать о том, чего никогда не было, довольно бесполезное занятие. Ты здесь, моя дорогая. И я очень рад этому.

Эрия посмотрела на него и тоже улыбнулась.

Ей хотелось верить, что он действительно рад.

Она знала, что Варен не особенно нуждается в обществе. Его жизнь была наполнена делами, встречами, обязательствами, названия и масштаб которых Эрия иногда даже не могла себе представить. Он управлял огромными состояниями, общался с людьми, чьи лица она видела в книгах и на экране, и мог позволить себе практически всё.

И всё-таки приезжал к ней.

Привозил книги, слушал рассказы про сад и театральные постановки, гладил по волосам.

В этом было нечто такое, за что ей хотелось быть благодарной.

Варен пробыл в доме немногим больше двух часов.

После чая он попросил Гинту принести свёрток, оставленный в прихожей, и Эрия с восторгом обнаружила внутри несколько новых книг.

Одна была посвящена современной архитектуре, другая — истории крупных европейских музеев. Третья оказалась роскошным альбомом с фотографиями городов, снятых с высоты. На последней книге не было привычного названия: переплёт из тёмно-синей кожи украшал лишь небольшой серебряный узор.

Эрия осторожно раскрыла её.

Внутри оказались репродукции старинных карт и путевых рисунков, созданных путешественниками несколько столетий назад.

— Она настоящая? — спросила девушка.

— Насколько может быть настоящим альбом, составленный значительно позднее оригиналов.

— Нет, я про рисунки.

— Подлинные работы находятся в нескольких частных коллекциях. Книга собрана по их изображениям.

Эрия перевернула страницу.

На пожелтевшей бумаге виднелось море, нарисованное тонкими чернильными линиями. Над ним поднимались облака, а в правом углу художник изобразил маленькую лодку.

— Невероятно красиво.

Варен смотрел не на рисунок, а на неё.

— Рад, что тебе нравится.

Эрия хотела немедленно устроиться в кресле и начать рассматривать альбом, но заметила, как Гинта вошла в гостиную и остановилась возле двери.

— Господин Варен, Адель ожидает вас в кабинете.

— Благодарю.

Он поднялся.

Эрия нехотя закрыла книгу.

— Ты уже уезжаешь?

— Скоро. Сначала мне нужно обсудить несколько вопросов с Аделем.

— О моих занятиях?

— В том числе.

Она кивнула.

Варен подошёл к ней и осторожно коснулся её подбородка, побуждая поднять голову.

— У тебя хорошие результаты, Эри. Я внимательно изучил последние отчёты и очень доволен тем, как ты развиваешься.

Она улыбнулась.

— Правда?

— Да. Ты становишься сильнее с каждым месяцем. Твоя мать, полагаю, была бы поражена.

При упоминании матери Эрия невольно замерла.

Варен редко говорил о её семье.

Она помнила мать плохо. Иногда в памяти всплывало светлое лицо, густые волосы, чей-то смех. Был ещё голос, певший что-то негромкое перед сном, но слова давно забылись.

Эрия не знала, почему некоторые воспоминания сохранились так отчётливо, а другие исчезли совершенно.

— Ты её помнишь? — спросила она.

— Разумеется.

— Какой она была?

Варен некоторое время смотрел на неё.

— Очень красивой. И очень способной.

Эрия опустила взгляд на свои руки.

— Я похожа на неё?

— Глазами. И, пожалуй, улыбкой.

Она невольно улыбнулась ещё шире.

Варен мягко коснулся её щеки.

— Но твоя сила значительно превосходит всё, на что была способна она.

Эрия не ответила.

Почему-то при упоминании силы ей стало немного грустно.

Варен наклонился и поцеловал её в щёку. Его лицо на мгновение задержалось возле её волос; он тихо вдохнул, словно наслаждаясь нежным, едва различимым ароматом, а затем отстранился.

— Береги себя, моя дорогая. И постарайся не слишком утомляться за чтением.

— Ты говоришь совсем как Гинта.

— Тогда, возможно, стоит иногда нас слушать.

Он улыбнулся.

Эрия тоже засмеялась.

Проводив его взглядом, она осталась стоять возле кресла с новым альбомом в руках.

Варен ещё некоторое время разговаривал с Аделем за закрытой дверью кабинета. Из гостиной невозможно было разобрать ни единого слова, только иногда доносились приглушённые голоса. Эрия не пыталась прислушиваться. Она знала, что Адель непременно расскажет о занятиях, что Варен задаст вопросы о её состоянии, а затем оба придут к выводу, что подготовка идёт успешно.

Вскоре за окном снова послышался шум двигателя.

Эрия подошла к стеклу.

Машина медленно выехала со двора, скрылась за деревьями, и сад вновь погрузился в привычную тишину.

Она постояла ещё немного, прижимая книгу к груди.

Варен обещал ей весь мир.

Океаны, театры, города, музеи, путешествия. Всё, о чём она читала и что столько лет существовало для неё лишь на страницах книг. Ей предстояло увидеть настоящие горы, спуститься к морю, побродить по старым европейским улочкам, оказаться среди тысяч незнакомых людей, каждый из которых жил собственной, совершенно не похожей на её жизнь.

До исполнения этих обещаний оставалось совсем немного.

Эрия посмотрела на тёмно-синий переплёт, осторожно провела пальцами по серебряному рисунку и вернулась в кресло. Она собиралась рассмотреть всего несколько страниц перед ужином, но старинные карты оказались настолько увлекательными, что совершенно незаметно для себя девушка потеряла счёт времени.

Через час Гинта нашла её там же, с поджатыми ногами, поглощённую изображением Средиземного моря. Женщина напомнила об ужине, поправила сползший с плеча плед и оставила Эрию заканчивать страницу.

На карте тонкими чернильными линиями были обозначены торговые пути. Они пересекали море, расходились у побережий, соединяли города, названия которых Эрия знала наизусть. Она медленно провела пальцем вдоль одного из маршрутов, представляя, как корабль покидает порт и отправляется туда, где его ещё никогда не видели.

Интересно, с какого города Варен предложит начать?

Она улыбнулась этой мысли, но почти сразу вспомнила их разговор.

Если мне окажется слишком тяжело?

Тогда мы замедлимся.

Варен ответил ей так мягко, так уверенно, что в тот момент она почувствовала настоящее облегчение. Он не собирался причинять ей лишнюю боль. Он обещал заботиться о ней, и у Эрии не было причин сомневаться в его словах.

И всё же теперь, оставшись одна, она вдруг подумала о том, чего не спросила.

Что, если однажды ей понадобится не замедлиться?

Что, если она просто больше не сможет?

Эрия подняла глаза от книги. За окном уже сгущались сумерки, и лес, ещё недавно залитый солнцем, постепенно растворялся в синеватой тени. В доме было тепло, где-то на кухне негромко звенела посуда, а рядом лежали новые книги, которые она так давно хотела получить.

Она снова посмотрела на карту.

Варен обещал ей весь мир.

Но о том, сможет ли она однажды отказаться от того, что он попросит взамен, они никогда не говорили.

Глава 2. За границей

В день своего восемнадцатилетия Эрия проснулась раньше обычного.

Она не сразу открыла глаза, некоторое время прислушиваясь к дому, который ещё не успел наполниться утренними звуками. За окном было тихо, лишь где-то далеко, среди деревьев, настойчиво перекликались птицы. Ночь выдалась прохладной, и от приоткрытой створки тянуло свежестью, пахнущей влажной корой и последними летними цветами.

Эрия лежала на спине, разглядывая бледный потолок, и пыталась понять, изменилось ли что-нибудь.

Ничего не изменилось.

Одеяло по-прежнему было мягким и тёплым. На прикроватном столике стоял стакан воды, который она забыла выпить перед сном. В кресле лежала книга, оставленная на середине главы, а на полу возле кровати — домашние туфли, одна из которых почему-то снова оказалась перевёрнутой.

Ей исполнилось восемнадцать.

Вчера она была семнадцатилетней, а сегодня стала взрослой женщиной, хотя тело не обнаруживало никаких признаков перемены, мысли оставались прежними, и даже солнечный свет, осторожно добиравшийся до края подушки, ничем не отличался от вчерашнего.

Она повернулась на бок, подперев щёку ладонью.

Когда Эрия была маленькой, ей казалось, что взрослость непременно наступает каким-то особенным образом. Возможно, человек должен почувствовать, как внутри него что-то меняется, как мысли становятся яснее, а желания — серьёзнее. Может быть, появляется способность принимать правильные решения или хотя бы перестаёшь бояться того, чего раньше боялся.

Теперь она подозревала, что ничего подобного не существует.

Вероятно, люди просто просыпаются однажды утром и обнаруживают, что окружающие начали относиться к ним иначе.

Впрочем, к ней вряд ли кто-нибудь начнёт относиться иначе.

Гинта по-прежнему будет ругаться из-за незаправленной кровати, Адель — требовать сосредоточенности, а Варен, когда приедет в следующий раз, непременно погладит её по голове и назовёт своей дорогой.

От этой мысли Эрия улыбнулась, хотя вскоре улыбка исчезла.

Она подумала о том, что через месяц, возможно, уже не будет просыпаться в этой комнате.

Ей предстояло покинуть дом.

Ещё недавно эта возможность казалась почти невероятным счастьем. Теперь, когда отъезд приобрёл вполне определённые очертания, Эрия неожиданно обнаружила, как много здесь вещей, с которыми ей не хочется расставаться.

С окнами, которые Гинта велела держать приоткрытыми.

С библиотекой, где книги стояли так тесно, что некоторые приходилось вытаскивать обеими руками.

С огромным дубом в саду, под которым летом всегда собиралась приятная прохлада.

Даже со старым каменным фонтаном, который они так и не починили.

Это было глупо, разумеется. Варен обещал ей прекрасный новый дом, несравнимо больший и роскошный, а при желании она сможет обзавестись собственной библиотекой.

Но её книги были именно здесь.

И дуб тоже.

Эрия отвернулась от окна и некоторое время рассматривала солнечные полосы на стене.

Она очень хотела увидеть мир.

Но ей совсем не хотелось, чтобы для этого непременно пришлось потерять всё остальное.

* * *

За завтраком Гинта поздравила её с днём рождения и поставила на стол маленькую вазочку с земляникой, собранной в саду.

— Последняя в этом году, — заметила женщина. — Почти вся уже отошла.

Эрия взяла ягоду за плодоножку.

— Спасибо.

— С днём рождения, Эри.

Она улыбнулась.

— Спасибо, Гинта.

Некоторое время они завтракали молча. На кухне пахло свежим хлебом, за открытым окном возились птицы, а настенные часы отмеряли минуты с такой безупречной точностью, что Эрия невольно подумала: даже они, вероятно, не заметили ничего особенного.

Гинта спросила, хорошо ли она спала.

Эрия ответила, что хорошо.

Потом они немного поговорили о погоде. Гинта собиралась собрать последние яблоки до того, как начнутся осенние дожди, а Эрия предложила испечь пирог с корицей. Женщина пообещала подумать, хотя обе знали, что пирог непременно будет.

Адель, встретив её позже в коридоре, сказал:

— Поздравляю с совершеннолетием.

Эрия остановилась.

— Спасибо.

Он внимательно посмотрел на неё.

— Как самочувствие?

— Прекрасное.

— Тогда увидимся в двенадцать.

Она рассмеялась.

— Ты даже сегодня не можешь обойтись без занятий?

— А что изменилось?

Эрия некоторое время смотрела на него, ожидая, что он улыбнётся.

Но Адель, кажется, действительно хотел получить ответ.

— Ничего, — сказала она.

Он удовлетворённо кивнул и отправился по своим делам.

К полудню Эрия успела закончить несколько страниц книги, прогуляться по саду и съесть почти всю землянику, оставленную Гинтой. Потом переоделась, убрала волосы и пошла в восточное крыло.

Занятие ничем не отличалось от других.

Адель проверял устойчивость её магических построений, заставлял принимать и удерживать чужие переживания, несколько раз усиливал болевое воздействие, когда считал, что она слишком легко справляется с предыдущим. Эрия сердилась, уставала, иногда просила сделать перерыв. Один раз не выдержала и резко отдёрнула руку, из-за чего на коже остался болезненный порез, который пришлось дополнительно обрабатывать.

Когда всё закончилось, Адель похвалил её за хороший результат.

Она поблагодарила его и отправилась наверх.

За ужином Гинта подала яблочный пирог с корицей, а затем принесла небольшой свёрток, перевязанный зелёной лентой.

Внутри лежала заколка для волос.

Она была сделана из серебра, с тонкими веточками и крошечными жемчужинами, похожими на капли росы. Эрия долго рассматривала её на ладони, осторожно трогая кончиками пальцев маленькие листочки.

— Какая красивая.

— Я подумала, что тебе понравится.

Эрия встала и обняла Гинту.

Женщина неловко погладила её по спине.

— Только не потеряй.

— Не потеряю.

— И не надевай на занятия.

— Гинта!

Та сдержанно улыбнулась.

Эрия попросила помочь ей заколоть волосы, потом побежала в спальню посмотреться в зеркало и вернулась довольная, с высоко поднятой головой.

Вечером она снова читала.

Из-за занятий руки ещё немного болели, поэтому книгу приходилось держать на коленях. На улице постепенно темнело, воздух становился холоднее, а в библиотеке зажглись лампы, наполнив стены мягким золотистым светом.

Это был хороший день.

Вкусная еда, подарок, любимые книги, спокойный вечер.

Если бы он не назывался днём рождения, Эрия едва ли смогла бы отличить его от сотен других.

Перед сном она открыла окно пошире и долго стояла, вдыхая ночной воздух.

Ей хотелось почувствовать радость.

Она действительно радовалась тому, что скоро уедет. Радовалась предстоящим путешествиям, новой жизни, возможности увидеть всё то, что раньше существовало для неё только на страницах книг.

И всё же под этой радостью жило другое чувство — негромкое, настойчивое, похожее на тяжесть в груди перед долгим и неприятным разговором.

Эрия уже несколько раз пыталась определить, чего именно боится.

Боли? Безусловно, она боялась боли. Даже после стольких лет занятий не научилась относиться к ней с полным равнодушием.

Неизвестности? Наверное.

Но дело заключалось не только в этом.

До сих пор её жизнь состояла из вещей, которые можно было измерить.

Четыре часа испытаний. Несколько дней до следующего кормления. Неделя до приезда Варена. Месяц до нового времени года.

Даже самые неприятные занятия неизменно заканчивались.

В четыре часа Адель снимал заклятия, и она могла уйти.

А вот о том, когда закончатся её будущие обязанности, никто никогда не говорил.

Эрия положила ладони на подоконник. Дерево успело остыть за ночь, и его гладкая поверхность приятно холодила кожу.

Может быть, я просто слишком много думаю.

Варен говорил, что она иногда склонна тревожиться из-за вещей, которые ещё не произошли. Гинта считала, что это следствие чрезмерного чтения, а Адель вообще относился к подобным переживаниям как к разновидности эмоционального шума, мешающего сосредоточиться.

Возможно, все трое были правы.

Она закрыла окно и отправилась спать.

Восемнадцатый год её жизни начался.

* * *

Следующие дни почти не отличались друг от друга.

Эрия не считала их специально, но замечала, как постепенно меняется сад. По утрам на листьях стало больше росы, между деревьями задерживался холодный туман, а солнце всё реже добиралось до дальних уголков библиотеки. На яблонях осталось совсем немного плодов. Гинта собирала их в плетёные корзины и складывала в кладовую, сердито отгоняя Эрию, которая постоянно пыталась стащить наиболее красивые.

Варен прислал короткое поздравление и обещал вскоре приехать снова.

Адель продолжал испытания. Иногда они проходили лучше, иногда хуже; однажды Эрия удержала особенно тяжёлое чувство почти без усилий, а на следующий день не сумела справиться с гораздо более простым заданием и до вечера мучилась раздражением, причины которого не могла объяснить.

Она занималась музыкой, читала, помогала Гинте в саду.

Несколько раз возвращалась мыслями к разговору с Вареном.

Тогда мы замедлимся.

Эрия находила в этих словах утешение. Ей нравилось представлять, что после свадьбы между занятиями будут целые дни отдыха. Они смогут куда-нибудь поехать, провести вечер в театре, а потом вернуться домой, и никто не станет требовать от неё немедленно продолжить работу.

Возможно, Варен даже разрешит ей иметь собственное расписание.

Мысль казалась настолько приятной, что она иногда задерживалась на ней подолгу, придумывая, как будет выглядеть её первый настоящий день в городе.

Утром можно позавтракать в кафе. Не дома, а среди других людей, которых она никогда раньше не видела. Затем отправиться в музей или книжный магазин. Пообедать где-нибудь на открытой террасе, если погода позволит, а вечером просто гулять, разглядывая освещённые окна домов.

Ей особенно хотелось самой выбрать, куда пойти.

Не потому, что предложенные Вареном места обязательно оказались бы плохими. Напротив, он наверняка знал самые интересные рестораны, прекрасные театры и знаменитые музеи.

Но было что-то необыкновенно привлекательное в мысли, что можно однажды выйти из дома и решить, куда направиться, уже стоя на улице.

Повернуть направо вместо налево.

Пойти за незнакомой мелодией.

Остановиться возле витрины, потому что внутри увидела красивую чашку.

Она не знала, почему эта возможность занимала её так сильно.

Возможно, всё дело было в книгах. Их герои постоянно принимали подобные решения, и Эрия привыкла думать, что именно из них складывается жизнь.

В один из таких дней, незадолго до обеда, она взяла из библиотеки книгу и отправилась в сад.

Утро было прохладным, но солнечным. Ветер шевелил верхушки деревьев, по дорожкам скользили прозрачные тени, а возле старого фонтана собрались несколько воробьёв, которые шумно спорили из-за чего-то, найденного в пустой каменной чаше.

Эрия устроилась на скамье под дубом, подложив под спину свёрнутый кардиган, и раскрыла книгу.

Некоторое время она читала, время от времени отвлекаясь на птиц.

Затем поднялся ветер.

Страницы зашелестели, пришлось придержать их ладонью. Эрия недовольно посмотрела на деревья и переложила волосы через плечо, чтобы длинные пряди не лезли в лицо.

Ей нравился ветер, но только когда не приходилось читать.

Ветер усилился.

Из кроны дуба сорвался небольшой сухой лист. Он закружился над дорожкой, подхваченный потоком воздуха, и полетел в сторону леса.

Эрия проследила за ним взглядом.

Лист летел довольно долго.

Дольше, чем должен был.

Он миновал ближайшие кусты, описал широкую дугу над влажной травой, затем проскользнул между двумя елями и исчез в глубине леса.

Эрия медленно опустила книгу.

Ей понадобилось несколько мгновений, чтобы понять, что именно привлекло её внимание.

Потом она встала.

За садом, там, где между деревьями проходила граница защитного заклятия, воздух выглядел совершенно обыкновенным. Не было привычного лёгкого мерцания, которое иногда появлялось даже в прохладную погоду. Не чувствовалось едва заметного давления, возникавшего всякий раз, когда она подходила слишком близко.

Эрия нахмурилась.

Возможно, свет падал под другим углом.

Она хорошо знала, что заклятие не всегда можно увидеть.

Однако сухой лист…

Лист совершенно точно улетел туда, куда раньше не смог бы попасть.

Эрия положила книгу на скамью и медленно направилась к деревьям.

На траве ещё лежала роса. Мягкие туфли быстро намокли, холод проник сквозь тонкую кожу подошв, но девушка почти не обращала на это внимания. Она прошла мимо последних кустов роз, пересекла небольшую поляну и остановилась возле двух старых елей, между которыми обычно особенно отчётливо ощущалось присутствие преграды.

Здесь заканчивался сад.

Дальше начинался лес, где никто не подрезал нижние ветви, не убирал опавшую хвою и не прокладывал дорожек. Земля была покрыта густым слоем мха, среди корней темнели влажные углубления, а высокие стволы уходили вверх так тесно, что их кроны почти смыкались.

Эрия стояла неподвижно.

Она бывала здесь множество раз.

В детстве пыталась просунуть сквозь защиту палку, бросала камешки, швыряла шишки. Позднее, когда ей надоели эти игры, иногда просто подходила к границе и смотрела на деревья.

Она знала это место почти наизусть.

У левой ели был длинный изогнутый корень, напоминавший спину спящего животного. Возле правой рос небольшой куст папоротника. Чуть дальше лежал поваленный ствол, покрытый бледными лишайниками.

Всё было на своих местах.

Только воздух между деревьями казался пустым.

Эрия протянула руку.

Она ожидала почувствовать привычное сопротивление — лёгкое, упругое, похожее на прикосновение к плотной прохладной ткани.

Но пальцы ничего не встретили.

Её рука свободно прошла между елями.

Эрия замерла.

Затем медленно отвела её назад.

Попробовала снова.

Ничего.

Она сделала маленький шаг вперёд.

Носок туфли коснулся мха по ту сторону границы.

Эрия смотрела на собственную ногу так пристально, словно та совершила нечто совершенно невероятное.

Потом перенесла вес тела.

И оказалась за защитой.

* * *

Сначала она ничего не почувствовала.

Во всяком случае, ничего необычного.

Под ногами был мягкий мох. От земли поднимался влажный, терпкий запах грибов и хвои. Воздух здесь казался чуть холоднее, чем в саду, а где-то неподалёку негромко постукивал дятел.

Эрия стояла между деревьями, осторожно дыша, и смотрела на мир, который ничем не отличался от того, что она видела из окна.

Обычный лес.

Неровная земля.

Корни.

Папоротники.

Солнечные пятна на мху.

Она ожидала чего угодно, только не этой поразительной обыкновенности.

Обернувшись, Эрия увидела собственный дом.

Его крыша выглядывала из-за деревьев, белые стены были залиты солнцем, а на открытой террасе сушились полотенца, которые Гинта развесила утром. Чуть дальше виднелась скамья под дубом. На ней по-прежнему лежала раскрытая книга, страницы которой беспокойно перелистывал ветер.

Всё находилось удивительно близко.

Достаточно было сделать несколько шагов, чтобы вернуться.

Эрия даже подняла ногу, собираясь переступить обратно через невидимую границу.

Но остановилась.

Ей вдруг захотелось проверить, насколько далеко можно пройти.

Не убегать. Даже не уходить по-настоящему.

Просто посмотреть.

Возможно, за теми деревьями находился ручей, о котором она столько раз слышала от Гинты. Или небольшая поляна. Может быть, удастся увидеть какое-нибудь лесное животное, которое не решалось подходить к дому.

Потом она вернётся.

Расскажет Гинте, что защитное заклятие почему-то перестало работать, и та непременно сообщит Аделю.

Адель рассердится.

Наверное, они проведут остаток дня за проверками.

Но пока…

Эрия сделала ещё один шаг.

Мох приятно пружинил под ногами.

Ещё один.

Она обошла поваленный ствол, осторожно придерживаясь рукой за влажную кору. Затем пробралась между двумя молодыми берёзами, нижние ветви которых задевали её плечи.

Дом всё ещё был виден.

Эрия оглянулась.

Белые стены выглядывали из-за еловых стволов, совсем близко, словно достаточно протянуть руку.

Она улыбнулась.

И пошла дальше.

Через несколько минут деревья стали гуще. Солнечный свет теперь падал на землю узкими косыми полосами, воздух наполнился запахом влажной древесины, а под ногами вместо мягкого мха всё чаще попадались сучья.

Эрия подняла подол платья, чтобы не запачкать его, и ловко перешагнула через упавшую ветку.

Потом остановилась.

Оглянулась.

Дом исчез.

Она больше не видела ни крыши, ни террасы, ни знакомых очертаний сада.

Между ней и всем, что составляло её жизнь, стояли только деревья.

Эрия почувствовала, как что-то странное и горячее поднимается от живота к груди.

Сердце забилось быстрее.

Она прислушалась.

Ничего.

Ни голоса Гинты.

Ни шагов Аделя.

Ни привычного далёкого звона часов.

Только лес.

И она сама.

Эрия медленно повернулась вокруг своей оси.

Можно было возвращаться. Она прекрасно понимала, что нарушает правила, хотя даже не знала, существует ли на этот случай специальный запрет. Никто никогда не объяснял ей, что делать, если защитное заклятие вдруг исчезнет. Вероятно, потому, что такая возможность не рассматривалась всерьёз.

Она могла просто вернуться и всё рассказать.

Поступила бы правильно.

Гинта непременно похвалила бы её за благоразумие.

Адель, возможно, даже не стал бы сердиться.

Эрия посмотрела туда, где сквозь ветви пробивался солнечный свет.

Там деревья стояли немного реже.

За ними могло быть что угодно.

Она медленно вдохнула.

Воздух пах мокрой землёй, смолой и чем-то ещё — незнакомым, свежим, чуть горьковатым.

Эрия внезапно рассмеялась.

Сама не поняла почему.

Смех вырвался неожиданно, лёгкий и почти беззвучный. Она прикрыла рот ладонью, словно кто-то мог услышать, но тут же отняла руку.

Здесь никого не было.

Никто не смотрел на неё.

Никто не мог сказать, что нужно вернуться к обеду, убрать волосы или поторопиться на занятия.

Ей пришла в голову совершенно нелепая мысль.

А что, если побежать?

Эрия посмотрела на узкую полоску просвета между деревьями.

И побежала.

Сначала осторожно, стараясь не споткнуться о корни, придерживая одной рукой платье, а другой отводя ветки от лица. Потом быстрее. Её волосы заструились за спиной, туфли заскользили по влажной земле, а сердце забилось так сильно, что она слышала его удары в ушах.

Лес стремительно приближался и отступал.

Стволы деревьев мелькали по сторонам, свет разрывался на множество золотистых пятен, под ногами хрустели ветки, и Эрия всё чаще смеялась, хотя дышать становилось трудно.

Она перепрыгнула через небольшой ручей.

Приземлилась неудачно, едва не упала, но удержалась, ухватившись за ветку орешника. Та хлестнула её по руке, оставив тонкую красную царапину.

Эрия даже не заметила боли.

Она бежала.

Никогда прежде ей не приходилось бегать так долго и так быстро, не преследуя никакой цели.

В саду она иногда устраивала себе короткие пробежки, соревновалась с собственной тенью, старалась догнать падающий лист или добежать до фонтана быстрее, чем Гинта досчитает до десяти. На занятиях Адель заставлял её двигаться в определённом темпе, иногда преодолевать препятствия или выполнять упражнения на выносливость.

Но всё это происходило по правилам.

Нужно было начинать по команде и останавливаться, когда скажут.

Сейчас никто ничего не говорил.

Эрия неслась сквозь лес, перепрыгивала через корни, спотыкалась, снова выпрямлялась, и каждый новый шаг приносил ей какое-то невероятное, почти болезненное удовольствие.

Ноги наливались тяжестью.

В боку закололо.

Она остановилась только тогда, когда лёгкие начали гореть от нехватки воздуха.

Согнувшись, Эрия упёрлась ладонями в колени и долго пыталась отдышаться.

Вокруг шумел лес.

С ветвей падали капли вчерашнего дождя, где-то высоко пронзительно крикнула птица. По стволу ближайшего дерева быстро взбежала белка, остановилась, посмотрела на девушку с явным неодобрением и скрылась в кроне.

Эрия проводила её взглядом.

— Прости, — сказала она и снова рассмеялась.

Потом выпрямилась.

Волосы растрепались, платье испачкалось, на предплечье краснела длинная царапина. Один из рукавов зацепился за колючий куст, и пришлось осторожно освобождать ткань, стараясь не порвать её окончательно.

Она чувствовала себя восхитительно.

Никогда прежде лес не казался ей таким огромным.

До сих пор он существовал за окнами и за защитной границей, красивый, спокойный, хорошо знакомый. Теперь у него появились собственные глубины, запахи, звуки, множество дорог, которых никто не прокладывал, и мест, где не ступала ни одна знакомая ей нога.

Эрия медленно повернулась, разглядывая деревья.

В какую сторону находится дом?

Она не сразу поняла.

Солнце стояло высоко, пробиваясь сквозь кроны, но определить направление оказалось сложнее, чем представлялось по книгам. Здесь не было знакомой дорожки, старого дуба или поваленного ствола с лишайниками. Все ели казались похожими друг на друга, берёзы белели между ними, а земля под ногами была сплошь покрыта влажными листьями.

Эрия нахмурилась.

Наверное, нужно идти назад.

Она попыталась вспомнить, как бежала.

Сначала прямо, потом немного левее, после ручья направо…

Или наоборот?

Внезапно ей стало смешно от собственной глупости.

Она столько раз читала о людях, которые терялись в лесу, и всегда недоумевала, почему они не обращают внимания на окружающую местность.

Теперь оказалось, что следить за направлением гораздо труднее, когда вокруг столько интересного.

Эрия сделала несколько шагов в ту сторону, откуда, по её мнению, пришла.

Остановилась.

Посмотрела на солнце.

Повернула обратно.

Нет, наверное, сюда.

Она ещё немного постояла, прислушиваясь к птицам.

А потом вдруг осознала, что не особенно хочет искать дорогу домой.

Не сейчас.

В доме её, вероятно, уже ждут к обеду.

Гинта будет недовольна.

Адель, если обнаружит отсутствие защитного заклятия, наверняка немедленно начнёт его восстанавливать.

И если Эрия вернётся, то уже не сможет снова выйти за границу.

Она посмотрела на собственные руки, испачканные землёй.

На тонкую царапину, оставленную веткой.

На влажные туфли, которые совершенно не подходили для лесных прогулок.

Всё это было настоящим.

Не из книги, не из рассказа Анны, не из обещаний Варена.

Она сама пришла сюда.

Сама выбрала направление.

И никто не знал, где она находится.

Эрия подняла голову.

Впереди между деревьями виднелся светлый участок леса, за которым, возможно, находилась поляна.

Она ещё не решила, что будет делать дальше.

Но ноги уже несли её туда.

* * *

К тому времени, когда солнце начало клониться к западу, Эрия окончательно сбилась со счёта пройденным расстояниям.

Она успела обнаружить небольшой ручей с такой прозрачной водой, что на дне были видны отдельные камешки, перейти через заболоченную низину, где испачкала платье почти до колен, и увидеть оленя.

Последнее потрясло её особенно сильно.

Животное появилось неожиданно, выйдя из зарослей на небольшой освещённый участок леса. Высокое, стройное, с мягкой коричневой шерстью и огромными настороженными ушами, оно несколько мгновений неподвижно смотрело на неё.

Эрия остановилась.

Олень повернул голову.

Они рассматривали друг друга.

Она боялась даже вздохнуть.

Потом животное сделало несколько неспешных шагов, внезапно встрепенулось и одним стремительным движением исчезло среди деревьев.

Эрия стояла ещё долго.

Ей хотелось немедленно кому-нибудь рассказать об увиденном.

Гинте.

Или Варену.

Особенно Варену — он непременно назвал бы вид животного, объяснил, почему оно оказалось так близко, и, возможно, рассказал какую-нибудь интересную историю.

Она даже представила, как будет рассказывать ему о своей прогулке.

И тут же поняла, что вряд ли сможет.

Потому что ей не разрешали покидать дом.

Потому что защитное заклятие исчезло, а она не сообщила об этом.

Потому что вместо того, чтобы вернуться, побежала неизвестно куда.

От этой мысли восторг на мгновение померк.

Эрия остановилась возле дерева и провела ладонью по шероховатой коре.

Теперь, когда первоначальное возбуждение улеглось, в голове начали появляться вопросы.

Сколько прошло времени?

Часа четыре?

Пять?

Возможно, больше.

Гинта уже наверняка ищет её.

Адель, вероятно, обнаружил пропажу.

Что они сделают?

Эрия попыталась представить выражение его лица, когда выяснится, что она ушла за границу.

Он рассердится.

Очень.

Возможно, Варен тоже будет недоволен.

И хотя девушка не помнила ни единого случая, когда тот по-настоящему кричал на неё, мысль о его разочаровании оказалась неприятнее, чем она ожидала.

Она медленно опустилась на поваленный ствол.

Ноги гудели от долгой ходьбы. Обе туфли промокли, пятки саднило, а под правой стопой образовалось болезненное натёртое место. На платье темнели следы грязи, волосы запутались настолько, что при попытке убрать их за спину пальцы застряли в густых прядях.

Эрия вытянула ноги и посмотрела на них.

Нужно было взять более удобную обувь.

И воду.

И что-нибудь поесть.

Она тихо рассмеялась.

Как нелепо.

В библиотеке стояли десятки книг о путешествиях, географии и выживании в дикой природе. Она читала истории людей, пересекавших пустыни, горы и океаны, знала, каким образом можно определить стороны света, развести огонь и найти источник питьевой воды.

И при этом отправилась в лес в лёгком платье, с заколкой в волосах и без единого куска хлеба.

Заколка, к счастью, осталась на месте.

Эрия осторожно коснулась серебряных веточек, удерживавших часть волос у затылка.

Подарок Гинты.

Ей вдруг стало грустно.

Наверное, Гинта уже беспокоится.

Может быть, сердится.

Она редко показывала страх, но Эрия знала, что женщина способна тревожиться из-за совершенно незначительных вещей. Из-за открытого окна зимой, пропущенного обеда, небольшой ранки, которую девушка забыла обработать.

А теперь Эрия исчезла.

Без предупреждения.

Она посмотрела в сторону, где между деревьями сгущалась вечерняя тень.

Можно было попытаться вернуться.

Сейчас, пока ещё светло.

Если идти достаточно долго, наверняка удастся найти знакомые места. Возможно, какой-нибудь след собственной обуви. Или ручей, который она перепрыгнула в начале пути.

Дом ведь не мог исчезнуть.

Он находился где-то позади.

Там были её книги, мягкая кровать, тёплая ванна, яблочный пирог, оставшийся после дня рождения.

Там были Гинта и Адель.

Там был Варен, который скоро приедет за ней.

Эрия представила, как снова входит в знакомую прихожую.

Гинта сначала обнимет её, потом начнёт сердиться.

Адель потребует объяснений.

Возможно, за нарушение правил ей назначат дополнительные занятия.

Защитное заклятие восстановят.

И лес снова окажется по ту сторону невидимой стены.

Она долго сидела неподвижно.

Потом медленно подняла голову.

Где-то вдали солнце освещало верхушки деревьев, окрашивая их в мягкий медный цвет. Ветер шевелил траву, над землёй летали маленькие насекомые, а воздух постепенно наполнялся прохладой приближающегося вечера.

Впереди лежал огромный незнакомый мир.

Она совершенно не представляла, где находится и сколько ещё придётся пройти, прежде чем встретятся первые люди.

Но впервые в жизни между ней и этим миром не было ничего.

Ни стены.

Ни заклятия.

Ни чужого разрешения.

Эрия глубоко вдохнула.

Она знала, что должна вернуться.

Знала, что её будут искать.

Знала, что за сегодняшний поступок могут последовать наказания, и едва ли Варен сочтёт произошедшее безобидной прогулкой.

Но ведь она всё равно скоро должна была покинуть дом.

Всего через месяц.

Через месяц ей обещали города, океаны, путешествия, возможность увидеть собственными глазами всё, о чём она столько читала.

А что, если я посмотрю раньше?

Мысль возникла так просто, что Эрия даже не сразу осознала её дерзость.

Не ждать свадьбы.

Не ждать Варена.

Не ждать, пока кто-нибудь решит, что она готова.

Всего несколько дней.

Может быть, один.

Она найдёт дорогу, увидит настоящий город, побродит среди людей, зайдёт в какое-нибудь кафе, а потом…

Что потом, Эрия не знала.

Она ещё никогда не принимала решений, последствия которых простирались дальше следующего утра.

Но сейчас ей казалось, что придумать продолжение можно позднее.

Она встала со ствола, осторожно расправила помятое платье и посмотрела туда, где за деревьями догорал солнечный свет.

— Ну, — сказала она самой себе, — посмотрим.

И пошла дальше.

Лишь много часов спустя, когда окончательно стемнеет, ноги начнут кровоточить, а лес наполнится незнакомыми ночными звуками, Эрия поймёт, что сделала.

Она сбежала.

Не отправилась на прогулку.

Не нарушила границу из любопытства.

Не задержалась по дороге домой.

Она ушла из дома, в котором прожила почти всю сознательную жизнь, и не знала, вернётся ли когда-нибудь.

Но пока впереди ещё оставалось немного света, и Эрия шла ему навстречу, осторожно выбирая дорогу между корнями.

Ей хотелось увидеть, куда он приведёт.

* * *

Первые сомнения появились, когда стемнело настолько, что Эрия перестала различать собственные ноги.

До этого лес казался ей дружелюбным. Даже когда деревья стояли слишком тесно, а ветви царапали лицо, сквозь кроны проникало достаточно света, чтобы видеть дорогу. Теперь же пространство вокруг постепенно лишалось привычных очертаний. Стволы сливались друг с другом, кустарники превращались в тёмные бесформенные пятна, а земля под ногами словно нарочно подсовывала корни именно туда, куда она собиралась наступить.

Эрия остановилась возле большой ели и огляделась.

Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как покинула сад. Солнце уже скрылось, но над верхушками деревьев ещё сохранялся слабый остаточный свет, окрашивавший небо в бледно-синий цвет. Гораздо ниже, среди стволов, сумерки успели превратиться в почти непроглядную темноту.

Оказалось, что в лесу ночь наступает значительно раньше, чем на открытом пространстве.

Об этом она, разумеется, читала.

Но в книгах подобное обстоятельство редко казалось существенным. Обычно герой просто разводил костёр, находил подходящее место для ночлега и продолжал путешествие на следующий день.

Эрия посмотрела на свои руки.

Развести костёр она теоретически умела.

В библиотеке имелось превосходное пособие по выживанию, в котором подробно объяснялось, какие породы дерева лучше подходят для добывания огня трением, как приготовить растопку и каким образом защитить пламя от ветра.

Беда заключалась в том, что автор явно предполагал наличие у читателя некоторого количества полезных вещей.

У Эрии не было даже ножа.

Она подумала об этом с неожиданной досадой. За последние несколько часов выяснилось, что ни знания о мореплавании, ни умение читать на нескольких языках, ни подробное знакомство с историей архитектуры практически не помогают человеку, который оказался посреди леса в вечернем платье и совершенно неподходящей обуви.

Платье, к слову, окончательно испортилось.

По подолу тянулись длинные полосы грязи. На правом рукаве виднелась небольшая прореха, а возле колена ткань зацепилась за колючки и местами разошлась по шву.

Гинта пришла бы в ужас.

Эрия невольно улыбнулась.

Потом посмотрела на темнеющие деревья, и улыбка исчезла.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, нужно где-нибудь переночевать.

Собственный голос прозвучал непривычно громко.

До сих пор ей не доводилось проводить столько времени одной. В доме всегда находился кто-то ещё. Даже когда Гинта и Адель занимались своими делами, Эрия знала, что может позвать их, услышать шаги в коридоре или найти на кухне оставленный чайник.

Здесь на её слова никто не ответил.

Она попробовала оглядеться внимательнее.

Неподалёку возвышалось старое дерево с толстыми корнями, между которыми образовалось небольшое углубление. С одной стороны его прикрывал поваленный ствол, с другой — густые ветви молодого ельника. Место выглядело достаточно сухим и хотя бы частично защищённым от ветра.

Эрия подошла ближе, присела на корточки и осторожно потрогала землю.

Влажная, но не мокрая.

Она вытащила несколько острых сучьев, отодвинула листья, которые особенно неприятно пахли прелостью, и попыталась устроиться между корнями.

Получилось не сразу.

Один корень упирался в спину, другой мешал вытянуть ноги, а когда Эрия наконец нашла подходящее положение, выяснилось, что прямо над головой свисает ветка, с которой при малейшем движении сыплется хвоя.

Пришлось устраиваться заново.

Она обхватила колени руками и прислонилась плечом к стволу.

Ветер шевелил верхушки деревьев. Время от времени где-то в темноте раздавался треск, за которым следовало шуршание листвы. Один раз неподалёку что-то тяжело задвигалось среди кустов, и Эрия так резко подняла голову, что ударилась затылком о дерево.

Она замерла.

Прислушалась.

Шорох повторился.

Наверное, животное.

Эта мысль не принесла облегчения.

До сегодняшнего дня ей нравились лесные животные. Белки казались забавными, птицы — красивыми, а встреча с оленем стала одним из самых восхитительных событий её жизни.

Но одно дело — наблюдать за животным днём, когда оно само стремится от тебя убежать, и совершенно другое — слышать, как в темноте кто-то движется между деревьями, не имея ни малейшего представления о его размерах и намерениях.

Эрия вспомнила, что в этих лесах могут водиться кабаны.

И волки.

И, возможно, медведи.

Она не знала, насколько далеко простираются владения Варена и каких животных он допускает на свою территорию. Раньше это не имело значения.

Теперь внезапно приобрело.

Из кустов что-то выбралось, хрустнуло сухой веткой и удалилось.

Эрия ещё несколько минут сидела неподвижно.

Затем осторожно выдохнула.

— Надеюсь, мы не познакомимся, — сообщила она темноте.

Ответом стало стрекотание какого-то насекомого.

Она попыталась рассмеяться, но вышло не слишком убедительно.

* * *

Холод подкрался незаметно.

Поначалу Эрия почти не чувствовала его. После долгой ходьбы тело оставалось разгорячённым, и прохладный воздух казался приятным. Но стоило ей просидеть неподвижно достаточно долго, как пальцы начали мёрзнуть, а влажные туфли превратились в настоящую пытку.

Она сняла их.

На пятках обнаружились крупные натёртости. Одна уже лопнула, оставив болезненное мокрое пятно, другая была целой, но кожа вокруг неё покраснела и распухла.

Эрия осторожно коснулась повреждения.

Поморщилась.

За годы испытаний она привыкла к разным видам боли, но выяснилось, что натёртая пятка доставляет совершенно особенное неудобство: не слишком сильное, зато упорное и раздражающее. От него нельзя было отвлечься, потому что каждое движение вновь напоминало о повреждённой коже.

Она растёрла ступни ладонями и снова надела туфли.

Потом попыталась заснуть.

Несколько раз ей даже удавалось ненадолго задремать, но всякий раз сон обрывался от нового звука или внезапной дрожи. Голова клонилась к плечу, затекали руки, холодная земля неприятно давила на бедро. Под конец Эрия свернулась настолько тесно, насколько позволяли корни, подтянула колени к подбородку и спрятала ладони под мышками.

Ей хотелось домой.

Это желание пришло без предупреждения, простое и отчётливое.

Она представила свою спальню, высокую кровать, подушки, пахнущие свежим бельём, и тёплое одеяло, под которым можно было вытянуться во весь рост. Представила маленькую лампу на прикроватном столике и окно, через которое по вечерам проникал запах сада.

Интересно, Гинта уже заглядывала туда?

Наверняка.

Вероятно, обнаружила пустую кровать, открытый шкаф и отсутствие хозяйки.

Эрия попыталась представить, как женщина ходит по дому, заглядывает в библиотеку и гостиную, спрашивает Аделя, не видел ли он её.

Потом они поймут, что она исчезла.

Возможно, уже поняли.

Эрия крепче обняла колени.

В животе неприятно сжалось.

Она не хотела, чтобы Гинта боялась за неё.

Особенно после того, как та подарила ей такую красивую заколку.

Эрия осторожно подняла руку к волосам, нащупала серебряные веточки и убедилась, что украшение по-прежнему держится на месте.

От этого почему-то стало немного легче.

Она снова закрыла глаза.

Может быть, завтра стоит попробовать вернуться?

Эрия представила, как появляется на пороге, грязная, замёрзшая, с испорченной одеждой и разбитыми ногами.

Гинта непременно начнёт её отчитывать.

Адель будет молчать особенно неприятным образом.

Вероятно, придётся объяснять Варену, почему она осмелилась уйти без разрешения.

При мысли о нём ей стало по-настоящему неуютно.

Варен столько лет заботился о её безопасности. Он построил дом, организовал обучение, окружил её всем необходимым. Даже возможность будущих путешествий была связана с его обещанием.

А она сбежала.

Не дождалась каких-то нескольких недель.

Не предупредила.

Просто ушла.

Эрия вспомнила, как он гладил её волосы во время последнего визита, как обещал показать океан и говорил, что она станет его женой.

Он будет разочарован.

Возможно, рассержен.

И всё же…

Она открыла глаза.

Над ней темнели еловые ветви. Между иголками виднелся маленький неровный кусочек неба, на котором мерцала единственная звезда.

И всё же я здесь.

Эрия смотрела на неё довольно долго.

В доме в это время она уже лежала бы в постели. Завтра Гинта разбудила бы её к завтраку, затем последовали бы книги, занятия, испытания, отдых. Всё повторилось бы с небольшими изменениями, как повторялось столько лет.

А потом приехал бы Варен.

И увёз её.

Она снова подумала о свадьбе, об огромном мире, который он обещал открыть перед ней, и о собственной силе, ради которой столько лет продолжалась подготовка.

В темноте леса эти мысли приобрели неожиданную ясность.

Эрия очень хотела увидеть города. Хотела носить красивые платья, ходить в театр, гулять вдоль моря. Возможно, даже любила Варена настолько, насколько вообще можно любить человека, присутствовавшего в твоей жизни почти всегда.

Но всё это ничего не меняло в одном простом обстоятельстве.

Сначала её готовили.

Потом она должна была выйти замуж.

Потом — принимать его боль.

И никто ни разу не спросил, хочет ли она именно такой жизни.

Конечно, она могла задавать вопросы, жаловаться и просить об отдыхе. Иногда ей позволяли отступить от расписания, иногда Варен обещал быть особенно внимательным к её состоянию.

Но само решение никогда ей не принадлежало.

Эрия перевела взгляд на тёмные деревья.

Ей стало страшно.

Не от леса, не от ночных звуков и даже не от возможного наказания.

Она вдруг испугалась того, насколько сильно ей понравилось сегодняшнее чувство.

Возможность идти куда угодно.

Остановиться, когда захочется.

Свернуть с дороги просто потому, что впереди красиво.

Не спрашивать разрешения.

Она никогда не думала, что отсутствие чужих распоряжений может приносить такое удовольствие.

Здесь было холодно. Болели ноги. Ей хотелось есть, а ещё сильнее — пить, потому что последний раз она набирала воду из ручья несколько часов назад.

И всё же впервые за долгие годы никто ничего от неё не требовал.

Эрия медленно вытянула руку из-под мышки и положила ладонь на влажную землю.

Пальцы сразу замёрзли.

Она почувствовала холод, шероховатость маленьких камешков, мягкость мха под ладонью.

Я сама сюда пришла.

От этой мысли в груди неожиданно стало тепло.

Она закрыла глаза.

Сегодня можно было выбрать даже то, что доставляет неудобство.

И не потому, что Адель приказал терпеть.

Не потому, что Варен считал это необходимым.

А потому, что она сама захотела оказаться здесь.

В какой-то момент сон всё-таки одолел её.

Последнее, что Эрия запомнила, — слабое движение ветвей над головой и холодный воздух, касающийся щеки.

*** * ***

Утро оказалось серым.

Эрия проснулась оттого, что у неё страшно затекла шея.

Она попыталась выпрямиться, не сразу вспомнила, где находится, и больно ударилась локтем о корень.

— Ай!

Несколько мгновений она сидела неподвижно, моргая и пытаясь собрать мысли.

Потом вспомнила.

Лес.

Граница.

Побег.

Она подняла голову.

Между деревьями постепенно разливался утренний свет. Небо было затянуто тонкими облаками, по земле стелился лёгкий туман, а с ветвей иногда падали холодные капли.

Эрия глубоко вдохнула.

Она пережила свою первую ночь за пределами дома.

Это обстоятельство почему-то показалось ей настолько важным, что она улыбнулась, несмотря на головную боль, затёкшие мышцы и неприятное ощущение в желудке.

Потом попыталась встать.

Ноги немедленно напомнили о себе.

Ступни болели, правое колено плохо разгибалось после вчерашних падений, а поясницу тянуло так, словно она несколько часов провела на занятиях у Аделя.

Эрия медленно выпрямилась и прислонилась к дереву.

Если бы Гинта увидела её сейчас, непременно пришла бы в ужас.

Адель, вероятно, сказал бы, что неправильный выбор обуви и места ночлега свидетельствует о недостаточной предусмотрительности.

Она почти услышала его голос.

— Благодарю за замечание, — пробормотала Эрия.

Потом рассмеялась.

Смех получился хриплым: горло пересохло за ночь.

Она некоторое время стояла, разминая плечи и стараясь восстановить чувствительность в затёкших ногах.

Возвращаться всё ещё было возможно.

По крайней мере, она надеялась.

Если идти назад достаточно долго, если попытаться ориентироваться по солнцу, если найти тот ручей…

Правда, Эрия уже не была уверена, с какой стороны пришла.

Но где-то в лесу оставался дом.

Можно было отыскать его.

Она даже сделала несколько шагов, словно собираясь попробовать.

Затем остановилась.

Вчерашний восторг уже не ослеплял её. Теперь она отлично понимала, насколько неудобным и опасным может оказаться путешествие без вещей, еды и представления о местности.

Ей хотелось горячего чая.

Чистой одежды.

Мягкой кровати.

Хотелось, чтобы Гинта принесла завтрак и сказала, что сегодня на улице слишком прохладно для прогулок.

Но возвращение означало и всё остальное.

Адель снова начнёт занятия.

Гинта снова будет следить за расписанием.

Варен приедет за ней, и тогда начнётся жизнь, в которой появится много прекрасных вещей, но исчезнет сама возможность поступить так, как она поступила вчера.

Эрия долго смотрела на туман между деревьями.

Она не была настолько наивна, чтобы надеяться остаться здесь навсегда.

Рано или поздно её найдут.

Возможно, уже ищут.

И когда это произойдёт, ей придётся отвечать за свой поступок.

Варен наверняка будет недоволен. Адель может назначить дополнительные испытания. Возможно, её накажут так сурово, что нынешние ссадины и натёртости покажутся пустяками.

Эрия невольно сжала пальцы.

Она прекрасно знала, каково это — терпеть боль.

И вовсе не хотела испытывать её снова.

Но наказание будет потом.

А этот день существовал сейчас.

Перед ней лежал лес, за которым находились настоящие дороги, города, люди, кафе, театры, магазины — всё то, что она столько лет пыталась представить.

Она могла увидеть хотя бы малую часть.

Один город.

Одну улицу.

Хотя бы несколько незнакомых лиц.

И потом, когда всё закончится, когда её вернут и заставят отвечать за побег, у неё останется воспоминание о днях, которые принадлежали только ей.

Эрия почувствовала, как подступают слёзы, и сердито вытерла глаза ладонью.

Она не понимала, почему плачет.

Ведь впереди было что-то прекрасное.

Она ещё раз оглянулась туда, где, по её предположению, находился дом.

Пусть меня накажут.

Мысль была неприятной, но оттого не менее ясной.

Я выдержу.

Она уже выдержала столько всего.

Порезы, заклятия, чужой страх, боль, которую невозможно было ни с кем разделить. Она научилась переносить то, что казалось невыносимым, и продолжать жить после этого. Научилась подниматься с кушетки, когда ноги дрожат, благодарить Аделя за занятие и улыбаться Гинте за ужином.

Значит, выдержит и последствия своего побега.

Но сначала ей хотелось пожить.

Не готовиться к будущему.

Не становиться сильнее.

Не исполнять предназначение.

Просто проснуться утром и решить, чем заняться сегодня.

Хотя бы несколько дней. Сколько получится.

Она готова была заплатить за них последующим наказанием, лишь бы сейчас никто не отнимал у неё право выбирать.

Возможно, это мой последний раз.

После свадьбы она уже не будет девочкой, которой разрешено совершать ошибки. Она станет женой Варена, частью его жизни и его планов. У неё появятся обязанности, от которых нельзя будет уйти в лес, даже если однажды снова исчезнет вся магическая защита.

Эрия не знала, что именно ждёт её впереди.

Но вдруг отчётливо поняла, что хочет запомнить себя такой, какой была сегодня утром: замёрзшей, голодной, в испачканном платье, посреди незнакомого леса — и совершенно свободной в выборе следующего шага.

Она повернулась к деревьям.

— Значит, пойдём, — сказала она.

И пошла.

* * *

К полудню Эрия обнаружила, что голод способен занимать почти все мысли.

До этого она вспоминала о еде с некоторой досадой, как о досадном неудобстве, которое можно потерпеть. Теперь же живот неприятно сводило, в голове временами возникала лёгкая слабость, а при виде особенно красивых ягод хотелось немедленно попробовать их, даже не зная, съедобны ли они.

К счастью, читать Эрия любила не зря.

Она довольно быстро распознала несколько видов лесных растений, но предпочла не испытывать судьбу. Некоторые ягоды слишком походили друг на друга, а обнаружить собственную ошибку вдали от дома было бы весьма неприятно.

В конце концов ей попалась заросшая ежевикой опушка.

Эрия остановилась так резко, словно наткнулась на драгоценный клад.

Ягоды были тёмными, почти чёрными, с мелкими блестящими капельками влаги на поверхности. Она осторожно сорвала одну, рассмотрела, попробовала.

Сладкая.

Чуть кисловатая.

Великолепная.

Она съела ещё несколько, потом набрала полную горсть и только тогда обнаружила, что кусты покрыты длинными цепкими шипами.

Пока она выбиралась из зарослей, на пальцах и предплечьях появились новые царапины.

Из одной выступила кровь.

Эрия раздражённо посмотрела на повреждение.

— Ну разумеется.

Она вытерла руку о менее грязную часть платья, съела последнюю ягоду и отправилась дальше.

Ненадолго голод отступил.

Зато всё сильнее хотелось пить.

Накануне ей повезло найти ручей, но теперь вода попадалась только в небольших углублениях между корнями, и Эрия не решалась её пробовать. Она помнила, что даже прозрачная вода может оказаться опасной, особенно если долго стоит на одном месте.

В какой-то момент девушка всерьёз задумалась, не вернуться ли к тому ручью, который видела вчера.

Но тут же поняла всю нелепость этой идеи.

Она понятия не имела, где он находится.

Лес постепенно менялся.

Больших елей становилось меньше, среди них всё чаще появлялись берёзы и осины. Под ногами лежали толстые слои влажной листвы, иногда попадались каменистые участки, где идти было особенно трудно.

Эрия старалась придерживаться более низких мест, рассчитывая рано или поздно найти воду.

В книгах говорилось, что ручьи нередко проходят по естественным понижениям рельефа.

Правда, там обычно не упоминали, как неприятно спускаться по мокрому склону в туфлях на тонкой подошве.

Она несколько раз поскользнулась.

Один раз упала на колени и довольно сильно ударилась о камень.

Боль была резкой, но быстро отступила. Эрия посидела немного, осторожно ощупывая повреждённую ногу, потом поднялась.

На колене появилась ссадина.

Кровь смешалась с грязью, и некоторое время пришлось очищать рану подолом платья, хотя Эрия прекрасно понимала, что подобная обработка вряд ли заслужила бы одобрение Гинты.

В доме она могла бы просто позвать женщину.

Та принесла бы воду, лекарства, чистую ткань.

Здесь приходилось обходиться собственными силами.

Эрия впервые подумала, что за всю жизнь почти ни разу не оставалась с болью совершенно одна.

Адель причинял её, но он же и снимал заклятия. Гинта обрабатывала повреждения и следила за восстановлением. Даже самые тяжёлые испытания проходили в комнате, где рядом всегда находился кто-то, способный вмешаться.

Теперь никто не вмешивался.

И хотя полученные сегодня раны были несравнимо легче тех, к которым она привыкла, в них обнаружилось кое-что новое.

За них никто не отвечал.

Эрия осторожно согнула колено.

Болело.

Она вздохнула, поднялась и пошла дальше.

* * *

Воду она нашла ближе к вечеру.

Сначала услышала её — тихое, почти неразличимое журчание где-то между деревьями. Эрия остановилась, прислушалась и, убедившись, что звук не исчезает, поспешила в ту сторону.

Ручей оказался гораздо шире предыдущего.

Вода бежала по каменистому руслу, огибая большие валуны, иногда скрываясь под корнями. На одном участке течение было достаточно сильным, чтобы между камнями появлялись маленькие белые завихрения.

Эрия опустилась на колени у берега.

Ладони дрожали от усталости.

Она зачерпнула воду, поднесла ко рту и выпила прежде, чем успела окончательно вспомнить все прочитанные предупреждения.

Вода была ледяной.

От неё заломило зубы.

Но никогда прежде Эрия не испытывала такого наслаждения от простого глотка.

Она пила маленькими порциями, делая перерывы, чтобы отдышаться. Потом умыла лицо, шею, осторожно промыла поцарапанные руки и повреждённое колено.

Холодная вода обжигала ранки.

Эрия шипела от боли, но продолжала, пока грязь почти полностью не исчезла.

Затем сняла туфли.

Ноги выглядели гораздо хуже, чем утром.

На пятках кожа местами слезла, открыв красноватые болезненные участки. Пальцы натёрлись друг о друга, несколько ногтей были повреждены. Особенно неприятно выглядела правая ступня, в которую, по-видимому, ещё утром попала маленькая колючка.

Эрия осторожно осмотрела её.

Под кожей виднелась тёмная точка.

Пришлось долго поддевать колючку ногтями, пока наконец не удалось вытащить тонкий острый кончик.

Она вздрогнула и выругалась.

Не слишком изящно.

Гинта наверняка сделала бы замечание.

Эрия посмотрела на извлечённую колючку, затем на собственную ступню.

— Ты совершенно того не стоила, — сообщила она ей.

Колючка ничего не ответила.

Она бросила её в воду.

Сидеть у ручья было так приятно, что Эрия долго не могла заставить себя подняться. Лёгкий ветерок приятно холодил лицо, над водой кружились насекомые, а солнечный свет, проникавший сквозь деревья, разбивался на поверхности на множество ярких подвижных пятен.

Здесь было красиво.

По-настоящему красиво.

И она нашла это место сама.

Эрия вытянула ноги на тёплом камне и некоторое время просто смотрела, как течёт вода.

Впервые за весь день она перестала думать о том, куда идти.

Не нужно было торопиться.

Никто не устанавливал ей время отдыха.

Можно было сидеть здесь сколько угодно.

От этой мысли захотелось смеяться и плакать одновременно.

Она выбрала сидеть.

И просидела почти час.

* * *

На вторую ночь пошёл дождь.

Он начался незадолго до сумерек, сперва редкими каплями, почти не достигающими земли под густыми кронами. Эрия даже обрадовалась: после долгого дня воздух стал душным, и прохлада казалась приятной.

Потом дождь усилился.

Большие капли застучали по листьям, с ветвей потекли тонкие струйки, а земля под ногами быстро превратилась в скользкую грязь.

Эрия попыталась укрыться под старой елью.

Через десять минут выяснилось, что дерево совершенно не способно защитить её от дождя, который идёт косо из-за ветра.

Она перешла под другое.

Там было ненамного лучше.

К тому времени, когда ей удалось найти небольшое углубление под вывороченными корнями поваленного дерева, платье уже промокло почти насквозь.

Волосы тяжёлыми мокрыми прядями прилипли к спине.

Эрия дрожала.

Она попыталась выжать воду из подола, но ткань немедленно намокала снова.

Пришлось забраться под корни, насколько позволяла теснота укрытия, и обхватить себя руками.

Некоторое время она сидела, слушая, как дождь барабанит по земле.

Потом вдруг почувствовала сильное желание разозлиться.

Не просто рассердиться на погоду, а по-настоящему возмутиться несправедливостью происходящего.

Как это вообще возможно, чтобы дождь лил именно тогда, когда ей негде спрятаться?

Почему он не начался вчера, когда у неё ещё были силы?

Почему все деревья оказались такими бесполезными?

Почему никто не догадался предусмотреть, что в лесу могут заблудиться люди?

Последняя мысль заставила её рассмеяться.

Конечно, люди давно всё предусмотрели.

Они строили дома.

Покупали палатки.

Носили непромокаемую одежду.

И уж совершенно точно не отправлялись в путешествие, не взяв с собой даже расчёски.

Эрия прислонилась затылком к влажному корню.

Ей было холодно.

Очень холодно.

Впервые за день она всерьёз испугалась, что заболеет.

В доме любые повреждения быстро заживали, особенно после восстановительных составов, но Эрия прекрасно знала, что даже её тело не способно бесконечно переносить нагрузку. Адель не раз объяснял, что регенерация требует энергии, и при сильном истощении восстановление может замедляться.

Теперь она понимала, насколько неприятным может оказаться это обстоятельство.

Она почти не ела.

Плохо спала.

Постоянно двигалась.

И за последние двое суток получила больше мелких повреждений, чем могла сосчитать.

Порезы на руках продолжали затягиваться, но медленнее обычного. Натёртые пятки уже перестали кровоточить, однако кожа оставалась настолько чувствительной, что каждый шаг причинял боль.

Если завтра придётся идти так же долго…

Эрия не закончила мысль.

Вместо этого попыталась согреть ладони дыханием.

Дождь продолжался.

В какой-то момент ей показалось, что она слышит голос Гинты.

Совершенно отчётливо, словно женщина стояла совсем рядом и негромко звала её к ужину.

Эрия подняла голову.

Прислушалась.

Только вода.

Она закрыла глаза.

Гинта, наверное, уже поставила на стол чай.

Возможно, испекла что-нибудь сладкое.

Адель сидит в кабинете, разбирает записи и раздражается, если кто-то отвлекает его.

И где-то далеко Варен занимается своими делами, ещё не зная, что девушка, на которой он собирался жениться, сидит под мокрыми корнями дерева и пытается согреться.

Или уже знает?

Эрия нахмурилась.

Скорее всего, знает.

Гинта непременно сообщила бы ему об исчезновении.

Интересно, что он сказал?

Она пыталась представить его спокойный глубокий голос, но на этот раз воображение отказывалось подсказывать слова.

Ей не хотелось думать о его гневе.

Не сейчас.

Она сжалась плотнее, спрятала лицо между коленями.

Было так холодно, что зубы начали стучать.

И всё-таки где-то внутри оставалось упрямое, почти нелепое удовлетворение.

Она могла вернуться.

Вернее, могла попытаться.

Но не стала.

Сегодняшний день был её собственным.

Даже если большую его часть она провела в грязи, пытаясь отыскать воду и хоть какую-нибудь еду.

Эрия думала, что однажды, когда всё закончится, сможет вспомнить этот день и рассмеяться.

Возможно, будет рассказывать кому-нибудь о том, как впервые покинула дом.

Как увидела оленя.

Как нашла ручей.

Как мокла под дождём.

Интересно, кому она сможет всё это рассказать?

Эрия попыталась представить, как однажды будет вспоминать своё путешествие вслух. Но чем дольше думала, тем сильнее ей хотелось сохранить хотя бы часть произошедшего только для себя. Было что-то драгоценное в воспоминании, которое никто другой не мог оценить, исправить или превратить в очередной урок.

Она прижала колени к груди и закрыла глаза.

Дождь ещё долго шумел над лесом.

* * *

Третье утро оказалось самым тяжёлым.

Эрия проснулась ещё до рассвета, хотя и не была уверена, что действительно спала. Ночь словно состояла из бесконечной череды коротких провалов в забытьё, после каждого из которых она обнаруживала себя всё в том же тесном пространстве под вывороченными корнями. Иногда ей снилась собственная спальня, и тогда пробуждение становилось особенно мучительным: несколько секунд она искала рукой край одеяла, прежде чем понимала, что пальцы касаются холодной земли.

Дождь закончился, но вода ещё стекала с ветвей. Мокрая одежда прилипла к телу, волосы тяжелели на плечах, а в тесном укрытии пахло прелыми листьями и сырой древесиной. Эрия долго не решалась пошевелиться. За ночь мышцы так затекли, что любое движение причиняло боль, и она пыталась хотя бы мысленно определить, какая часть тела пострадала сильнее остальных.

Болела спина. Ныло ушибленное колено. На правой пятке, кажется, снова открылась ранка, а левую стопу сводило после долгой ходьбы. Где-то под рёбрами поселилось неприятное ощущение пустоты, от которого временами слегка мутило.

И ещё она мёрзла.

Не так, как мёрзла прежде, возвращаясь с зимней прогулки в саду. Тот холод был поверхностным, почти приятным, потому что за ним неизменно следовали горячая ванна, чистая одежда и ужин.

Теперь холод словно забрался внутрь.

Эрия попыталась сесть и не удержалась от короткого стона. Плечо, на котором она пролежала последние часы, отозвалось такой резкой болью, что пришлось остановиться и подождать, пока оно перестанет ныть.

Потом она всё-таки выбралась наружу.

Рассвет медленно просачивался между деревьями. Серое небо висело низко, верхушки елей терялись в тумане, а земля вокруг была усеяна мелкими ветками, сбитыми ночным

дождём. Эрия стояла неподвижно, обхватив себя руками, и смотрела на лес, который ещё вчера казался ей таким прекрасным.

Он и сейчас был прекрасен.

Только ей почему-то совсем не хотелось им любоваться.

Она попробовала размять ноги. Сначала осторожно перенесла вес на одну, потом на другую, несколько раз поднялась на носки. Повреждённые пятки немедленно отозвались жжением. Пришлось остановиться, снять туфли и осмотреть ступни.

Кожа в некоторых местах уже начала затягиваться, но тонкий розовый слой легко повреждался при прикосновении. Там, где обычные человеческие раны ещё долго оставались бы открытыми, её тело постепенно восстанавливало себя, расходуя последние запасы сил.

Эрия провела пальцем по краю одной из натёртостей.

Адель наверняка счёл бы скорость восстановления неудовлетворительной.

Она вдруг с такой ясностью представила его нахмуренное лицо над журналом наблюдений, что почти услышала сухое замечание о необходимости соблюдения режима питания.

Эрия опустила ногу.

Ей не хотелось думать об Аделе.

Не сейчас, когда впервые в жизни не нужно было отчитываться перед ним о собственном состоянии.

Она заставила себя подняться.

За время, проведённое в лесу, голод изменился. Прежде всего хотелось обычной еды — чего-нибудь горячего, сытного, способного наполнить желудок и вернуть телу приятное ощущение тепла. Но за этой потребностью постепенно проступала другая, знакомая с шестнадцати лет.

Её природа напоминала о себе.

Не слишком настойчиво — до настоящего истощения суккуба было ещё далеко, — но достаточно, чтобы Эрия чувствовала нарастающую слабость. Магическое восстановление требовало энергии, а взамен тело получало лишь случайные ягоды, холодную воду и несколько часов беспокойного сна.

Она подумала об Анне и Питере.

О тёплой комнате с зелёным креслом, серебристой перегородке и приятном насыщении, после которого всегда хотелось сладкого чая.

Теперь воспоминание казалось невероятно далёким.

Эрия некоторое время стояла, пытаясь согреться, потом огляделась.

Нужно было найти дорогу.

Она уже не испытывала прежнего восторга при мысли о неизвестности. За два дня неизвестность успела показать ей достаточно неприятных сторон. Теперь хотелось чего-нибудь определённого: тропинки, указателя, следов автомобиля, хотя бы обычного человеческого мусора.

Она с неожиданной нежностью вспомнила виденные на фотографиях пластиковые бутылки, брошенные вдоль загородных дорог.

Раньше Эрия возмущалась людьми, которые оставляют мусор в лесу.

Теперь была бы рада обнаружить хотя бы одну.

Это означало бы, что где-то неподалёку живут люди.

Она выбрала направление, в котором деревья стояли немного реже, и пошла.

Первые полчаса давались особенно тяжело. Ноги плохо слушались, туфли скользили по мокрой земле, и приходилось постоянно придерживаться за ветви. Однако постепенно мышцы разогрелись, дрожь утихла, а холод перестал казаться совершенно невыносимым.

Эрия даже обрадовалась.

Возможно, стоило просто начать двигаться.

Возможно, сегодня всё окажется легче.

Она упрямо цеплялась за эту мысль, пока не заметила, что лес снова становится гуще.

* * *

К полудню Эрия окончательно потеряла представление о времени.

Она несколько раз меняла направление, пытаясь найти более удобный проход между деревьями, но каждый новый участок леса оказывался похож на предыдущий. Иногда впереди появлялось светлое пространство, и девушка, приободрившись, ускоряла шаг, уверенная, что наконец приблизилась к опушке.

Но за просветом обнаруживалась небольшая поляна.

Или заболоченная низина.

Или очередной склон, заросший папоротником.

Однажды ей показалось, что между деревьями мелькнула светлая стена какого-то строения. Она почти побежала туда, забыв о больных ногах, но спустя несколько минут обнаружила лишь огромный валун, покрытый бледными лишайниками.

Эрия остановилась перед ним.

Некоторое время молча смотрела на камень.

Потом села прямо на влажную землю.

Ей было обидно до слёз.

Не потому, что валун чем-то её разочаровал. Разумеется, он не был виноват в том, что издалека напоминал стену.

Просто в тот короткий миг, когда Эрия подумала, что видит дом, она успела представить слишком многое.

Чистую воду.

Еду.

Крышу над головой.

Человека, которому можно будет сказать, что она заблудилась и ей нужна помощь.

Теперь вместо всего этого перед ней лежал камень.

Она вытерла лицо ладонями.

От грязных пальцев на щеках наверняка остались полосы, но Эрия уже почти не обращала внимания на собственную внешность. Даже платье, которое ещё вчера она пыталась беречь, превратилось в тяжёлую неудобную тряпку. Подол цеплялся за кусты, влажная ткань натирала кожу на бёдрах, а левый рукав разошёлся по шву настолько сильно, что иногда мешал поднимать руку.

Эрия поднялась лишь тогда, когда сидеть стало холодно.

Несколько минут она пыталась определить направление по солнцу, но облака скрывали почти всё небо. Она помнила, что с утра шла примерно на восток.

Или на северо-восток.

Потом обходила болото.

Затем повернула, чтобы спуститься с холма.

И теперь совершенно не представляла, где находится относительно первоначального пути.

В какой-то момент ей пришла в голову неприятная мысль: а вдруг она всё это время описывает огромный круг?

В книгах такое случалось с заблудившимися людьми.

Они могли часами идти вперёд, убеждённые, что преодолевают значительное расстояние, и в конце концов возвращались почти туда же, откуда начали.

Эрия внимательно огляделась.

Никаких знакомых признаков.

Впрочем, она уже не была уверена, что сумела бы их заметить.

Она прикусила губу.

Впервые за всё путешествие её охватило настоящее бессилие.

Не страх перед наказанием, не тревога из-за неизвестного будущего, не даже желание вернуться домой.

Ей вдруг стало совершенно ясно, что она может не найти выход.

Можно знать устройство железных дорог, имена великих путешественников и правила ориентирования по звёздам, но всё это мало помогает, когда небо затянуто облаками, а собственные ноги едва держат тебя.

Эрия посмотрела на мокрые туфли.

Она сама решила уйти.

Сама выбрала этот путь.

И теперь не знала, как выбраться.

Некоторое время ей хотелось просто остаться возле валуна и никуда больше не ходить.

Но сидеть было холодно.

А голод становился сильнее.

В конце концов она снова поднялась.

* * *

Узкий овраг появился неожиданно.

Эрия заметила его только тогда, когда почва под ногами начала заметно уходить вниз. Склон был покрыт влажными листьями, между которыми торчали корни кустарника. Внизу виднелась неглубокая каменистая ложбина, а на противоположной стороне деревья росли немного реже.

Сверху казалось, что спуститься будет несложно.

Она осторожно поставила ногу на выступающий корень, придержалась за ствол молодой берёзы и перенесла вес тела.

Влажная кора выскользнула из пальцев.

Эрия успела схватиться за ветку, но та согнулась, и девушка неловко съехала по склону на несколько шагов, осыпая вниз мокрую землю.

Она остановилась, тяжело дыша.

Сердце колотилось.

— Осторожнее, — сказала себе Эрия.

Слова прозвучали раздражённо.

До дна оврага оставалось совсем немного. Она решила пройти последние метры по более пологому участку, где среди листьев выступало несколько крупных корней.

Сделала шаг.

Потом ещё один.

Правая туфля соскользнула с мокрого корня.

Эрия попыталась удержать равновесие, резко перенеся вес на другую ногу.

И наступила на что-то острое.

Боль была такой внезапной, что первое мгновение она даже не поняла, откуда пришла.

Словно под ступнёй взорвалось что-то раскалённое.

Эрия вскрикнула, попыталась отдёрнуть ногу — и не смогла.

Её удерживало.

Она потеряла равновесие и упала на бок, больно ударившись плечом о землю.

Из груди вырвался короткий, сдавленный крик.

Правая нога осталась в неестественном положении.

Эрия повернула голову.

Из мокрых листьев торчал острый обломок толстой ветки, сломавшейся под углом. Она наступила на него всем весом. Заострённая древесина прошла сквозь тонкую подошву туфли, пробила стопу снизу и вышла сверху, возле основания пальцев.

Несколько мгновений девушка просто смотрела на собственную ногу.

Разум отказывался принимать увиденное.

Она видела кровь, быстро проступавшую сквозь светлую кожу обуви. Видела грязный обломок дерева, торчавший из верхней части туфли. Видела, как мелко дрожат её пальцы.

Но всё это казалось чем-то чужим.

Чем-то, что происходит не с ней.

Затем боль обрушилась снова.

Эрия закричала.

Она инстинктивно дёрнулась, пытаясь освободиться, и острый предмет сместился внутри раны.

Перед глазами вспыхнули белые пятна.

Дыхание оборвалось.

Несколько секунд она не могла ни пошевелиться, ни закричать снова.

Потом судорожно вдохнула и замерла, боясь даже случайно напрячь ногу.

Из глаз текли слёзы.

Она лежала на мокрой земле, широко раскрыв рот, и пыталась дышать так, как учил Адель.

Медленно.

Ровно.

Не позволяя боли полностью завладеть сознанием.

Но теперь никто не предупреждал её о начале воздействия. Никто не называл его силу. Не существовало заклятия, которое можно было снять, и времени, после которого всё непременно закончится.

Ветка оставалась в ноге.

Эрия попыталась приподняться на локте.

Её немедленно замутило.

Она зажмурилась.

Слёзы продолжали течь, смешиваясь с грязью на щеках.

Сколько времени прошло, прежде чем она смогла снова посмотреть на рану, Эрия не знала.

Возможно, несколько минут.

Возможно, значительно больше.

Она осторожно коснулась туфли.

Боль отозвалась почти сразу.

Девушка отдёрнула руку.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь пришёл.

Это желание оказалось настолько сильным и привычным, что она почти произнесла имя Гинты.

В доме стоило ей пораниться, как женщина появлялась с лекарствами, чистыми полотенцами и неизменным недовольством. Иногда ругалась, иногда вздыхала, но всегда знала, что делать.

Сейчас Эрия не знала.

Она умела переносить боль. Умела удерживать магические построения, когда Адель причинял ей увечья. Знала, как контролировать дыхание и не позволять страху разрушать сосредоточенность.

Но всё это не объясняло, как вынуть из собственной ноги острый кусок дерева.

И как потом идти.

Она прижала ладонь ко рту, сдерживая всхлип.

Думай.

Нужно было думать.

Оставаться здесь нельзя.

Нога всё ещё была насажена на торчащий из земли обломок. Каждый раз, когда Эрия пыталась изменить положение тела, боль заставляла её замирать.

Она осторожно ощупала основание ветки.

Та была довольно толстой, но уже наполовину расщеплённой. Вероятно, когда-то дерево упало, одна из его нижних ветвей обломилась и осталась торчать из земли под острым углом.

Эрия попыталась расшатать её.

Не получилось.

Ветка почти не двигалась.

Она глубоко вдохнула.

Попробовала снова, теперь обеими руками, стараясь не задеть саму стопу.

Древесина тихо хрустнула.

По ноге прошла такая сильная боль, что Эрия едва не потеряла сознание.

Она откинулась на спину, судорожно хватая воздух.

Некоторое время перед глазами всё плыло.

Потом стало немного легче.

Ветка надломилась у основания.

Эрия осторожно потянула ещё раз.

Раздался сухой треск.

Она наконец освободилась от земли.

Но острый обломок по-прежнему проходил сквозь стопу.

Эрия подтянула ногу ближе, насколько смогла, и долго сидела, рассматривая её. Туфля была разорвана, кожа вокруг повреждения быстро опухала, из раны медленно сочилась кровь.

Она знала, что вытаскивать подобные предметы опасно.

Об этом писали в медицинских справочниках. Иногда инородное тело удерживало повреждённые сосуды от сильного кровотечения, и его извлечение могло только ухудшить состояние.

Но Эрия не могла оставить ветку в ноге.

Не здесь.

Не посреди леса.

Она не представляла, как будет двигаться с торчащим из стопы куском дерева.

Она ухватилась за верхний конец.

Попробовала потянуть.

И сразу отпустила.

— Нет, нет, нет…

Её голос сорвался.

Эрия закрыла глаза.

Несколько долгих мгновений она просто сидела, раскачиваясь и сжимая пальцами грязный подол платья.

Потом заставила себя снова посмотреть на рану.

Древесина была гладкой на большей части длины, но возле перелома торчали мелкие щепки. Эрия боялась, что они останутся внутри. Боялась, что не сможет остановить кровь. Боялась, что боль окажется слишком сильной.

Больше всего ей хотелось отложить всё это хотя бы ненадолго.

Но она уже дрожала от холода, а свет над деревьями постепенно становился мягче.

День уходил.

Эрия крепко зажмурилась.

И всё-таки вытащила обломок.

Боль прошла через неё так резко, что тело выгнулось само собой. Она закричала — громко, отчаянно. Пальцы разжались, грязная ветка упала рядом, а Эрия повалилась на землю и некоторое время не могла заставить себя даже открыть глаза.

Потом почувствовала, как что-то тёплое течёт по ступне.

Кровь.

Она заставила себя приподняться.

Под ногой быстро темнели листья.

Эрия сняла повреждённую туфлю, стараясь не касаться раны, и прижала к стопе обе ладони. Между пальцами выступила кровь.

Ей снова стало дурно.

Некоторое время она просто сидела, удерживая давление, пока первоначальный поток не ослабел.

Потом оторвала от уже повреждённого подола длинную полосу ткани.

Та оказалась грязной, но ничего более подходящего у неё не было. Она сложила материю в несколько слоёв, прижала к ране и осторожно обмотала вокруг стопы, стараясь закрепить повязку достаточно плотно, чтобы та не сползала.

Получилось неуклюже.

Гинта наверняка сделала бы всё значительно лучше.

Эрия затянула последний узел.

Пальцы дрожали так сильно, что она едва справилась.

Когда всё закончилось, она откинулась на землю, закрыла глаза и заплакала.

На этот раз даже не пыталась сдерживаться.

Ей было больно.

Она устала.

Она хотела есть, пить и спать. Хотела оказаться в чистой тёплой комнате, где можно было бы лечь и больше никуда не идти.

Но сильнее всего ей хотелось, чтобы кто-нибудь знал, где она.

Просто знал.

Она могла выдержать боль. Уже не раз выдерживала.

Но прежде рядом всегда находился человек, который понимал, что с ней происходит.

Теперь Эрия была совершенно одна.

* * *

Она пролежала в овраге так долго, что успела замёрзнуть.

Когда наконец попыталась встать, оказалось, что повреждённая нога почти не держит её. При первом же прикосновении к земле по стопе прошла резкая боль, заставившая девушку с криком ухватиться за ближайший куст.

Она отдёрнула ногу.

Попробовала снова.

Не смогла.

Тогда Эрия опустилась на колени.

Несколько минут она сидела, рассматривая склон перед собой.

Тот выглядел совсем невысоким.

Если бы не ранение, она преодолела бы его меньше чем за минуту.

Теперь даже это расстояние казалось огромным.

Эрия подтянула повреждённую ногу, упёрлась ладонями в землю и попыталась ползти.

Влажные листья скользили под пальцами. Колени быстро начали болеть, ладони пачкались грязью, а корни цеплялись за оставшиеся целыми части платья. Она старалась не задевать раненую стопу, но при каждом неудачном движении всё равно чувствовала резкий прострел боли.

Поначалу Эрия пыталась считать, сколько раз продвинулась вперёд.

Потом перестала.

Она добралась до выступающего корня, ухватилась за него обеими руками и подтянула тело выше.

От усилия потемнело в глазах.

Пришлось остановиться.

Эрия положила щёку на влажную землю и долго лежала так, слушая собственное тяжёлое дыхание.

Её дар пытался восстановить повреждённые ткани.

Она чувствовала слабое тепло в стопе — знакомое, прежде всегда приносившее облегчение. Но теперь оно быстро угасало, уступая место тупой пульсирующей боли. Тело расходовало последние силы, а восполнить их было нечем.

Она вдруг вспомнила, как Адель однажды заставил её удерживать особенно тяжёлое переживание почти до полного истощения. Тогда Эрия несколько раз просила остановиться, но он продолжал, пока не убедился, что она действительно приближается к пределу.

Потом снял воздействие.

И всё закончилось.

Сейчас она ждала того же.

По привычке.

Ждала, что кто-нибудь скажет:

Достаточно, Эрия.

На сегодня всё.

Но никто не говорил.

Она приподняла голову.

Перед ней оставался мокрый склон.

Эрия медленно потянулась к следующему корню.

И поползла дальше.

* * *

Когда ей наконец удалось выбраться из оврага, солнце уже клонилось к западу.

Она не знала, сколько времени потратила на подъём. Возможно, час. Возможно, два. В какой-то момент перестала замечать течение времени и сосредоточилась только на небольшом участке земли непосредственно перед собой.

Добраться до следующего дерева.

Потом до камня.

Потом до невысокого куста.

Она поднималась, опираясь на стволы, и почти сразу снова опускалась на землю, потому что раненая нога не выдерживала нагрузки.

Несколько раз Эрия пыталась идти, перенося весь вес на здоровую ногу.

Получалось плохо.

Камни скользили, тело теряло равновесие, и каждый раз приходилось хвататься за ветви, чтобы не упасть.

Она уже не думала о красивых городах.

Не представляла театры, рестораны и ночные поезда.

Ей хотелось только выйти из леса.

Настолько сильно, что эта мысль постепенно вытеснила все остальные.

Эрия чувствовала себя странно оторванной от собственного тела. Боль то становилась невероятно острой, то вдруг отступала, оставляя после себя неприятную холодную пустоту. Иногда окружающие звуки казались слишком громкими; иногда, напротив, словно удалялись, и девушка слышала только шум крови в ушах.

Она знала, что это плохие признаки.

В доме Адель никогда не позволял ей оставаться в подобном состоянии надолго.

Обычно после особенно тяжёлых испытаний он немедленно проверял магический отклик, дыхание и уровень восстановления, а Гинта приносила необходимые составы.

Теперь Эрия не могла даже определить, насколько серьёзно пострадала.

Ей было страшно смотреть на собственную ногу.

Повязка пропиталась кровью и грязью. Стопа распухла. Туфлю пришлось оставить в овраге: надеть её поверх перевязанной стопы не получилось, а нести с собой оказалось неудобно. Вторую она тоже сняла, когда поняла, что ходить в одной только тяжелее.

Теперь Эрия двигалась почти босиком, стараясь опираться на пятку раненой ноги как можно реже. Но даже лёгкое прикосновение к земле заставляло её морщиться, а длинные переходы между деревьями приходилось преодолевать на коленях.

Однажды она упала.

Не поскользнулась и не споткнулась.

Просто в какой-то момент ноги перестали держать.

Эрия почувствовала внезапную слабость, попыталась ухватиться за дерево, но пальцы соскользнули по коре, и она тяжело опустилась на землю.

Некоторое время лежала неподвижно.

Над ней шумели деревья.

В воздухе медленно кружился маленький жёлтый лист.

Он опустился совсем рядом, на мокрую землю, и Эрия вдруг вспомнила другой лист.

Тот, который три дня назад пролетел сквозь защитную границу.

Тогда всё началось.

Она смотрела на него и не могла поверить, что между тем утром и нынешним вечером прошло так мало времени.

Ещё совсем недавно Эрия сидела под дубом, читала книгу и думала о том, что скоро Варен покажет ей мир.

Теперь она лежала посреди леса, не зная, сможет ли вообще подняться.

Ей вдруг пришло в голову, что она может здесь умереть.

Эрия закрыла глаза.

До этого подобная возможность казалась отвлечённой и почти нелепой. Она была сильной, её тело быстро восстанавливалось, а в книгах путешественники неизменно преодолевали куда более тяжёлые испытания.

Но теперь ей стало ясно, что лесу совершенно безразлично, кем она является.

Суккубом.

Поглотителем.

Будущей женой могущественного демона.

Здесь она была просто существом с разбитой ногой, которое не сумело найти дорогу.

И если она останется лежать, ничего не изменится.

Наступит ночь.

Станет холодно.

Потом придёт утро.

А она, возможно, уже не сможет его увидеть.

Эрия заплакала.

Беззвучно, почти неподвижно, не открывая глаз. Слёзы скатывались к вискам, терялись в мокрых волосах, а сил вытереть их не оставалось.

Она хотела домой.

Так сильно, что на несколько мгновений перестала думать обо всём остальном.

Хотела в свою спальню. Хотела услышать шаги Гинты, почувствовать чистую простыню под щекой, увидеть знакомые стены.

Хотела, чтобы Адель снова оказался рядом со своими раздражающими замечаниями и точными движениями.

Хотела, чтобы Варен приехал и сказал, что всё будет хорошо.

Она даже попыталась произнести его имя.

— Варен…

Голос прозвучал едва слышно.

Эрия подождала.

Ничего не произошло.

Она посмотрела на пустое пространство между деревьями.

Потом с трудом перевернулась на бок.

Ей вдруг стало мучительно стыдно за собственную надежду.

Не потому, что просить помощи было постыдно.

А потому, что совсем недавно она решила хотя бы несколько дней прожить без чужого разрешения — и теперь, когда ей стало по-настоящему тяжело, первым желанием оказалось снова отдать кому-нибудь ответственность за свою жизнь.

Она прижала ладонь к глазам.

Ей не хотелось больше быть храброй.

Не хотелось никому ничего доказывать.

Она просто очень, очень хотела жить.

Эрия долго лежала так, пока дыхание немного не выровнялось.

Потом осторожно подтянула здоровую ногу.

Оперлась на локоть.

Села.

Мир вокруг слегка покачнулся, но вскоре остановился.

Она подождала ещё немного.

И попыталась подняться.

* * *

Звук двигателя донёсся до неё уже под вечер.

Вначале Эрия даже не обратила на него внимания.

За последние часы слух несколько раз обманывал её: шум ветра казался человеческим голосом, треск ветвей — шагами, а далёкое журчание воды временами напоминало нечто совершенно иное.

Теперь среди деревьев возник тихий низкий гул.

Он постепенно усилился, задержался на несколько мгновений, затем начал удаляться.

Эрия остановилась.

Её сердце вдруг забилось так быстро, что она почувствовала удары в горле.

Она прислушалась.

Звук почти исчез.

Потом окончательно растворился среди деревьев.

Эрия стояла, держась за тонкий ствол берёзы, и боялась пошевелиться.

Машина.

Она совершенно точно слышала машину.

Не во сне.

Не по телевизору.

Где-то неподалёку проехал настоящий автомобиль.

Она зажмурилась и попыталась вспомнить направление звука.

Справа.

Кажется, справа.

И немного впереди.

Эрия осторожно повернулась.

За деревьями виднелся небольшой подъём. Земля там была покрыта камнями, а кустарник постепенно редел.

Она посмотрела на склон.

Даже если дорога находилась за ним, до неё ещё требовалось добраться.

Эрия глубоко вдохнула.

И двинулась в сторону звука.

Первые несколько метров она преодолела, опираясь на деревья. Потом лес стал реже, и расстояния между стволами увеличились настолько, что пришлось передвигаться почти прыжками на здоровой ноге.

Это оказалось слишком тяжело.

Она упала на колени.

Некоторое время сидела, пытаясь справиться с тошнотой.

Потом поползла.

Камни впивались в ладони. Повреждённая стопа волочилась позади, иногда задевая землю и отзываясь острыми вспышками боли. Ткань платья цеплялась за кусты; несколько раз Эрия была вынуждена останавливаться и освобождать подол, потому что сил разорвать его одним движением уже не оставалось.

Она ползла к месту, откуда, как ей казалось, донёсся двигатель.

Не зная, правильно ли выбрала направление.

Не представляя, насколько далеко находится дорога.

Через некоторое время она заметила, что земля меняется.

Вместо густого слоя листьев под руками всё чаще попадались мелкие камни и сухая пыль. Кустарник постепенно редел, а между деревьями открывались небольшие пространства, где трава росла невысокой и жёсткой.

Эрия остановилась.

Провела ладонью по земле.

Мелкие камни.

Песок.

Старые следы шин?

Она наклонилась ближе.

На земле действительно виднелась неглубокая колея, почти заросшая травой. Возможно, здесь когда-то проезжала лесная техника.

Эрия приподняла голову.

Колея уходила между деревьями и постепенно поднималась вверх.

Она почувствовала такой внезапный прилив надежды, что на мгновение забыла о боли.

Дорога.

Может быть, не та, по которой только что проехала машина, но хотя бы какой-то путь, проложенный людьми.

Эрия попыталась встать.

Сделала один шаг.

Второй.

На третьем повреждённая нога коснулась камня, и девушка едва не упала.

Пришлось снова опуститься на колени.

Она стиснула зубы.

И продолжила двигаться вдоль колеи.

* * *

Второй автомобиль она услышала, когда до вершины подъёма оставалось совсем немного.

На этот раз звук был отчётливее.

Низкое гудение двигателя постепенно усиливалось, и сквозь него пробивался характерный шорох шин.

Эрия подняла голову.

— Эй!

Голос сорвался.

Она прокашлялась и попробовала снова.

— Эй! Подождите!

Машина была слишком далеко.

Она ещё не видела её, только слышала, как двигатель на несколько мгновений становится громче, а потом снова затихает.

Эрия попыталась ускориться.

Колея шла вверх по склону, а у неё почти не осталось сил. Руки дрожали, на ладонях появились новые ссадины. Несколько раз приходилось останавливаться, чтобы переждать приступ головокружения.

Она боялась, что звук исчезнет окончательно.

Что автомобиль проедет мимо и больше никто не появится.

Она добралась до небольшого выступа, ухватилась за корень и подтянулась выше.

Гудение стало громким.

Совсем близким.

Эрия с трудом поднялась на здоровую ногу.

Впереди между деревьями мелькнуло что-то светлое.

Она сделала ещё один шаг.

И наконец увидела асфальт.

Дорога оказалась узкой, почти полностью скрытой лесом. Серое полотно с неровными краями тянулось между деревьями, огибая склон, а за поворотом исчезало среди густых елей. На обочине росла высокая трава, местами асфальт растрескался, и сквозь него пробивались тонкие зелёные стебли.

По дороге медленно ехала машина.

Тёмная.

Небольшая.

Эрия увидела её через просвет между стволами.

Всего на несколько секунд.

Она попыталась крикнуть, но из пересохшего горла вырвался только хрип.

Тогда подняла руку.

Машина уже скрывалась за поворотом.

Эрия смотрела туда, где она исчезла, и не могла поверить, что опоздала.

Всего несколько метров.

Ей не хватило каких-то нескольких метров.

Она попыталась сделать шаг вперёд.

Раненая нога подогнулась.

Эрия упала на колени, затем на бок, больно ударившись плечом о каменистую землю.

Некоторое время она лежала неподвижно.

Потом закрыла лицо руками.

Ей больше не хотелось плакать.

Казалось, за последние сутки она выплакала всё, что только могла.

Она просто лежала и слушала, как постепенно стихает звук удаляющейся машины.

А потом наступила тишина.

* * *

До дороги оставалось не больше двадцати шагов.

Эрия видела её сквозь кустарник.

Видела белую линию разметки, несколько больших камней на обочине, тонкую полосу выцветшего асфальта.

Двадцать шагов.

Прежде она преодолела бы это расстояние за несколько секунд.

Теперь понадобилось почти полчаса.

Она ползла, останавливалась, снова ползла. Иногда пыталась подняться, но повреждённая нога не позволяла идти. В какой-то момент Эрия перестала обращать внимание на собственное платье, которое окончательно разорвалось у колена, и просто тянула себя вперёд руками.

Когда пальцы наконец коснулись края асфальта, она остановилась.

Поверхность была шероховатой и ещё хранила дневное тепло.

Эрия положила на неё ладонь.

Потом вторую.

Осторожно подтянулась ближе.

И расплакалась.

На этот раз от облегчения.

Она добралась.

Три дня назад оставила за спиной дом, не имея ни вещей, ни денег, ни малейшего представления о дороге к людям.

Она пережила две ночи в лесу, дождь, холод, голод. Разбила ноги, изорвала платье, едва не потеряла сознание от боли.

И теперь перед ней лежал настоящий асфальт.

Обычная лесная дорога, по которой изредка проезжали автомобили.

Эрия никогда прежде не была так счастлива видеть что-то настолько некрасивое.

Она осторожно устроилась у края обочины, прислонившись спиной к большому камню. Повреждённую ногу вытянула перед собой, стараясь не касаться раной земли.

Повязка давно промокла и испачкалась.

Стопа распухла.

Когда Эрия попыталась пошевелить пальцами, боль заставила её судорожно вдохнуть.

Но теперь, по крайней мере, она знала, где ждать помощи.

Нужно было просто дождаться следующей машины.

Она посмотрела вдоль дороги.

Та была пуста.

Лес стоял тихий, плотный, постепенно погружавшийся в вечернюю тень. Над асфальтом медленно опускался прохладный воздух, пахнущий нагретой пылью и смолой.

Эрия прислонилась головой к камню.

Ей хотелось пить настолько сильно, что язык казался слишком большим и сухим. От голода время от времени сводило желудок, но теперь к обычной слабости добавлялась иная, знакомая пустота под рёбрами. Она почти физически чувствовала, как собственная сила уходит на безуспешные попытки восстановить повреждённую ногу.

Она не знала, сколько ещё сможет продержаться.

Но кто-нибудь обязательно проедет.

Наверное.

Машины ведь уже были.

Две.

Значит, дорога используется.

Эрия снова посмотрела в сторону поворота.

Никого.

Она попробовала представить, что скажет человеку, который остановится.

Здравствуйте. Простите, пожалуйста, я заблудилась.

Это звучало вполне разумно.

Потом придётся объяснить, почему она одна, без телефона и вещей, с такой страшной раной.

Эрия задумалась.

Возможно, лучше сначала попросить воды.

И помощи.

Она никогда не просила помощи у совершенно незнакомых людей. В доме любую её просьбу принимали знакомые существа, чьи реакции она знала почти наизусть.

Но сейчас незнакомец казался ей самым желанным человеком на свете.

Пусть он будет неприветливым.

Пусть задаст сотню вопросов.

Пусть даже рассердится.

Лишь бы остановился.

Эрия попыталась улыбнуться этой мысли, но губы дрогнули.

Она опустила взгляд на собственные руки.

Грязные.

В царапинах.

С обломанными ногтями.

Ещё несколько дней назад Гинта расчёсывала ей волосы перед приездом Варена, выбирала красивое платье и поправляла серебряную заколку.

Эрия осторожно подняла руку к затылку.

Заколка всё ещё была там.

Она вынула её из спутанных волос и долго рассматривала на ладони. Маленькие серебряные веточки потускнели от грязи, между жемчужинами застряла тонкая сухая травинка, но украшение осталось целым.

Эрия осторожно очистила его пальцами.

Ей вдруг захотелось вернуться в тот вечер.

Хотя бы на несколько минут.

Снова стоять перед зеркалом, пока Гинта поправляет ей волосы. Слышать музыку из гостиной. Думать о новых книгах, которые привезёт Варен.

Но потом она посмотрела на дорогу.

И вспомнила, как три дня назад впервые переступила невидимую границу.

Как бежала между деревьями, смеясь от счастья.

Как остановилась, обнаружив, что дом исчез из виду.

Как поняла, что может идти дальше.

Эрия закрыла пальцы вокруг заколки.

Она всё ещё не жалела о том утре.

Именно это поразило её сильнее всего.

После всего пережитого ей следовало бы проклинать собственную глупость. Возможно, если бы кто-нибудь сейчас предложил немедленно вернуть её домой, она даже не нашла бы сил отказаться.

Но та девочка, которая вышла из сада и впервые побежала через лес, не совершила ошибку.

Во всяком случае, Эрия не могла заставить себя думать о ней так.

Она просто не знала, насколько тяжёлым окажется путь.

Эрия осторожно убрала заколку в оставшийся целым карман платья.

Потом прижалась щекой к прохладному камню и закрыла глаза.

Только бы кто-нибудь приехал.

Ветер тихо шевелил траву вдоль обочины.

Дорога пустовала.

Она попыталась сосчитать, сколько времени прошло с тех пор, как исчезла последняя машина, но мысли путались. Перед глазами иногда темнело, а когда Эрия моргала, деревья словно становились дальше.

Ей очень хотелось спать.

Она знала, что лучше не засыпать.

Если появится машина, нужно будет поднять руку, позвать, привлечь внимание. Здесь был небольшой изгиб дороги, и водитель мог не заметить её среди камней и высокой травы.

Эрия заставила себя выпрямиться.

Посмотрела в обе стороны.

Никого.

Она подтянулась немного ближе к асфальту, чтобы её было лучше видно.

Раненая нога отозвалась болью, и девушка тихо застонала.

Но всё же устроилась так, чтобы видеть поворот.

Вечер медленно заполнял лес.

По верхушкам деревьев ещё скользил последний солнечный свет, а внизу, среди стволов, уже собирались прохладные тени. Где-то далеко крикнула птица. С противоположной стороны дороги в кустах зашуршало небольшое животное.

Эрия сидела неподвижно, прислушиваясь.

Ей казалось, что теперь она узнает звук двигателя где угодно.

Даже во сне.

Она посмотрела на пустую дорогу и вдруг подумала, что больше всего на свете хочет увидеть не город.

Не океан.

Не театр.

Просто человека.

Любого.

Который остановится рядом и спросит, что случилось.
Эрия осторожно положила ладони на колени.
— Пожалуйста, — прошептала она.
Никому определённому.
Просто в наступающий вечер.
Потом подняла голову и продолжила слушать.

Глава 3. Незнакомец

Сначала Эрия услышала шорох шин.

Звук возник где-то далеко, за поворотом, сперва тихий, почти неразличимый, затем всё более отчётливый.

Он становился громче, приобретая знакомую низкую вибрацию.

Эрия подняла голову.

По дороге приближался автомобиль.

Она различила его ещё до того, как он показался из-за поворота: два светлых пятна фар скользнули по стволам елей, на мгновение осветив кустарник у обочины. Затем из-за деревьев вышла большая тёмная машина, совершенно бесшумная на вид, с длинным капотом и узкими серебристыми полосами света.

Эрия попыталась подняться.

Правая нога немедленно отозвалась такой болью, что она едва не вскрикнула. Пришлось остаться сидеть, вцепившись пальцами в край большого камня.

Машина приближалась.

Она подняла руку.

Сначала осторожно, словно опасаясь потревожить воздух, затем выше, насколько позволяли силы.

— Пожалуйста…

Голос оказался почти неслышным.

Эрия попробовала крикнуть, но пересохшее горло сжалось, и вместо слова получился хрип.

Машина проехала бы мимо.

Она поняла это с внезапной, оглушительной ясностью: водитель смотрел на дорогу, вечерние тени скрывали её среди кустов, а сама она сидела слишком низко, почти на уровне травы.

Эрия отчаянно замахала рукой.

— Подождите!

На этот раз получилось громче.

Свет фар скользнул по её лицу.

Машина миновала то место, где она сидела.

И почти сразу замедлилась.

Эрия перестала дышать.

Красные огни вспыхнули за несколькими метрами от неё, затем автомобиль окончательно остановился. Некоторое время ничего не происходило. Двигатель работал настолько тихо, что его звук почти терялся среди вечернего шелеста деревьев.

Потом открылась водительская дверь.

Из машины вышел мужчина.

Первым Эрия заметила его рост. Потом — тёмные брюки, превосходно сидевшую светлую рубашку с закатанными до предплечий рукавами и часы, мелькнувшие на запястье, когда он закрыл дверь.

Он остановился возле автомобиля и посмотрел в её сторону.

— Что с вами случилось?

Голос был низким, спокойным, с лёгкой хрипотцой. Не встревоженным и не особенно приветливым, скорее принадлежащим человеку, которого отвлекли от собственных мыслей.

Эрия открыла рот.

Она так долго представляла, как заговорит с первым встречным, что теперь все приготовленные слова совершенно исчезли.

Мужчина сделал несколько шагов ближе.

В угасающем свете она наконец разглядела его лицо.

Он был красив.

Даже сквозь усталость, боль и подступавшее головокружение Эрия не могла этого не заметить. Тёмные волосы, немного растрёпанные, словно он не раз проводил по ним рукой в течение дня; чёткие скулы, прямой нос, выразительные губы, в уголках которых словно постоянно сохранялся след какой-то невысказанной усмешки. В его лице было что-то беспокойное, несмотря на внешнее спокойствие, — не столько суровость, сколько привычка замечать больше, чем он считал нужным показывать.

На вид ему можно было дать немногим больше тридцати.

Он посмотрел на её лицо, на испачканное платье, потом опустил взгляд к ногам.

И нахмурился.

— Так, — произнёс он.

Эрия вдруг почувствовала облегчение такой силы, что едва не расплакалась.

Он остановился.

Действительно остановился.

Не проехал мимо, не исчез за поворотом, не оказался очередным обманом усталого слуха.

Перед ней стоял настоящий человек.

Она попыталась улыбнуться.

— Простите… У вас есть вода?

Мужчина снова посмотрел ей в лицо.

На несколько мгновений его взгляд задержался на её глазах. Затем он перевёл внимание на губы, потрескавшиеся от жажды, и молча вернулся к автомобилю.

Эрия проводила его встревоженным взглядом.

Неужели уедет?

Она даже попыталась подняться, но в этот момент мужчина открыл заднюю дверь и достал оттуда бутылку воды.

Когда он вернулся, Эрия была готова благодарить его за всё на свете.

— Маленькими глотками, — сказал он, присаживаясь перед ней на корточки. — Не торопитесь.

Она схватила бутылку обеими руками.

Пластик был прохладным, крышка поддалась с неожиданной лёгкостью. Эрия сделала первый глоток и едва не застонала от удовольствия.

Вода была чистой.

Невероятно вкусной.

Не пахла листьями, землёй и камнями. Не требовала размышлений о том, достаточно ли быстро течёт ручей, чтобы в нём можно было пить.

Просто вода.

Она выпила несколько больших глотков, пока мужчина не протянул руку.

— Потише. Вы сейчас половину прольёте.

Эрия послушно остановилась.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на её стопу.

— Что случилось?

Эрия проследила за его взглядом.

Повязка выглядела ужасно. Когда она сидела, вытянув ногу перед собой, можно было видеть, насколько сильно распухла стопа. Грязная ткань потемнела от крови, а вокруг неё кожа приобрела нездоровый красноватый оттенок.

Она вдруг почувствовала неловкость.

Странное, совершенно несвоевременное желание спрятать ногу под платье.

— Я… кажется, неудачно наступила на ветку.

Мужчина приподнял бровь.

— Судя по всему, ветка возражала.

Эрия неожиданно рассмеялась.

Смех вышел слабым и немного сиплым, но всё-таки настоящим.

— Очень.

— Давно это произошло?

— Сегодня.

— Утром?

Она задумалась.

— Нет. Наверное, после полудня.

Он ещё раз осмотрел повязку, не касаясь раны.

— Вы сами её наложили?

— Да.

— И после этого шли?

Эрия почувствовала лёгкое возмущение.

— Не всё время.

Мужчина поднял глаза.

— Рад слышать.

Она невольно улыбнулась.

Ей казалось невероятным, что можно вот так разговаривать с незнакомым человеком, сидя у дороги с пробитой ногой. Что он отвечает ей, смотрит на неё, даже шутит — словно подобные встречи совершенно обыкновенны.

Мужчина задержал взгляд на её лице, затем произнёс уже серьёзнее:

— Вам нужен врач. И желательно без промедления.

Эрия кивнула.

Она прекрасно это понимала.

Но при слове «врач» в голове немедленно возникло множество вопросов.

Куда он её отвезёт? Нужно ли будет называть имя? Спросят ли, откуда она пришла? Возможно, существуют какие-нибудь способы сообщить Варену, что неизвестная девушка с подобной внешностью появилась в ближайшем населённом пункте.

Она не знала.

И боялась спросить.

Мужчина тем временем достал из кармана телефон, взглянул на экран, словно проверяя что-то, и убрал обратно.

— Можете встать?

Эрия попробовала пошевелить ногой.

Боль немедленно прошла от стопы до колена.

— Не думаю.

— Понятно.

Он оглядел пустую дорогу.

— Как вы здесь оказались?

Вопрос прозвучал вполне естественно.

Эрия опустила глаза на бутылку.

Она готовила ответ почти три дня.

«Я заблудилась».

Это было правдой.

Но лишь частью правды.

— Я гуляла, — сказала она.

Мужчина посмотрел на её платье, на окровавленные ступни, потом снова на лицо.

— Далеко гуляли.

— Да.

Он едва заметно склонил голову.

— И где-то по пути прогулка перестала вас радовать?

Эрия задумалась.

— Не совсем.

В его глазах впервые появилось явное любопытство.

— Вот как.

— Просто оказалось сложнее, чем я ожидала.

Он некоторое время смотрел на неё, а затем негромко усмехнулся.

— Такое случается.

Эрия прижала бутылку к груди.

Ей вдруг стало страшно, что разговор закончится. Что он предложит вызвать кого-нибудь, оставит её ждать или решит, будто она не стоит всех этих хлопот.

Она собралась с силами.

— Простите…

— Да?

— Мне действительно нужна помощь.

Ей хотелось произнести это спокойно, но голос предательски дрогнул.

Мужчина перестал улыбаться.

Эрия посмотрела на него снизу вверх.

— Я не могу идти. И мне очень больно. Я… — Она сглотнула. — Я не знаю, где нахожусь.

Он выслушал её, не перебивая.

На мгновение опустил взгляд, словно обдумывая решение.

Потом тихо выдохнул.

— Ладно.

Эрия замерла.

— Ладно?

— У меня есть машина. У вас, насколько я вижу, с транспортом некоторые затруднения. Предлагаю воспользоваться моим преимуществом.

Она улыбнулась так широко, что заболели пересохшие губы.

— Правда?

— Полагаю, другого предложения вы от меня и не ожидали.

— Я надеялась.

— Значит, сегодня вам наконец повезло.

Он поднялся и протянул ей руку.

Эрия ухватилась за неё совершенно инстинктивно.

Даже теперь, совершенно измученная, она двигалась с какой-то своеобразной осторожной грацией. В том, как она подбирала под себя здоровую ногу, как переносила вес и старалась удержать равновесие, было что-то от раненой дикой кошки, которая до последнего рассчитывает справиться сама. Но тело уже не слушалось её. Стоило попытаться подняться, как силы оставили её, и мужчина подхватил девушку прежде, чем она успела упасть.

Эрия судорожно вцепилась в его рубашку.

На мгновение мир качнулся, перед глазами потемнело.

— Простите…

— За что именно?

— Я испачкала вам одежду.

Он посмотрел на собственный рукав, на котором остался грязный отпечаток её пальцев.

— Действительно. Неприятная потеря.

Эрия виновато подняла глаза.

И обнаружила, что он улыбается.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы она поняла: он над ней подшучивает.

— Я могу попробовать сама, — сказала она с остатками достоинства.

— Можете, — согласился мужчина. — Только предлагаю оставить это упражнение на другой день.

Он осторожно переместил руку под её колени.

Эрия успела лишь удивлённо вдохнуть, когда он поднял её на руки.

Больная нога дёрнулась, по стопе прошла резкая вспышка боли. Она вскрикнула и обхватила его за шею.

— Больно?

— Да…

Он тут же остановился.

— Сейчас?

Она осторожно прислушалась к ощущениям.

— Немного меньше.

— Хорошо. Постараюсь не задевать ногу.

Он направился к машине.

Эрия прижалась щекой к его плечу, стараясь не смотреть вниз. От рубашки пахло чистой тканью и чем-то едва уловимым, древесным, с лёгкой горчинкой. Не тем резким запахом лекарственных составов, к которому она привыкла, и не знакомой прохладной свежестью одежды Варена.

Совершенно новым запахом.

Ей было странно приятно его чувствовать.

Мужчина нёс её легко. Не настолько демонстративно, чтобы это выглядело нарочитым, а просто как человек, вполне уверенный в собственных силах. Эрия ощущала ровное движение его шагов, тепло руки под коленями и то, как над ними медленно проплывают ветви.

В какой-то момент он посмотрел на неё.

И на мгновение словно отвлёкся.

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь деревья, коснулся её лица. Густые каштановые волосы беспорядочно рассыпались по его руке, открывая тонкую шею; огромные янтарные глаза смотрели на него с таким непосредственным облегчением, что он на секунду задержал взгляд.

Вблизи она оказалась поразительно красивой.

Не той безупречной красотой, которую создают хорошее освещение, дорогая косметика и умение держаться перед камерой. Её лицо было измученным, кожа покрыта царапинами, губы пересохли. И всё же сочетание нежных черт, необычных глаз и мягкой линии рта заставляло смотреть дольше, чем требовалось.

Она пошевелилась, устраиваясь удобнее, и её волосы скользнули по его запястью.

В воздухе на мгновение появился слабый, странно тёплый аромат.

Что-то похожее на мёд.

И почти сразу растворилось среди запахов влажного леса.

— Что? — тихо спросила Эрия, заметив его взгляд.

— Ничего.

Он отвернулся к машине.

— Думаю, нам обоим будет значительно удобнее, когда вы перестанете изображать лесную нимфу.

— Я ничего не изображала.

— Тогда обстоятельства сложились особенно неудачно.

Эрия фыркнула.

Это потребовало последних сил.

* * *

Салон автомобиля оказался почти неправдоподобно удобным.

Мужчина осторожно усадил её на широкое заднее сиденье, обитое мягкой светлой кожей. Под пальцами материал был гладким и тёплым, с едва заметной зернистостью, а сиденье словно само приняло форму её уставшего тела.

Эрия невольно выдохнула.

После двух ночей на земле оно казалось лучшим местом на свете.

— Удобно? — спросил мужчина.

Она кивнула.

— Очень.

Он посмотрел на её ноги.

— Боюсь, придётся немного испортить впечатление.

Из багажника он достал небольшую аптечку и плотное сложенное покрывало. Затем присел возле открытой двери, положил покрывало под её повреждённую ногу и осторожно приподнял пропитавшуюся кровью повязку.

Эрия напряглась.

— Я не собираюсь сейчас трогать рану, — сказал он, заметив её движение. — Только посмотрю, насколько всё плохо.

— Очень?

— Достаточно, чтобы не давать вам больше ходить.

Она хотела заметить, что и сама давно пришла к подобному выводу, но передумала.

Он не пытался извлечь что-нибудь из раны или тщательно её очистить. Осторожно зафиксировал стопу поверх старой повязки чистыми перевязочными материалами, стараясь не давить на место прокола, и подложил под голень сложенное полотенце.

Все его движения были точными.

Без суеты.

Эрия наблюдала за ним с растущим удивлением.

— Вы врач?

— Нет.

— Но умеете делать перевязки.

— Иногда бывает полезно знать, с какой стороны находится бинт.

Она улыбнулась.

Мужчина посмотрел на неё.

— Однако на этом мои медицинские таланты заканчиваются. Остальное оставим специалисту.

Он закрыл аптечку.

— Вы не теряете сознание?

— Нет.

— Голова кружится?

— Иногда.

— Тошнит?

Эрия немного помолчала.

— Уже не очень.

Это, очевидно, не слишком его обрадовало.

— Превосходно, — произнёс он без особенного воодушевления. — Значит, ехать будем аккуратно.

Он протянул ей ещё одну бутылку воды, достал из небольшого отделения упаковку мягких крекеров и положил рядом.

— Попробуйте немного поесть. Если станет хуже, сразу скажите.

Эрия смотрела на крекеры почти с благоговением.

— Можно?

Мужчина поднял глаза.

— Я ведь вам их дал.

— Просто…

Она не договорила.

Ей было неловко признаться, насколько сильно хочется есть.

Он, кажется, понял.

— Ешьте.

Она открыла упаковку.

Первый кусочек был сухим, солоноватым и совершенно восхитительным. Эрия медленно разжевала его, ощущая, как тело с неожиданной жадностью откликается на простую пищу.

Мужчина дождался, пока она сделает несколько глотков воды, и закрыл дверь.

Через минуту он сел за руль.

Салон наполнился мягким светом приборов.

Эрия огляделась.

В автомобиле было удивительно тихо. Даже когда машина тронулась, движение ощущалось почти исключительно по тому, как за окнами начали проплывать деревья. Под рукой находился широкий подлокотник, возле сиденья — небольшая лампа с тёплым рассеянным светом, а на дверной панели виднелась аккуратная строчка, повторявшая изгиб кожи.

Она осторожно провела пальцами по сиденью.

После сырой земли, колючек и грубой коры это прикосновение доставило почти физическое удовольствие.

— Так куда мы едем? — спросила она.

— Пока в сторону цивилизации.

Эрия улыбнулась.

— Это хорошее направление.

— В вашем положении — безусловно.

Он посмотрел в зеркало заднего вида.

— Вам нужно в больницу.

Она напряглась.

Мужчина заметил это почти сразу.

— Есть возражения?

Эрия медленно опустила крекер на колени.

Ей не хотелось в больницу.

Не потому, что она боялась врачей или лечения. В комнате Аделя она привыкла к медицинским процедурам гораздо сильнее, чем большинство людей.

Но больница означала регистрацию, документы, вопросы.

Возможно, кто-нибудь начнёт её искать.

Возможно, сообщит о девушке, найденной в лесу.

Она не знала, как устроена человеческая система помощи, и от этого всё казалось особенно опасным.

— Можно… не в больницу? — спросила она.

Мужчина посмотрел на неё в зеркало.

— С такой ногой?

— Я понимаю, что мне нужен врач.

— Рад это слышать.

— Но нельзя ли сделать так, чтобы меня никуда не записывали?

Несколько мгновений он молчал.

Эрия видела в зеркале, как его брови слегка сошлись. Он перевёл взгляд на дорогу, затем снова на неё.

— Вы ведь понимаете, что ставите меня в довольно странное положение?

Она опустила глаза.

— Да.

— Я нахожу раненую девушку посреди леса. Она не может идти, отказывается от больницы и, насколько я понимаю, не особенно стремится рассказывать, как там оказалась.

— Я не отказываюсь от врача, — тихо возразила Эрия.

— Это несколько меняет дело, но не настолько сильно, как вам кажется.

Она замолчала.

Мужчина несколько секунд смотрел на дорогу, потом провёл ладонью по подбородку.

— У меня есть знакомый врач, — произнёс он наконец. — Теоретически я мог бы попросить его приехать.

Эрия подняла глаза.

— Правда?

— Но тогда возникает другая проблема. Куда именно ему приезжать?

Она смотрела на него, не решаясь ответить.

Мужчина вздохнул.

— Вы, случайно, не располагаете адресом, по которому вас можно отвезти?

Эрия покачала головой.

— Нет.

Это прозвучало жалко даже для неё самой.

Она поспешно добавила:

— Я не собираюсь доставлять вам неприятности. И как только смогу ходить, сразу уйду.

Мужчина бросил на неё короткий взгляд.

— Вы пока даже сидите с трудом. Давайте не будем строить столь отдалённые планы.

Эрия виновато сжала пальцы.

Он ещё некоторое время молчал. В салоне тихо звучала музыка, за окнами проплывали тёмные деревья.

— Ладно, — сказал мужчина наконец. — Поедем ко мне. Вызову врача туда.

Эрия даже не сразу поверила.

— Вы уверены?

— Не вполне, — ответил он, чуть усмехнувшись. — Но боюсь, остальные варианты нравятся мне ещё меньше.

Она почувствовала, как напряжение постепенно отпускает грудь.

— Спасибо.

— Подождите благодарить. Если врач решит, что вам необходима больница, спорить мы с ним не станем.

— Хорошо.

Он снова посмотрел на дорогу.

— И ещё кое-что.

— Да?

— Я всё-таки рассчитываю со временем услышать более содержательную версию вашей прогулки.

Она смутилась.

— Постараюсь.

— Уже неплохо.

— А как вас зовут? — спросила Эрия.

Он посмотрел в зеркало.

— Ашер.

Она повторила про себя.

Ашер.

Имя было коротким, с мягким началом и шипящим окончанием.

Ей понравилось.

— А я Эрия.

— Приятно познакомиться, Эрия.

Она чуть склонила голову.

— Мне тоже.

И неожиданно добавила:

— Особенно сегодня.

Он негромко рассмеялся.

— Могу себе представить.

Некоторое время они ехали молча.

Эрия ела маленькими кусочками, пила воду и смотрела в окно.

Лес постепенно менялся. Деревья редели, вдоль дороги появились первые ограждения, потом — дорожные знаки, которые девушка узнавала с таким восторгом, словно встречала старых знакомых. Иногда за деревьями мелькали крыши небольших домов. Один раз они проехали мимо заправочной станции, ярко освещённой даже в начинающихся сумерках.

Под навесом стояли две машины. Возле одной мужчина в серой куртке держал заправочный пистолет, а за стеклянной стеной магазина виднелись полки, холодильники с напитками и яркие разноцветные упаковки.

Эрия повернула голову, пытаясь рассмотреть её как можно лучше.

Обыкновенная заправка.

Но она смотрела на неё, пока та не исчезла из виду.

За заправкой началась дорога шире прежней. Встречных машин по-прежнему было немного, но постепенно стали появляться фонари, указатели, редкие здания. Впервые за три дня Эрия увидела людей, которые просто шли по тротуару.

Мужчина с собакой.

Женщина в длинном пальто.

Двое подростков возле остановки.

Они разговаривали друг с другом, смотрели в телефоны, куда-то спешили.

Эрия не могла оторвать глаз.

Ей хотелось услышать, о чём они говорят.

Хотелось узнать, куда идут, что собираются делать вечером, сколько раз в жизни проезжали по этой дороге.

Странно было думать, что для них ничего необычного не происходит.

Они живут здесь.

Выходят из дома, покупают продукты, садятся в автобусы, возвращаются вечером.

И даже не замечают, что всё это невероятно.

— Вы очень внимательно смотрите, — заметил Ашер.

Эрия повернулась к нему.

— На людей?

— На всё.

Она подумала.

— Я давно не была в городе.

— Насколько давно?

Эрия опустила взгляд на крекеры.

— Очень.

Он не стал задавать следующий вопрос.

Вместо этого на несколько мгновений прибавил громкость музыки.

Эрия только теперь заметила, что из динамиков доносится тихая мелодия — фортепиано, несколько тёплых протяжных струнных звуков и едва различимый голос певицы на незнакомом языке.

Музыка была красивой.

Не торжественной и не грустной.

Такой, под которую хотелось сидеть у большого окна с чашкой чая, наблюдая за дождём.

Она закрыла глаза.

Машина мягко покачивалась на дороге. В салоне было тепло, пахло кожей, чистой тканью и чем-то терпким, древесным. Под голову она подложила небольшую подушку, найденную рядом с подлокотником, а больную ногу осторожно устроила на покрывале.

Впервые за несколько дней ей не нужно было двигаться. Не нужно было искать воду или пытаться понять, сколько ещё выдержит её тело.

Кто-то другой знал дорогу.

Кто-то другой управлял машиной.

Кто-то другой уже решил, что ей нужен врач, и собирался позаботиться о том, чтобы тот появился.

Эрия почувствовала, как тело постепенно расслабляется.

Она не заметила, в какой момент начала проваливаться в сон.

* * *

Проснулась она от собственного движения.

Машина остановилась на светофоре, и Эрия, потеряв опору, неловко соскользнула с подушки. Больная нога отозвалась тупой пульсацией.

Она тихо застонала и открыла глаза.

За окном был город.

Настоящий.

Огромный.

Эрия выпрямилась настолько, насколько позволяли силы.

Вдоль дороги поднимались высокие здания, окна которых отражали вечернее небо. Над широкими улицами горели фонари, на перекрёстках светились сигналы светофоров, по тротуарам двигались люди. Где-то впереди над крышами возвышались стеклянные башни, а между ними открывались полосы закатного света.

Всё казалось одновременно знакомым и совершенно чужим.

Она видела подобные города сотни раз на фотографиях.

Но там пространство всегда было ограничено рамкой.

Теперь здания продолжались за краями её взгляда. За одним перекрёстком появлялся другой, за улицей — следующая, а окна домов уходили вверх так далеко, что некоторые верхние этажи терялись в вечерней дымке.

Эрия прижалась ладонью к стеклу.

Оно оказалось прохладным.

— Где мы?

— Сиэтл, — почти прошептал Ашер.

Она повторила название едва слышно, словно хотела убедиться, что правильно расслышала.

Потом снова посмотрела наружу.

Машина тронулась.

Эрия не отрывала глаз от улиц.

Ей хотелось попросить Ашера ехать медленнее. Остановиться возле какого-нибудь красивого здания. Позволить ей выйти, хотя бы на несколько минут, чтобы почувствовать под ногами настоящий городской тротуар.

Но стоило пошевелить больной ногой, как все эти желания немедленно уступили место одному.

Ей нужен был отдых.

Очень.

Она опустилась обратно на сиденье.

Ашер посмотрел в зеркало.

— Осталось недолго.

Эрия кивнула.

— Спасибо.

— Вы уже благодарили.

— Я знаю.

Он слегка улыбнулся.

— Тогда можете пока отдохнуть.

Она послушно закрыла глаза.

Но через несколько секунд снова открыла.

— Ашер?

— Да?

— Вы ведь не передумаете?

Он повернул голову ровно настолько, чтобы взглянуть на неё через плечо, пока машина стояла в потоке.

— Насчёт чего?

— Помочь мне.

Вопрос прозвучал тише, чем она собиралась.

Эрия сама удивилась тому, насколько сильно ей хотелось услышать ответ.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

Затем снова перевёл взгляд на дорогу.

— Вы уже в моей машине, Эрия.

— Я знаю.

— Значит, на данный момент моя решимость выглядит достаточно убедительно.

Она улыбнулась.

Он добавил, чуть мягче:

— Не беспокойтесь. До врача довезу.

Эрия кивнула.

И почему-то именно после этих слов ей удалось заснуть по-настоящему.

* * *

Когда машина остановилась окончательно, за окнами уже горели огни.

Эрия проснулась от тихого щелчка ремня безопасности и обнаружила, что Ашер стоит возле открытой задней двери.

— Приехали, — сообщил он.

Она сонно посмотрела на него.

— Уже?

— Боюсь, да.

— Я опять уснула?

— Это был довольно заметный процесс.

Эрия смутилась.

— Простите.

— Начинаю подозревать, что вы извиняетесь даже во сне.

Она улыбнулась.

Ашер осторожно поднял её на руки.

На этот раз Эрия уже не пыталась изображать самостоятельность. Она только придержала повреждённую ногу, чтобы та не задевала его одежду, и обхватила мужчину за шею.

Он закрыл дверь машины ногой.

Они находились в просторном подземном помещении, освещённом мягким белым светом. Пол был настолько чистым, что Эрия невольно посмотрела на свои испачканные ноги и почувствовала неловкость. Вдоль стены стояли ещё несколько автомобилей, а дальше виднелись стеклянные двери и лифтовой холл.

Ашер направился к лифту.

— Это ваш дом? — спросила она.

— Пока только гараж.

Эрия тихо рассмеялась.

— Я имела в виду здание.

— Да.

Лифт открылся почти бесшумно.

Внутри стены были отделаны тёмным деревом и матовым металлом, а одна из панелей представляла собой большое зеркало. Эрия случайно увидела собственное отражение — и замерла.

Она выглядела ужасно.

Длинные волосы спутались и потускнели от грязи, на лице виднелись многочисленные царапины, а светлое платье превратилось в бесформенную, изорванную и испачканную ткань. На одной ноге была грязная повязка, другая оставалась босой, с кровавыми ссадинами возле пальцев.

Но больше всего её поразило лицо.

Заострившиеся черты.

Тени под глазами.

Сухие губы.

Она вдруг подумала, что никогда прежде не выглядела настолько измученной.

Ашер заметил, куда она смотрит.

— Не самое удачное зеркало для первого знакомства, — произнёс он.

Эрия посмотрела на него.

— Вы, наверное, жалеете, что остановились.

— Пока больше жалею, что не взял куртку.

Она удивлённо моргнула.

— Почему?

— Рубашка окончательно обречена.

Эрия уставилась на грязные отпечатки собственных пальцев возле его воротника.

Потом прыснула.

— Я же извинилась!

— Дважды, насколько помню.

— Больше не буду.

— Прекрасно. Мы достигли соглашения.

Лифт продолжал подниматься.

Эрия чувствовала, как из глубины здания к ним доносится едва ощутимая вибрация, хотя сам подъём был почти незаметен. Она попыталась рассмотреть цифры на небольшой панели, но Ашер стоял так, что часть их закрывалась его плечом.

Наконец двери разошлись.

И Эрия забыла о зеркале.

* * *

Сначала ей показалось, что они вошли не в квартиру, а в какой-то необыкновенно красивый музей.

Перед ними открывалось огромное пространство, наполненное мягким светом. Высокие окна занимали почти всю дальнюю стену, за ними простирался вечерний город — тысячи огней, тонкие светящиеся линии улиц, отражения на стеклянных фасадах и далёкая тёмная полоса неба.

Но в отличие от музеев, которые Эрия видела на фотографиях, здесь всё казалось созданным для того, чтобы к нему прикасаться.

На полу лежал большой ковёр с глубоким, неровным ворсом, в котором свет менялся от серебристого к тёплому песочному. Возле широкого дивана стоял низкий стол из тёмного камня, гладкий, с тонкими светлыми прожилками. Сам диван был обит мягкой тканью цвета слоновой кости и покрыт несколькими большими подушками — одни из бархата, другие из плотного льна, третьи из чего-то настолько нежного, что Эрия захотела немедленно потрогать их руками.

Тёплый свет исходил не из одной большой люстры, а из множества источников. Узкие настенные светильники, низкая лампа с абажуром из полупрозрачного материала, мягкая подсветка вдоль книжных шкафов. Благодаря этому пространство не казалось ни слишком ярким, ни тёмным. Свет словно скользил по поверхностям, задерживаясь на изгибах мебели, на блестящих краях бокалов и на стекле небольших декоративных сосудов.

В воздухе витал приятный запах.

Не просто свежести.

Что-то более сложное: тёплое дерево, едва заметная горечь цитрусовых, аромат воска и ещё какой-то пряной ноты, которая появлялась лишь время от времени.

Эрия медленно повернула голову.

Слева находилась обеденная зона с большим столом из тёмного дерева. На нём стояла неглубокая чаша с фруктами, а рядом — ваза с ветвями, покрытыми мелкими белыми цветами. Чуть дальше располагалась кухня, отделанная светлым камнем и деревом, с длинной столешницей, над которой висели несколько аккуратных светильников.

У дальней стены стоял рояль.

Чёрный, с поднятой крышкой, будто кто-то совсем недавно играл на нём и просто отошёл ненадолго.

На полках между книгами располагались небольшие скульптуры и редкие вещи: старинная бронзовая фигурка, гладкий камень причудливой формы, невысокая чаша из тёмного стекла. Картины на стенах были подобраны без стремления произвести впечатление количеством или размером. Одна изображала море в тяжёлую погоду, другая — женщину, сидящую спиной к зрителю возле окна. Третья состояла почти исключительно из крупных цветовых пятен, но Эрия почему-то задержала на ней взгляд.

В доме было очень красиво.

Но больше всего поражало то, что эта красота не казалась предназначенной для посторонних.

На столике возле дивана лежала раскрытая книга.

Рядом стоял широкий низкий бокал, на дне которого оставалось немного тёмно-красной жидкости.

У кресла возле окна были небрежно брошены плед и несколько журналов. На одной из полок виднелась небольшая стопка пластинок, а возле проигрывателя лежал конверт, оставленный поверх остальных, словно хозяин собирался вскоре к нему вернуться.

Здесь жили.

Не просто владели красивыми вещами.

Ими пользовались.

Эрия почувствовала странное восхищение.

Дом Варена, насколько она могла судить по фотографиям, был значительно более торжественным. Огромные залы, старинные картины, дорогая мебель, идеальный порядок. Даже её собственный лесной дом, при всей уютности, оставался местом, где каждая вещь имела предназначенное ей положение.

Здесь же всё словно приглашало прикоснуться.

Сесть на диван.

Снять обувь.

Обернуться в мягкий плед.

Взять книгу с полки и читать, пока за окнами медленно темнеет город.

Эрия не удержалась.

— Как красиво…

Ашер посмотрел на неё.

В его лице мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Благодарю.

Она снова повернула голову, стараясь рассмотреть всё сразу.

— Вы здесь живёте один?

— По большей части.

— А кто играет на рояле?

— Иногда я.

Эрия удивлённо посмотрела на него.

— Правда?

Он приподнял бровь.

— Вы сегодня особенно недоверчивы.

— Нет, просто…

Она смутилась.

— Я тоже играю.

— Вот как? Тогда завтра можете попробовать.

Она просияла.

— Правда?

— Разумеется. Только, пожалуйста, сначала вымойте руки. Рояль ни в чём перед вами не провинился.

Эрия посмотрела на свои перепачканные пальцы и рассмеялась.

— Обещаю.

— Прекрасно. Одной угрозой моему имуществу меньше.

Ашер осторожно переместил руку под её коленями, и повреждённая нога напомнила о себе резкой болью.

Она вздрогнула.

— Простите.

— Опять?

Эрия прикусила губу.

Он посмотрел на неё, и улыбка исчезла.

— Вам нужно лечь.

Она кивнула.

Ашер прошёл через гостиную к широкому коридору, где мягкий свет отражался от светлых стен. Они миновали ещё одну комнату, похожую на кабинет, с большим столом, несколькими экранами и окнами, выходившими на другую сторону города.

На одном из экранов светились графики и таблицы. Рядом лежали документы, аккуратно сложенные в несколько стопок. На подлокотнике рабочего кресла висел тёмный пиджак.

Эрия машинально задержала взгляд.

Она не успела рассмотреть, что именно было изображено на экранах: Ашер уже свернул в следующий коридор, и кабинет исчез из виду.

* * *

Гостевая спальня оказалась почти такой же красивой, как гостиная.

Правда, здесь не было огромных окон во всю стену. Вместо них располагалось одно широкое окно, закрытое тонкими полупрозрачными шторами. За ним светился вечерний город, но мягкая ткань превращала его огни в размытые золотистые пятна.

У дальней стены стояла большая кровать с низким мягким изголовьем. Постель была застелена светлым бельём, поверх которого лежал плотный плед тёплого серого оттенка. Возле кровати располагались небольшие столики с лампами, а у окна — кресло с высокой спинкой и низкая скамеечка для ног.

Эрия сразу заметила ванную комнату.

Дверь была приоткрыта, и сквозь неё виднелись стены из светлого камня, большое зеркало и широкая раковина. Дальше, за стеклянной перегородкой, угадывались очертания ванны.

Ей внезапно захотелось туда так сильно, что пришлось сжать пальцы.

Горячая вода.

Чистые полотенца.

Возможность смыть с себя три дня леса.

Ашер осторожно уложил её на кровать, подложив под больную ногу несколько подушек.

Матрас мягко принял её тело.

Эрия закрыла глаза.

Постель была настолько удобной, что это почти причиняло боль — после всего, что она пережила, удовольствие от мягкой поверхности оказалось слишком сильным.

Она осторожно провела ладонью по простыне.

Ткань была прохладной, гладкой, с едва заметной шелковистой тяжестью.

— Вам удобно? — спросил Ашер.

Эрия открыла глаза.

Он стоял возле кровати, расстёгивая часы.

— Очень.

— Хорошо.

Он положил часы на столик и достал телефон.

— Я вызову врача. Нужно посмотреть, нет ли повреждений, которые не видно снаружи. Пока ногу не трогайте.

Эрия кивнула.

Потом осторожно спросила:

— А можно мне сначала помыться?

Ашер посмотрел на её ногу.

— Пока нет.

Она опечалилась.

Он заметил выражение её лица.

— Обещаю, что ванная никуда не исчезнет за ближайший час.

— Я просто очень грязная.

— Это я успел заметить.

Она посмотрела на светлую постель, под которой уже начали появляться следы от её одежды.

— Я испачкаю вам всё бельё.

— Бельё можно постирать.

— Но…

— Эрия.

Она подняла глаза.

Ашер смотрел на неё спокойно.

— Сейчас я гораздо больше заинтересован в том, чтобы ваша нога осталась на положенном ей месте, чем в сохранности простыней.

Она невольно улыбнулась.

— Хорошо.

Он отошёл к окну и набрал номер.

Разговаривал недолго, негромко и очень определённо. Назвал адрес, описал характер травмы, уточнил, какие препараты могут понадобиться. Затем выслушал собеседника и попросил приехать как можно скорее.

Эрия наблюдала за ним.

Его голос изменился.

Не стал грубее или громче — просто исчезла та лёгкая насмешливость, которая сопровождала почти каждую его реплику с момента встречи. Теперь он говорил коротко, точно, с привычной уверенностью человека, который не сомневается, что его услышат.

Закончив разговор, Ашер взглянул на экран ещё раз.

— Врач будет скоро.

Он положил телефон в карман.

— Вам понадобится что-нибудь ещё?

Эрия задумалась.

Вопрос был совершенно простым.

И оттого неожиданно сложным.

Ей хотелось попросить еды, воды, чистую одежду, горячую ванну, обезболивающее, книгу, возможность наконец перестать думать о том, что происходит.

Ей хотелось столько всего, что она не знала, с чего начать.

— Наверное, нет, — сказала она.

Ашер посмотрел на неё.

Потом на пустую упаковку крекеров, которую она по-прежнему держала в руках.

— Я так не думаю.

Эрия смутилась.

— Я немного голодна.

— Немного?

Она развела руками.

— Возможно, больше.

Он усмехнулся.

— Это уже звучит правдоподобнее.

Ашер подошёл к двери.

— Сейчас принесу вам что-нибудь поесть. Только, пожалуйста, не пытайтесь самостоятельно осматривать квартиру.

— Я не собиралась.

— Прекрасно.

Он вышел.

Эрия осталась одна.

* * *

Несколько мгновений она просто лежала, глядя в потолок.

Комната была тихой.

Но совершенно не похожей на тишину леса.

Где-то за стеной едва слышно работала вентиляция. Издалека доносился приглушённый городской шум, настолько мягкий, что его легко было принять за движение воды. Светильники возле кровати наполняли стены тёплым золотистым сиянием, а за прозрачными шторами медленно двигались далёкие огни.

Эрия осторожно повернула голову.

На столике стояла маленькая керамическая ваза с несколькими веточками зелени. Рядом лежала книга в тёмной обложке и небольшая коробочка с гладкой металлической крышкой.

В комнате не было ничего похожего на предметы из её лесной спальни.

И всё же она ощущала удивительное, почти мгновенное желание остаться здесь.

Хотя бы ненадолго.

Возможность лечь в чистую постель уже казалась подарком, за который невозможно достаточно отблагодарить.

Она осторожно вытянула здоровую ногу.

Простыня приятно скользнула по коже.

Эрия закрыла глаза.

В доме Варена её окружали красивые вещи. Гинта следила, чтобы одежда была удобной, еда — вкусной, а спальня — тёплой. Но до сих пор Эрия почти никогда не задумывалась о том, как сильно всё это влияет на самочувствие.

Теперь, после холодной земли, мокрых корней и боли, даже простое прикосновение чистой ткани казалось чем-то необыкновенным.

Она снова открыла глаза.

Ашер.

Он оказался первым незнакомцем, с которым она заговорила за пределами дома.

Первым человеком, который не знал её расписания, не проверял результаты испытаний и не говорил о предназначении.

Первым, кто спросил, чего она хочет, и действительно выслушал ответ.

Конечно, он мог оказаться совершенно не таким, каким показался за эти несколько часов.

Эрия понимала это.

В книгах встречалось немало историй о людях, которые внушали доверие, а потом причиняли другим ужасные вещи.

Но ей было трудно представить что-нибудь подобное сейчас, когда она лежала в его постели с аккуратно устроенной больной ногой, а сам он отправился за едой.

Она осторожно прикоснулась к своей ладони.

На коже ещё ощущалось воспоминание о его пальцах.

Тёплых.

Уверенных.

Ей особенно запомнилось, как легко он поднял её с земли.

И как внимательно следил, чтобы не задеть повреждённую стопу.

Эрия вдруг поняла, что хочет, чтобы он вернулся.

Просто вернулся в комнату.

Чтобы снова услышать его голос, увидеть ту едва заметную усмешку, с которой он комментировал почти всё происходящее.

Это желание удивило её.

Обычно она легко переносила одиночество. Могла часами сидеть в библиотеке, гулять по саду, читать, заниматься музыкой. Даже присутствие Гинты или Аделя не всегда было необходимо.

Но теперь, после трёх дней, проведённых в лесу, ей хотелось знать, что за дверью есть кто-то живой.

Кто-то, к кому можно обратиться.

И кто ответит.

Она прислушалась.

Издалека донёсся негромкий звон посуды.

Потом шаги.

Эрия улыбнулась раньше, чем дверь открылась.

Ашер вошёл, держа в руках поднос.

На нём стояли тарелка с небольшими бутербродами, миска с фруктами, стакан воды и чашка, от которой поднимался лёгкий пар.

— Надеюсь, вы не против чая, — произнёс он.

Эрия смотрела на поднос так, словно перед ней поставили величайшее произведение искусства.

— Нет, — прошептала она. — Совсем не против.

Ашер поставил еду на прикроватный столик и придвинул к кровати кресло.

Затем взял один из бутербродов, протянул ей и, когда Эрия с благодарностью приняла его, устроился напротив.

Она откусила маленький кусочек.

Мягкий хлеб.

Нежный сыр.

Что-то солоноватое, с едва заметной пряностью.

Ей пришлось закрыть глаза.

Ашер наблюдал за ней с любопытством.

— Настолько плохо?

Она быстро покачала головой.

— Наоборот.

Он рассмеялся.

Эрия прожевала и открыла глаза.

— Это очень вкусно.

— Рад слышать. Хотя должен признаться, что кухня пока не заслуживает столь восторженной оценки. Я даже ничего не готовил.

— А кто готовил?

— Люди, которые значительно лучше меня разбираются в еде.

Она улыбнулась.

— Тогда передайте им спасибо.

— Непременно.

Некоторое время Эрия ела молча.

Ашер не торопил её.

Он сидел в кресле, расслабленно откинувшись на спинку, и время от времени смотрел на телефон, который беззвучно загорался у него в руке. Один раз коротко ответил на сообщение, потом перевернул экраном вниз и снова посмотрел на Эрию.

Она заметила это.

— Вам нужно работать?

— К сожалению, иногда мир продолжает существовать независимо от моих желаний.

Эрия тихо рассмеялась.

— Наверное, это неудобно.

— Чрезвычайно.

Он взял чашку с кофе, которую принёс себе, и сделал небольшой глоток.

Эрия следила за этим движением.

Почему-то ей понравилось, как он держит чашку.

Небрежно, двумя пальцами за ручку, словно совершенно не задумывается о собственных жестах.

Она вдруг почувствовала желание задать ему сотню вопросов.

О работе.

О доме.

О картинах в гостиной.

О том, почему он живёт один и зачем держит рояль с поднятой крышкой.

И, конечно, о том, куда он ехал по той редкой лесной дороге, когда обнаружил её у обочины.

Но пока Эрия спросила совсем другое.

— Ашер?

— Да?

Она немного помолчала.

— Спасибо, что не проехали мимо.

Он посмотрел на неё поверх чашки.

На этот раз не пошутил.

— Пожалуйста, Эрия.

И вдруг это простое слово оказалось приятнее всех остальных, которые он произнёс за вечер.

Она улыбнулась и снова взялась за бутерброд.

За окнами постепенно темнел город. Светильники наполняли комнату мягким теплом, где-то далеко мерцали огни вечерних улиц, а на столике возле кровати стояла чашка с горячим чаем.

Нога продолжала болеть.

Ей ещё предстояло знакомство с врачом, неприятная обработка раны и множество вопросов, на которые она пока не знала ответов.

Но впервые за три дня Эрия могла думать о завтрашнем утре, не испытывая ужаса.

Она находилась в чужом доме.

Рядом с почти незнакомым мужчиной.

И чувствовала себя в безопасности.

Это было так непривычно и так хорошо, что ей даже не хотелось спрашивать себя, насколько разумно доверять этому ощущению.

Пока ей было достаточно того, что Ашер сидел рядом, пил кофе и иногда смотрел на неё с едва заметной улыбкой.

А когда его телефон снова засветился и он на мгновение отвлёкся, Эрия обнаружила, что уже ждёт, когда он поднимет глаза.

Она откусила ещё кусочек хлеба.

И подумала, что завтра непременно попросит его показать ей квартиру.

Особенно рояль.

И картины.

И огромные окна, за которыми мерцал город.

«Завтра».

Какое чудесное слово.

Ещё утром она совсем не была уверена, что оно у неё будет.

* * *

Эрия как раз доедала последний бутерброд, когда в глубине квартиры раздался негромкий звонок.

Она подняла голову.

Ашер взглянул на часы и поставил чашку на столик.

— Полагаю, это наш доктор.

Эрия почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

За последние полчаса она успела почти забыть о предстоящем осмотре. Нога по-прежнему болела, но после еды, воды и возможности наконец вытянуться на мягкой постели боль стала легче переносить. Ей хотелось закрыть глаза и лежать так до утра, ни о чём больше не беспокоясь.

— Он будет делать мне больно? — спросила она.

Ашер задержался у двери.

Вопрос прозвучал совершенно по-детски, и Эрия немедленно об этом пожалела.

— Надеюсь, что не больше необходимого, — ответил он. — Во всяком случае, попросим его не увлекаться.

Она попыталась улыбнуться.

Ашер посмотрел на её испачканную повязку.

— Эрия, вам действительно нужно показать ногу.

— Я знаю.

— Тогда договорились.

Он вышел.

Дверь осталась приоткрытой, и некоторое время девушка слушала удаляющиеся шаги. Затем откуда-то из глубины квартиры донеслись голоса, негромкий мужской смех, звук закрывающейся двери.

Эрия поправила подушку под коленом.

Ей вдруг стало неловко лежать в чужой постели, когда сюда должен войти ещё один незнакомый человек.

Она оглядела комнату, словно надеялась обнаружить что-нибудь, способное сделать её положение более приличным. Попыталась разгладить грязные складки платья. Убрала волосы с лица, хотя пальцы почти сразу запутались в них.

В конце концов она оставила всё как есть.

Врач появился через несколько минут.

Это был мужчина лет пятидесяти, невысокий, с короткими седыми волосами и удивительно добродушным лицом. В руках он держал вместительную чёрную сумку, а поверх тёмной рубашки носил лёгкий пиджак, который снял почти сразу после входа.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я доктор Левин.

— Здравствуйте.

— А вы, полагаю, Эрия?

Она кивнула.

Левин поставил сумку на кресло и подошёл к кровати.

— Что ж, посмотрим, что у нас случилось.

Ашер остановился возле окна, скрестив руки на груди.

— Она несколько дней провела в лесу. Обезвоживание, истощение, многочисленные ссадины. Сегодня получила сквозную рану стопы деревянным обломком.

Доктор повернул к нему голову.

— Насквозь?

— Насколько я понял.

— Давно?

— Несколько часов назад.

Левин посмотрел на Эрию.

— Вы сами извлекли дерево?

Она кивнула.

— Да.

— Целиком?

Эрия задумалась.

— Надеюсь.

Доктор прикрыл глаза на мгновение.

— Очень обнадёживающий ответ.

Ашер негромко усмехнулся.

Эрия посмотрела на обоих с лёгким возмущением.

— У меня не было особенного выбора.

— Не сомневаюсь, — мягко сказал Левин. — И я вовсе не собираюсь вас ругать. Просто теперь нам нужно убедиться, что внутри ничего не осталось.

Он придвинул кресло к кровати и раскрыл сумку.

Эрия наблюдала, как на небольшом столике появляются аккуратно упакованные инструменты, бинты, флаконы и тонкие стерильные салфетки. Всё было удивительно знакомо. Адель пользовался похожими вещами, хотя его шкафы содержали гораздо больше предметов, назначение которых не имело отношения к обычной медицине.

Левин надел перчатки.

— Мне потребуется снять повязку. Если станет слишком больно, скажите сразу.

Эрия кивнула.

Доктор осторожно приподнял край ткани.

Она вздрогнула.

— Простите, — произнёс он. — Прилипла.

Он смочил повязку, подождал, пока ткань размягчится, и принялся снимать её постепенно, не дёргая. Эрия смотрела в потолок, стараясь дышать ровно.

Несколько раз приходилось останавливаться.

В такие моменты Левин терпеливо ждал, пока она справится с болью, и только потом продолжал.

Это было непривычно.

Адель тоже следил за её состоянием, но если он считал воздействие допустимым, то не останавливался из-за того, что ей неприятно.

Левин, напротив, словно исходил из того, что боль сама по себе является достаточной причиной действовать осторожнее.

Эрия не сразу поняла, насколько ей это нравится.

Когда повязку сняли, доктор нахмурился.

Стопа распухла, кожа вокруг повреждения была горячей и красной. Снизу, ближе к передней части подошвы, темнело входное отверстие, сверху — ещё одно, окружённое рваными краями повреждённой ткани.

Эрия сама старалась туда не смотреть.

Она слишком хорошо помнила, как древесина проходила сквозь ногу.

— Довольно серьёзно, — произнёс Левин.

Ашер подошёл ближе.

— Насколько?

— Нужно полноценное обследование. Дерево могло оставить мелкие фрагменты, которых мы снаружи не увидим. Кроме того, есть риск инфекции и повреждения глубоких тканей.

— Можете что-нибудь сделать сейчас?

— Обработаю рану, сниму острую боль, начну необходимые назначения. Но диагностикой пренебрегать нельзя. Сегодня же нужно уточнить глубину повреждений и наличие инородных частиц.

Ашер кивнул.

— Организуйте.

Левин посмотрел на него.

— И никаких попыток ходить.

— Это можете сказать ей.

Доктор повернулся к Эрии.

— Слышали?

Она кивнула.

— Да.

— Хорошо. Выглядите так, словно способны упрямиться.

— Иногда, — призналась она.

— Тогда будем считать, что я предупредил.

Эрия улыбнулась.

Доктор вернулся к сумке.

Следующая часть осмотра оказалась неприятной. Левин проверял чувствительность пальцев, осторожно исследовал область вокруг раны и несколько раз просил её пошевелить стопой. Временами боль подступала так резко, что девушка невольно хваталась за край покрывала.

Ашер некоторое время стоял рядом, затем отошёл к столу и налил ей воды.

— Держите.

Она приняла стакан.

Пальцы дрожали, и немного воды расплескалось на простыню.

— Простите.

— Эрия.

Она подняла на него глаза.

— Если вы ещё раз извинитесь перед моим постельным бельём, я начну брать с него плату за доставленные неудобства.

Левин усмехнулся, не отрываясь от работы.

Эрия рассмеялась, но тут же поморщилась от боли.

— Вот видите, — заметил доктор. — Не смешите пациентку.

— Учту.

Несколько минут они молчали.

Доктор сделал обезболивание, затем тщательно обработал повреждённую область. Он действовал уверенно, время от времени объясняя, что собирается сделать, и это почему-то помогало Эрии значительно сильнее, чем она ожидала.

Она знала, что именно происходит.

Могла приготовиться.

И, если становилось слишком больно, попросить остановиться.

Впервые за долгое время ей не требовалось доказывать, насколько хорошо она умеет терпеть.

Когда основная обработка закончилась, Левин наложил чистую защитную повязку и осторожно устроил ногу на подушке.

— Пока всё, что возможно сделать здесь без дополнительного обследования. Теперь нужно восстановить жидкость, поесть и отдохнуть. Я организую необходимую диагностику, а дальше решим, понадобится ли хирургическая обработка.

Эрия почувствовала слабое разочарование.

— То есть она ещё не зажила?

Доктор посмотрел на неё.

— Боюсь, подобные повреждения не заживают за один вечер.

Она опустила глаза.

«Обычно некоторые заживают».

Но говорить об этом не стала.

Левин ещё некоторое время расспрашивал её о самочувствии, известных заболеваниях, лекарствах и прежних прививках. На часть вопросов Эрия отвечала уверенно, на другие — с некоторым замешательством.

В конце концов доктор закрыл сумку.

— И ещё одно. Никаких горячих ванн сегодня. Повязку мочить нельзя. Если очень хочется помыться, можно осторожно принять душ сидя, с защищённой ногой, но лучше с чьей-нибудь помощью поблизости.

Эрия взглянула на Ашера.

Тот заметил её взгляд.

— Полагаю, ванная комната всё-таки дождалась своего часа.

— Только без героизма, — предупредил Левин.

— Я постараюсь, — серьёзно сказала Эрия.

Доктор улыбнулся.

— Вот и замечательно.

* * *

Когда мужчины вышли в коридор, Эрия впервые за весь вечер почувствовала себя по-настоящему измученной.

Она прислушивалась к их голосам, но не могла разобрать слов. Левин говорил несколько дольше, чем во время осмотра, иногда Ашер задавал короткий вопрос. Потом послышались шаги, звук открывшейся двери, и в квартире снова стало тихо.

Эрия осторожно пошевелила пальцами больной ноги.

Боль притупилась.

Не исчезла полностью, но утратила прежнюю остроту, от которой хотелось кричать при каждом движении.

Это было почти невероятным облегчением.

Она закрыла глаза.

И почти сразу услышала голос Ашера:

— Только не говорите, что снова собрались спать.

Эрия открыла один глаз.

Он стоял в дверях, держа в руках несколько аккуратно сложенных вещей.

— Я не собралась. Просто проверяла.

— Что именно?

— Насколько удобная у вас кровать.

— И каковы результаты?

— Выдающиеся.

Ашер улыбнулся.

Он подошёл к креслу и положил на него одежду.

— Вот. Думаю, для начала подойдёт.

Эрия приподнялась на локтях.

Сверху лежала мягкая рубашка цвета слоновой кости, из тонкой ткани, которая даже на расстоянии выглядела необыкновенно приятной. Под ней — свободные тёмные брюки на мягком поясе и пара чистых носков.

— Это ваше?

— Моё.

Она осторожно коснулась рукава рубашки.

— Но я могу её испачкать.

Ашер посмотрел на неё.

— Судя по всему, мы снова возвращаемся к теме моего имущества.

Эрия улыбнулась.

— Просто она красивая.

— Тогда тем более следует дать ей возможность провести вечер в достойном обществе.

Она рассмеялась.

Ашер придвинул к кровати небольшое кресло.

— В ванной есть сиденье для душа. Я помогу вам добраться, оставлю всё необходимое и подожду снаружи. Если станет плохо, сразу зовите.

— Хорошо.

Он посмотрел на её ногу.

— И предупреждаю: самостоятельно путешествовать по квартире сегодня запрещено.

— Даже до рояля?

— Особенно до рояля.

Эрия притворно вздохнула.

— Какая жестокость.

— Ужасная. Позднее можете написать жалобу.

Он протянул руки.

И Эрия, уже не испытывая прежнего смущения, позволила ему снова поднять себя с кровати.

* * *

Ванная комната оказалась ещё красивее, чем она успела рассмотреть из спальни.

Стены были отделаны светлым камнем с тонкими серыми прожилками, пол приятно нагревался под босой ступнёй, а большое зеркало занимало почти всю стену над широкой раковиной. Возле ванны стоял низкий деревянный столик с аккуратно сложенными полотенцами, небольшими флаконами и стеклянной баночкой с каким-то кремом.

Самое большое удовольствие доставлял запах.

Чистота.

Тёплая, едва уловимая свежесть.

Эрия даже закрыла глаза на мгновение, вдыхая его.

Ашер усадил её на устойчивое сиденье в душевой, помог устроить больную ногу так, чтобы она оставалась сухой, и показал, как управлять водой.

— Здесь регулируется температура. Полотенца справа. Всё остальное, полагаю, интуитивно понятно.

Эрия кивнула.

Он посмотрел на неё ещё раз.

— Справитесь?

— Да.

— Уверены?

Она улыбнулась.

— Ашер, я умею мыться.

— Великолепно. Сегодняшний день продолжает приятно удивлять.

Она рассмеялась.

Он оставил одежду на сухой скамье и вышел, прикрыв за собой дверь.

Эрия некоторое время сидела неподвижно.

Потом осторожно включила воду.

Сначала тонкая струя оказалась слишком горячей, и она поспешно повернула регулятор. Через несколько секунд температура стала идеальной — достаточно тёплой, чтобы расслабить напряжённые мышцы, но не обжигающей.

Она подставила под воду ладони.

Затем плечи.

И наконец почувствовала, как тёплые струи скользят по спине, смывая грязь, пот и неприятный запах сырой одежды.

Эрия закрыла глаза.

Блаженство оказалось настолько сильным, что она невольно застонала.

Три дня.

Всего три дня без горячей воды.

До этого ей казалось, что подобные удобства являются чем-то совершенно обыкновенным. Гинта всегда следила, чтобы в ванной было тепло, полотенца оставались чистыми, а на полках стояли любимые средства.

Эрия пользовалась всем этим почти не задумываясь.

Теперь она понимала, насколько роскошной может оказаться простая возможность смыть грязь с лица.

Она осторожно вымыла руки, провела ладонями по шее, плечам, животу. На коже обнаружились новые синяки, царапины и несколько небольших ссадин, о которых девушка уже успела забыть.

Они выглядели некрасиво, но большей частью не причиняли серьёзной боли.

Затем Эрия занялась волосами.

Это оказалось настоящим испытанием.

Длинные каштановые пряди спутались настолько сильно, что сначала ей пришлось осторожно разбирать их пальцами, разделяя на небольшие участки. В некоторых местах застряли

крошечные кусочки листьев, сухая хвоя и даже тонкая веточка, которую она обнаружила возле затылка.

Эрия рассматривала её с искренним удивлением.

— Как ты туда попала?

Веточка, разумеется, не ответила.

Она отложила её на край раковины и продолжила.

Шампунь пах чем-то мягким, цветочным, с едва заметной сладостью. Эрия нанесла его на волосы, вспенила и несколько минут наслаждалась тем, как густая пена скользит между пальцами.

Когда вода наконец стала прозрачной, она взяла небольшой флакон с кондиционером.

Средство оказалось невероятно приятным — густым, шелковистым, с тонким ароматом белых цветов.

Эрия осторожно распределила его по прядям.

Потом ещё долго смывала.

К тому времени, когда она закончила, тело заметно расслабилось, а усталость снова начала брать верх. Пришлось поспешить: доктор предупреждал, что слишком долго оставаться в тёплой воде ей сейчас не стоит.

Она выключила душ.

Некоторое время сидела, слушая, как последние капли падают на каменный пол.

За дверью было тихо.

Эрия осторожно завернулась в большое полотенце, затем принялась переодеваться.

Рубашка оказалась невероятно мягкой.

Ткань скользнула по плечам, приятно коснулась спины и опустилась значительно ниже бёдер. Рукава были слишком длинными, и пришлось дважды подвернуть манжеты. Брюки тоже оказались велики, но мягкий пояс позволял затянуть их достаточно плотно, а широкие штанины не задевали повязку.

Эрия посмотрела на себя в зеркало.

Из отражения на неё смотрела совсем другая девушка.

Лицо оставалось бледным, на щеке виднелась тонкая царапина, а под глазами лежали тени усталости. Но кожа снова была чистой, волосы, влажные и тяжёлые, густыми волнами спадали почти до талии, а светлая рубашка подчёркивала тёплый оттенок её глаз.

Она осторожно провела пальцами по волосам, отделяя несколько прядей у лица, потом чуть повернула голову и улыбнулась своему отражению.

Впервые за несколько дней ей нравилось то, что она видела.

Она ещё немного посидела перед зеркалом, наслаждаясь чистотой, теплом и приятным прикосновением ткани к коже, затем повернулась к двери.

— Ашер?

— Да? — почти сразу отозвался он из коридора.

Эрия улыбнулась.

Он действительно ждал неподалёку.

— Я оделась. Можете войти.

Дверь открылась.

Ашер вошёл, и на мгновение всё выражение его лица изменилось.

Эрия не сразу поняла, что именно произошло. Просто мужчина, который ещё несколько минут назад держался с неизменной насмешливой непринуждённостью, вдруг остановился на пороге, словно ему потребовалось чуть больше времени, чем обычно, чтобы осмыслить увиденное.

Он смотрел на неё.

Чистые каштановые волосы спадали тяжёлыми влажными волнами, открывая нежный изгиб шеи. Светлая рубашка была слишком велика, её рукава скрывали почти половину ладоней, а свободный ворот оставлял открытыми тонкие ключицы. Усталость не исчезла с её лица, но теперь лишь подчёркивала необыкновенную мягкость черт и глубокий золотистый цвет глаз.

Ашер видел красивых женщин.

Много красивых женщин.

Он прекрасно знал, как свет способен изменить лицо, как дорогая ткань подчёркивает изгиб плеча, как совершенно незначительная деталь превращает обычную привлекательность в нечто, от чего трудно отвести взгляд.

Но сейчас ему пришлось признать, что он несколько недооценил собственное впечатление.

Вблизи она была ослепительно красива.

Эрия чуть склонила голову, рассматривая его с любопытством.

И в этот момент произошло нечто странное.

На языке внезапно появился вкус.

Совсем слабый, почти неощутимый, словно кто-то коснулся его кончика каплей густого тёплого сиропа. Сладость напоминала мёд, но за ней скрывалась другая нота — терпкая, чуть пряная, оставлявшая после себя приятное покалывание.

Эрия замерла.

Она знала, как ощущается чужое желание. Знала его многочисленные оттенки, привыкла к тому, как энергия постепенно наполняет тело во время кормления.

Но это было совсем иначе.

Никто не сидел напротив неё за серебристой перегородкой. Никто не готовился к сеансу. Она даже не собиралась пользоваться собственным даром.

И всё же что-то в ней само потянулось навстречу этому неожиданному ощущению.

Всего на мгновение.

Один крошечный глоток.

Сладость стала отчётливее, разлилась по языку тёплой терпкостью и отозвалась где-то под рёбрами почти ласковым удовольствием.

Эрия судорожно вдохнула.

И немедленно остановилась.

Она не понимала, что именно почувствовала. Никогда прежде чужое желание не достигало её настолько внезапно, без подготовки, без привычного сосредоточения. И уж совершенно точно она не ожидала ощутить его сейчас.

Щёки вспыхнули.

Она быстро опустила глаза, чувствуя себя так, словно её застали за чем-то чрезвычайно неприличным.

Ашер заметил перемену.

— Что-то не так?

— Нет!

Ответ прозвучал слишком поспешно.

Эрия смутилась ещё сильнее.

— То есть… всё хорошо.

Он слегка приподнял бровь.

— Рад слышать.

В этот момент он подошёл ближе, намереваясь помочь ей подняться, и почувствовал аромат.

Очень тонкий.

Сначала свежие белые цветы, чуть влажные, как после утреннего дождя. Затем что-то более тёплое — густая сладость мёда, неожиданно отчётливая среди запахов чистых волос и душевых средств.

Он невольно вдохнул глубже.

Аромат был необыкновенно приятным, но совершенно не похожим на обычные духи.

Эрия подняла голову.

И Ашер снова увидел её глаза.

Золотистые, глубокие, с более тёмным янтарным ободком вокруг радужки. Сейчас в них читалось какое-то странное смущение, причин которого он не знал.

— Вы уверены, что мне можно носить вашу рубашку? — спросила она, стараясь вернуть разговор к чему-нибудь совершенно обычному.

Он задержал на ней взгляд ещё на мгновение.

— Теперь уже поздно возражать.

Она улыбнулась.

— Мне очень нравится ткань.

— Я заметил. Вы гладите этот рукав уже третий раз.

Эрия смутилась, но пальцы не убрала.

— Он очень мягкий.

— Именно поэтому я его и купил.

Она рассмеялась.

И напряжение, на несколько мгновений возникшее между ними, словно растворилось.

Ашер протянул руки.

— Ну что, отправимся смотреть город?

— Из окна?

— Для начала.

Эрия охотно обняла его за шею, позволяя поднять себя с сиденья.

Когда он повернулся к двери, её влажные волосы скользнули по его предплечью, оставив на коже несколько прохладных капель.

Ашер осторожно перехватил её удобнее.

И снова уловил ту едва заметную медовую сладость.

На этот раз она задержалась чуть дольше.

* * *

Эрия заметила, что они повернули не в сторону кровати.

— Куда вы меня несёте?

— В гостиную. Вы ведь хотели посмотреть квартиру.

Она просияла.

— Правда?

— Правда. Но только посмотреть. Никаких самостоятельных экспедиций.

Эрия рассмеялась.

Когда они вошли в гостиную, она снова почувствовала восхищение, почти такое же сильное, как при первом знакомстве с квартирой.

Теперь она могла рассмотреть всё спокойнее.

За огромными окнами расстилался ночной город. Тысячи огней отражались в стёклах, высокие здания уходили вверх тёмными прямоугольниками, а далеко внизу улицы образовывали светящиеся линии, пересекавшиеся под самыми неожиданными углами.

Эрия невольно потянулась к окну.

Ашер заметил движение.

— Ближе?

Она кивнула.

Он подошёл к стеклу.

С высоты город казался бесконечным.

Эрия смотрела вниз, забыв на несколько мгновений даже о боли.

По улицам двигались машины, маленькие, словно игрушечные. На перекрёстках вспыхивали красные и зелёные огни. В окнах соседних зданий можно было различить отдельные комнаты, силуэты людей, иногда — ярко освещённые кухни или гостиные.

Столько жизней.

Столько незнакомых людей.

Она почувствовала, как у неё перехватывает дыхание.

— Невероятно…

Ашер посмотрел на город.

— Неплохой вид.

Эрия повернула к нему голову.

— Неплохой?

— Я стараюсь не делать ему слишком много комплиментов. А то ещё зазнается.

Она рассмеялась.

Потом снова посмотрела в окно.

— Вы каждый день это видите?

— Почти.

— И вам не надоедает?

Он некоторое время молчал.

— Нет, — ответил наконец. — Не надоедает.

Что-то в его голосе заставило Эрию взглянуть на него ещё раз.

Он смотрел на освещённые здания, на далёкие полосы движения, на огромный город, который продолжал жить независимо от того, кто наблюдает за ним с высоты.

И на мгновение его лицо показалось ей совсем другим.

Не холодным.

Не насмешливым.

Просто очень внимательным.

Словно вид за окном действительно был для него чем-то дорогим.

Но уже через несколько секунд Ашер повернулся к дивану.

— А теперь, если вы закончили любоваться моими скромными владениями, предлагаю вернуться к вопросу вашего отдыха.

Он осторожно усадил её на широкие мягкие подушки.

Эрия невольно провела ладонью по бархатной поверхности.

Ткань меняла оттенок под пальцами — тёмная в одну сторону, почти серебристая в другую.

Она погладила её ещё раз.

Ашер наблюдал за этим с лёгкой улыбкой.

— Вы знакомитесь с моей мебелью?

— У вас очень красивые вещи.

— Благодарю.

— И приятные.

Он чуть приподнял бровь.

— Это особенно ценное качество для мебели.

Эрия не обратила внимания на насмешку.

Она осторожно вытянула здоровую ногу, устроила больную на подушке и провела ладонью по мягкому пледу, лежавшему рядом.

Ей нравилось здесь всё.

Не потому, что квартира была дорогой, хотя Эрия прекрасно понимала, насколько роскошно она обставлена.

А потому, что здесь хотелось жить.

Пить чай.

Слушать музыку.

Сидеть у окна, наблюдая за вечерними огнями.

Возможно, даже однажды заснуть прямо на этом огромном диване, завернувшись в плед.

Она посмотрела на Ашера.

Он стоял рядом, убирая телефон в карман.

— Вам нравится? — спросил он.

Эрия кивнула.

— Очень.

— Тогда можете пока располагаться.

Ашер ненадолго вышел, оставив её одну среди мягких подушек и огромных окон, за которыми продолжал мерцать город.

Эрия устроилась удобнее, осторожно вытянула больную ногу и снова провела ладонью по бархатной обивке дивана.

Она как раз разглядывала одну из картин, когда услышала возвращающиеся шаги.

— Кстати, — произнёс Ашер, подходя к ней, — полагаю, это ваше.

Он протянул руку.

На его ладони лежала маленькая серебряная заколка с тонкими веточками и крошечными жемчужинами.

Эрия ахнула.

— Ой!

Она немедленно потянулась за украшением.

— Я совсем забыла!

— Нашёл в кармане вашего платья. Собирался выбросить то, что от него осталось, и решил на всякий случай проверить карманы.

Эрия осторожно взяла заколку.

Она помнила, как убрала её в карман ещё у лесной дороги, боясь потерять последние уцелевшие вещи. Но после встречи с Ашером, поездки и осмотра врача совершенно забыла о ней.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Ашер посмотрел на украшение.

— Дорогая вещь?

Эрия задумалась.

Она никогда не спрашивала Гинту, сколько стоила заколка.

— Не знаю.

Затем подняла глаза.

— Мне её подарили на день рождения.

Он кивнул.

— Тогда хорошо, что я проверил карманы.

Эрия улыбнулась.

Она осторожно разгладила большим пальцем один из серебряных листочков, потом положила заколку на столик возле дивана, рядом с чашкой.

Теперь здесь находилось хотя бы что-то её собственное.

И это почему-то сделало чужую роскошную гостиную ещё уютнее.

Она немного помолчала.

— Ашер?

— Да?

— А мне действительно можно здесь остаться?

Он посмотрел на неё.

Вопрос был произнесён негромко, почти смущённо.

Эрия сидела посреди его гостиной, в его одежде, с повреждённой ногой, и при этом выглядела так, словно ожидала, что в любую минуту кто-нибудь сообщит ей о необходимости уйти.

Ашер медленно выдохнул.

— По крайней мере, до тех пор, пока вы не сможете самостоятельно добраться до двери.

Она улыбнулась.

— Это может занять некоторое время.

— Начинаю подозревать.

Он сделал шаг к креслу, потом остановился.

— Я договорился о дополнительном обследовании. В ближайшее время приедет специалист с оборудованием. По результатам решим, потребуется ли ехать в клинику.

Эрия кивнула.

Она не была в восторге от перспективы новых медицинских процедур, но спорить не собиралась.

Ашер посмотрел на её лицо.

— Устали?

— Очень.

— Тогда после обследования отправитесь спать.

Она задумчиво погладила край пледа.

— А вы?

— У меня ещё есть дела.

Эрия подняла голову.

Почему-то мысль о том, что он уйдёт, оказалась неожиданно неприятной.

Разумеется, Ашер не мог постоянно сидеть рядом с ней. У него был собственный дом, собственная жизнь и, судя по увиденному кабинету, довольно много работы.

Она прекрасно это понимала.

И всё же за последние несколько часов привыкла к его присутствию удивительно быстро.

К голосу.

К коротким насмешливым замечаниям.

К тому, что стоило ей спросить о чём-нибудь, как он отвечал.

Она почувствовала лёгкое смущение от собственной мысли.

— Хорошо, — сказала Эрия.

Ашер задержал на ней взгляд.

— Если что-нибудь понадобится, позовите.

Она кивнула.

Он уже собирался уйти, когда девушка тихо произнесла:

— Ашер?

Он обернулся.

— Да?

Эрия посмотрела на него, потом на свои руки, утонувшие в слишком длинных рукавах его рубашки.

— Вы очень добрый.

На его лице появилось совершенно неподдельное удивление.

Затем он рассмеялся.

Негромко, но на этот раз без обычной сдержанности.

— Вот это, пожалуй, самое неожиданное, что я слышал за последнее время.

Эрия растерянно улыбнулась.

— Почему?

Он покачал головой.

— Неважно.

Потом посмотрел на её лицо, на густые волосы, рассыпавшиеся по светлым подушкам, и чуть мягче добавил:

— Отдыхайте, Эрия.

Она улыбнулась ему.

И осталась сидеть на диване, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру.

Когда Ашер скрылся в коридоре, квартира снова наполнилась тишиной.

Эрия провела ладонью по бархату, посмотрела на огни города, затем медленно откинулась на подушки.

Здесь было тепло.

Удобно.

Безопасно.

Она закрыла глаза.

На этот раз ей не нужно было бояться, что ночью начнётся дождь.

И всё же, когда спустя несколько минут из кабинета донёсся голос Ашера, разговаривавшего с кем-то по телефону, Эрия невольно улыбнулась.

Ей было приятно знать, что он рядом.

Гораздо приятнее, чем она могла бы объяснить.

* * *

Второй врач приехал, когда Эрия уже начала клевать носом на диване.

Она услышала звонок, отдалённые голоса, а затем Ашер вернулся в гостиную в сопровождении мужчины с небольшим переносным аппаратом и чемоданом, в котором находилось медицинское оборудование.

Эрия с некоторым сожалением отложила плед.

После горячего душа и еды её тело словно вспомнило обо всех пережитых лишениях сразу. Усталость, прежде удерживаемая тревогой и необходимостью постоянно двигаться, теперь навалилась с такой силой, что даже сидеть казалось утомительным занятием. Ей хотелось свернуться среди мягких подушек, спрятать лицо в прохладной ткани и проспать по меньшей мере сутки.

Но врач был уже здесь.

Обследование оказалось не слишком болезненным. Специалист внимательно осмотрел стопу, проверил движение пальцев и чувствительность кожи, затем с помощью небольшого аппарата исследовал повреждённые ткани. На экране появлялось изображение, в котором Эрия почти ничего не понимала, хотя старательно пыталась разобрать, что именно показывает ей врач.

Ашер стоял неподалёку, время от времени задавая короткие вопросы.

По предварительным результатам крупных фрагментов древесины в ране не обнаружили, признаков повреждения основных сухожилий тоже не было. Врач, однако, предупредил, что мелкие щепки не всегда удаётся выявить сразу, поэтому за состоянием стопы придётся вни-

мательно следить. Окончательно исключить осложнения можно было только при дальнейшем наблюдении и, если потребуется, дополнительном обследовании в клинике.

Эрия выслушала всё с образцовым вниманием.

Её особенно обрадовало, что никто не настаивал на немедленной госпитализации.

Правда, когда специалист объяснил, что ногу необходимо беречь и несколько дней стараться не наступать на неё, она несколько приуныла.

— А сколько именно дней? — спросила она.

— Посмотрим по заживлению.

— А если она заживёт завтра?

Врач улыбнулся.

— Это было бы замечательно, но я бы на такое не рассчитывал.

Эрия не стала спорить.

Она вообще заметно повеселела после того, как выяснилось, что повторять мучительную обработку прямо сейчас не придётся. Ей дали необходимые рекомендации, заменили повязку, ещё раз напомнили о признаках инфекции и договорились о повторном осмотре.

Когда наконец закрылась входная дверь, часы показывали далеко за полночь.

Ашер вернулся в гостиную и обнаружил, что его гостья уже наполовину уснула, уткнувшись щекой в мягкую подушку.

— Эрия.

Она с трудом открыла глаза.

— М-м?

— Думаю, на сегодня приключений достаточно.

— Согласна, — пробормотала она.

Он наклонился и осторожно поднял её на руки.

Эрия почти не проснулась. Только привычно обвила рукой его шею, устраиваясь удобнее, и тихо вздохнула, когда он понёс её в спальню.

От её ещё немного влажных волос пахло белыми цветами.

Ашер уложил девушку в постель, поправил подушку под повреждённой ногой и накрыл одеялом.

Эрия открыла глаза.

— Ашер?

— Да?

— А вы не спите?

Он взглянул на неё.

— Иногда. Это одна из моих многочисленных слабостей.

Она сонно улыбнулась.

Он поправил край одеяла и направился к двери.

— Ашер?

Он обернулся.

Эрия смотрела на него из-под одеяла. Теперь, когда усталость почти окончательно взяла верх, её взгляд был мягким, немного рассеянным.

— Спасибо вам.

Он улыбнулся.

— Кажется, сегодня я уже слышал это несколько раз.

— Я знаю. Но я хотела поблагодарить вас за всё. За воду, за врачей, за то, что позволили остаться здесь…

Она немного помолчала.

— И особенно за то, что не проехали мимо.

Ашер задержался возле двери.

— Эрия…

— Нет, правда. — Она подняла на него глаза. — Вы ведь могли просто уехать. Я сидела у дороги и уже почти не верила, что кто-нибудь остановится. А вы остановились.

Последние слова прозвучали очень тихо.

Она вспомнила, как увидела красные огни его автомобиля, как испугалась, что машина сейчас исчезнет за поворотом, и как невероятно сильно обрадовалась, когда открылась водительская дверь.

— Не знаю, что бы я без вас делала, — призналась она.

Ашер некоторое время молчал.

Потом чуть улыбнулся.

— К счастью, нам не придётся это выяснять.

Эрия улыбнулась в ответ.

— Спокойной ночи, Ашер.

— Спокойной ночи, Эрия.

Он погасил верхний свет, оставив маленькую лампу у кровати, и тихо закрыл дверь.

* * *

Утром она проснулась от ощущения солнечного света на лице.

Некоторое время Эрия лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь теплом, которое пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы. Простыни были прохладными и гладкими, подушка приятно поддерживала голову, а где-то поблизости негромко работала вентиляция.

Пахло чистым бельём.

Она потянулась.

Сначала вытянула руки над головой, затем медленно прогнулась, расправляя затёкшие мышцы спины, и с удовольствием пошевелила ногами под одеялом.

Только после этого вспомнила, где находится.

Эрия открыла глаза.

Незнакомый потолок.

Светлые стены.

Широкое окно, за которым вместо привычных елей возвышались стеклянные и каменные здания.

Она села так резко, что одеяло соскользнуло с плеч.

Город.

Ашер.

Его дом.

Она действительно здесь.

Эрия огляделась, словно опасаясь, что ночное путешествие могло оказаться особенно продолжительным сном. Но на кресле возле кровати лежал вчерашний плед, на прикроватном столике стояла чашка с недопитой водой, а из-под одеяла выглядывала её нога, аккуратно обмотанная чистой повязкой.

Всё было настоящим.

Она улыбнулась.

Потом осторожно пошевелила пальцами повреждённой стопы.

И удивилась.

Вчера даже такое незначительное движение отзывалось резкой болью. Теперь же ощущалось лишь лёгкое натяжение под кожей и глухая, вполне терпимая болезненность.

Эрия приподняла одеяло.

Стопа выглядела значительно лучше. Отёк почти исчез, покраснение заметно уменьшилось, а кожа вокруг краёв повязки приобрела обычный цвет.

Она осторожно надавила пальцем рядом с повреждённым местом.

Больно.

Но совсем не так, как вчера.

Эрия почувствовала настоящее облегчение.

Собственное восстановление никогда не переставало её удивлять, особенно после тяжёлых повреждений. Иногда тело затягивало глубокие порезы за несколько часов, иногда требовалось гораздо больше времени. Адель объяснял разницу множеством факторов, среди которых особенно выделял истощение и запас доступной энергии.

Теперь, после еды, сна и отдыха, её организм наконец получил возможность заняться раной.

И, кажется, воспользовался ею весьма успешно.

Эрия осторожно опустила ноги с кровати.

Здоровая ступня коснулась мягкого ковра.

Потом повреждённая.

Она медленно перенесла часть веса.

Нога отозвалась неприятным тянущим ощущением, но выдержала.

Эрия улыбнулась ещё шире.

Она попробовала сделать шаг.

Получилось.

Второй оказался значительно менее приятным, и пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не потерять равновесие.

«Всё-таки не совсем зажила».

Это немного разочаровало её.

С другой стороны, вчера она вообще не могла ходить.

Только собравшись подняться, Эрия заметила возле кровати ещё кое-что.

У стены стояли два лёгких костыля с мягкими опорами для предплечий. Рядом лежала небольшая упаковка с запасными перевязочными материалами.

Эрия с любопытством рассмотрела их.

Вчера вечером ничего подобного здесь не было.

Значит, Ашер позаботился об этом, пока она спала.

Она осторожно взяла один костыль, примерилась к рукоятке и даже попробовала опереться на него. Получилось довольно удобно, но потом она снова посмотрела на свою ногу.

Та ведь уже почти не болела.

Эрия поставила костыль обратно.

«Если ходить совсем понемногу, ничего страшного не случится».

Она прекрасно понимала, что Адель не одобрил бы подобного рассуждения.

Но Аделя здесь не было.

Эрия улыбнулась этой мысли и, слегка прихрамывая, направилась к окну.

За стеклом простирался утренний город.

Он был совершенно другим.

Ночью улицы казались потоками света, а здания — тёмными силуэтами, прорезанными сияющими окнами. Теперь Эрия могла разглядеть отдельные фасады, крыши, деревья, небольшие площади и даже людей, двигавшихся по тротуарам далеко внизу.

В одном из соседних зданий на открытой террасе кто-то поливал растения.

Чуть дальше по улице двигался автобус.

На крыше другого дома стояло несколько больших металлических конструкций, назначения которых Эрия не знала.

Она долго смотрела на всё это, прижав ладони к прохладному стеклу.

В обычное утро в лесном доме ей предстояло бы уже собираться к завтраку.

Затем Гинта напомнила бы о занятиях.

Адель, вероятно, ожидал бы её в восточном крыле.

Здесь же никто не приходил.

Никто не стучал в дверь.

Не называл время.

Не спрашивал, закончила ли она книгу и выпила ли восстановительный состав.

Эрия оглянулась на часы.

Половина десятого.

Она проспала почти до десяти.

И никто её не разбудил.

Девушка некоторое время смотрела на циферблат.

Потом вдруг рассмеялась.

Тихо, почти беззвучно, прикрыв рот ладонью.

В этом было что-то невероятно приятное.

Не нужно было придумывать уважительную причину для позднего пробуждения. Не нужно было оправдываться за то, что не встала в установленное время.

Она могла спать сколько угодно.

Могла вообще не вставать.

Могла провести весь день в кровати, рассматривая город за окном.

И даже если бы кто-нибудь счёл это глупым, никто не имел права назначить ей за это дополнительные занятия.

Эрия вернулась к кровати и с наслаждением упала на мягкие подушки.

Потом подумала, что раненой ноге подобные упражнения вряд ли полезны, и осторожно устроила её поудобнее.

Она лежала некоторое время, улыбаясь потолку.

Но постепенно в голове появился вопрос.

«А где Ашер?»

Она прислушалась.

В квартире было тихо.

Не слышалось ни шагов, ни голосов, ни привычного негромкого звона посуды, который сопровождал почти каждое утро в доме Гинты.

Эрия нахмурилась.

Возможно, он ещё спит.

А может быть, работает в кабинете.

Она осторожно поднялась, накинула на плечи мягкий халат, оставленный на кресле, и направилась к двери.

* * *

Ашера в квартире не было.

Эрия обнаружила это не сразу.

Сначала она осторожно прошла по коридору, прислушиваясь к звукам. Заглянула в гостиную, где солнечный свет теперь заливал почти весь пол, превращая большой ковёр в мягкое золотистое поле. Затем подошла к кухне, надеясь услышать шум кофемашины или увидеть знакомую высокую фигуру возле столешницы.

Но кухня была пуста.

На острове из светлого камня стояла тарелка с фруктами, рядом лежала сложенная записка.

Эрия остановилась.

Несколько мгновений смотрела на неё.

Потом осторожно взяла.

«Уехал по делам. Завтрак в холодильнике. Ногу берегите. А.»

Она перечитала записку дважды.

Ашер уехал.

По своим делам.

Совершенно обычное обстоятельство, которое почему-то вызвало у неё лёгкое разочарование.

Эрия посмотрела на пустую кухню.

Никто не собирался проводить весь день возле её кровати.

Разумеется.

Почему он вообще должен?

Ашер был взрослым мужчиной, жил в огромной квартире, занимался какими-то делами, о которых она пока ничего не знала. Вчера он уже потратил на неё почти весь вечер, вызвал врачей, накормил, предоставил комнату и одежду.

Сегодня ему, вероятно, нужно было вернуться к собственной жизни.

Эрия аккуратно положила записку обратно.

Потом ещё раз посмотрела на неё.

«Ногу берегите».

Она улыбнулась.

И отправилась искать завтрак.

В холодильнике обнаружились йогурты, фрукты, сыр, несколько аккуратных контейнеров с готовой едой и стеклянная бутылка с соком. На одной из полок лежала небольшая коробка с выпечкой, которую Эрия открыла с почти неприличным энтузиазмом.

Внутри оказались круассаны.

Она взяла один.

Потом подумала и взяла второй.

Гинта наверняка сказала бы, что сначала нужно съесть что-нибудь более полезное.

Эрия некоторое время рассматривала хрустящую золотистую корочку.

И с удовольствием откусила большой кусок.

Никто ничего не сказал.

Она рассмеялась с набитым ртом.

Затем налила себе сок, устроилась на высоком стуле возле кухонного острова и принялась завтракать, болтая здоровой ногой.

Всё казалось необыкновенно вкусным.

Особенно потому, что никто не решал за неё, сколько именно ей следует съесть.

* * *

После завтрака Эрия собиралась вернуться в спальню.

Во всяком случае, именно это она сказала себе, когда поставила тарелку в раковину.

Врач велел ей беречь ногу.

Ашер повторил то же самое.

И, если рассуждать разумно, ей действительно следовало лежать, пока повреждённые ткани окончательно не восстановятся.

Она даже направилась к коридору.

Но потом остановилась возле открытого прохода в гостиную.

Оттуда был виден рояль.

Чёрный, с гладкой блестящей поверхностью, мягко отражавшей свет огромных окон.

Эрия посмотрела на него.

Потом на собственную ногу.

Затем снова на рояль.

«Я ведь не собираюсь бегать».

Она осторожно шагнула в гостиную.

Пол был прохладным и приятным под здоровой ступнёй. Ковёр возле дивана, напротив, оказался удивительно мягким. Эрия остановилась, провела по нему босой ногой и на несколько мгновений забыла о своём первоначальном намерении.

Вчера она лишь мельком заметила, насколько здесь красивые вещи.

Теперь могла рассматривать их сколько угодно.

Она подошла к дивану и осторожно потрогала подушку из плотного бархата. Провела пальцами по её поверхности, наблюдая, как меняется оттенок ткани. Затем взяла другую, обитую тонким льном, и с удовольствием почувствовала совсем иную фактуру — чуть шероховатую, прохладную, с мелкими неровностями переплетения.

Рядом лежал плед из невероятно мягкой шерсти.

Эрия подняла край, потёрла ткань между пальцами, затем не удержалась и приложила к щеке.

Как приятно.

Она медленно обвела взглядом комнату.

Здесь хотелось прикасаться ко всему.

К гладким каменным поверхностям, к тёплому дереву, к прохладному металлу небольших скульптур, к тяжёлым страницам книг, лежавших на столике.

Эрия провела пальцами по краю одной из полок.

Ашер, кажется, действительно любил красивые вещи.

Но не собирал их просто ради обладания.

Ими пользовались.

На столике возле кресла стояла небольшая чаша с тёмными виноградинами, рядом лежала раскрытая книга, а на подлокотнике небрежно висел плед, словно хозяин оставил его там вчера вечером, собираясь вскоре вернуться.

Эрия посмотрела на кресло.

Потом осторожно села.

Оно оказалось глубоким, с высокой спинкой, которая мягко поддерживала плечи.

Девушка вытянула здоровую ногу, устроила повреждённую на маленькой скамеечке и довольно вздохнула.

Здесь можно было бы провести целый день.

Но оставался рояль.

Она посидела ещё немного.

Потом с явным сожалением поднялась.

* * *

У инструмента Эрия задержалась надолго.

Рояль был старым, но превосходно сохранившимся, с гладкой чёрной крышкой и клавишами, на которых при ближайшем рассмотрении обнаруживались едва заметные следы использования.

На пюпитре лежали ноты.

Эрия узнала произведение не сразу. Пришлось немного наклониться, чтобы рассмотреть название, а затем она с удивлением обнаружила, что когда-то уже пыталась его разучить.

Тогда ей показалось слишком трудно.

Она осторожно опустилась на банкетку.

Ашер говорил, что может позволить ей поиграть.

Правда, завтра.

Но сегодня уже наступило завтра.

Эрия улыбнулась собственной находчивости.

Она поставила пальцы на клавиши.

Несколько мгновений сидела неподвижно, вспоминая начало.

Потом осторожно нажала первые ноты.

Звук оказался глубоким и удивительно тёплым.

Она замерла.

Затем попробовала ещё раз.

Инструмент отвечал на малейшее изменение прикосновения. Там, где её собственное фортепиано иногда звучало слишком резко, этот рояль давал мягкую, почти бархатную глубину, а высокие ноты словно растворялись в воздухе, оставляя после себя тонкое, долго не исчезающее послезвучие.

Эрия улыбнулась.

Она сыграла несколько тактов.

Остановилась.

Попробовала снова.

Потом, забыв о времени, принялась разбирать мелодию, которую прежде считала слишком сложной.

Играть с повреждённой ногой оказалось не слишком удобно, особенно когда требовалось пользоваться педалью. Поэтому Эрия старалась обходиться без неё, внимательно вслушиваясь в чистый звук отдельных нот.

Постепенно мелодия начала складываться.

Она не замечала ничего вокруг.

Ни солнечного света, медленно перемещавшегося по полу, ни слабого движения штор, ни того, как на столике возле рояля беззвучно загорелся экран забытого кем-то устройства.

Когда последний аккорд затих, Эрия некоторое время сидела неподвижно, прислушиваясь к исчезающему звуку.

Ей было хорошо.

Не так, как после сытного обеда или горячей ванны.

И не так, как в тот момент, когда она впервые переступила защитную границу.

Это было спокойное, ровное удовольствие от того, что можно просто заниматься любимым делом.

Никто не оценивал результат.

Не делал замечаний.

Не ставил отметок.

Она сыграла потому, что захотела.

И этого оказалось достаточно.

Эрия осторожно закрыла крышку клавиатуры.

Потом поднялась и заметила, что за дверью кабинета виден светящийся экран.

Она поколебалась.

«Наверное, туда лучше не ходить».

Но кабинет был открыт.

Ашер не говорил, что ей нельзя туда входить.

Эрия осторожно подошла ближе.

Комната оказалась просторнее, чем показалось вчера. Большой рабочий стол стоял возле окна, занимавшего почти всю стену. На нём располагались несколько мониторов, аккуратно сложенные документы и небольшой бронзовый предмет, напоминавший старинную печать.

На одном из экранов виднелась таблица с множеством цифр.

Другой был заполнен графиками.

Эрия невольно прищурилась.

Она любила цифры и всегда находила удовольствие в том, как сложные системы можно представить в виде понятных закономерностей. Но сейчас данные на экранах ничего ей не говорили: названия компаний, сокращения и длинные ряды показателей были совершенно незнакомыми.

Она не стала подходить к столу.

Вместо этого оглядела полки.

Здесь стояли совсем другие книги, чем в гостиной.

Финансы, право, история торговли, несколько изданий на иностранных языках. Среди них обнаружились старые тома по философии и небольшой альбом, посвящённый европейской живописи.

Эрия улыбнулась.

Судя по всему, у них с Ашером было гораздо больше общих интересов, чем она успела предположить.

Она уже собиралась выйти, когда где-то у входа негромко щёлкнул замок.

Эрия замерла.

Затем услышала шаги.

— Эрия?

Голос Ашера донёсся из прихожей.

Она почувствовала неожиданную радость.

— Я здесь!

Шаги приблизились.

Ашер появился в дверях кабинета.

На нём был тёмный костюм, рубашка без галстука и длинное лёгкое пальто, которое он держал перекинутым через руку. Волосы были аккуратно уложены, но несколько прядей уже выбились из причёски, а на лице сохранялось выражение усталого сосредоточения.

Увидев Эрию, он остановился.

Сначала посмотрел на неё.

Потом на кабинет.

Затем опустил взгляд к её босым ногам.

— Любопытно.

Эрия смутилась.

— Я ничего не трогала.

— Я вас об этом ещё не спрашивал.

Она покраснела.

— Мне просто стало интересно.

— Это я уже понял. А теперь объясните, почему вы не в постели.

— Мне стало лучше.

Ашер посмотрел на неё с явным сомнением.

— Настолько?

Она кивнула.

— Да.

Он посмотрел на её ногу.

— Покажите.

Эрия осторожно приподняла край свободных брюк.

Повязка оставалась на месте, но отёк действительно почти исчез. Даже по тому, как спокойно она стояла, было заметно, что вчерашняя боль значительно уменьшилась.

Ашер присел перед ней.

— Можно?

Она кивнула.

Он осторожно осмотрел стопу, не снимая повязки полностью, затем нахмурился.

— Подождите.

Эрия с любопытством посмотрела на него.

— Что?

Он поднял глаза.

— Вчера у вас была сквозная рана.

— Да.

— И вы не могли стоять.

— Не могла.

Ашер снова посмотрел на ногу.

— А сегодня вы разгуливаете по квартире?

Эрия улыбнулась.

— Не совсем разгуливаю. Немного хромаю.

Он некоторое время молчал.

Потом осторожно приподнял край повязки там, где это позволяло увидеть зажившую кожу, не тревожа место повреждения.

Под чистой тканью обнаружилась тонкая розоватая полоска. Верхнее отверстие почти полностью закрылось, оставив лишь небольшой чувствительный участок, а отёк вокруг него заметно уменьшился.

Ашер замер.

— Невероятно.

Эрия довольно улыбнулась.

Ей нравилось, когда её способности вызывали удивление.

Особенно у человека, который, казалось, вообще редко удивляется.

— Я быстро восстанавливаюсь.

Он поднял на неё глаза.

— Вижу.

Затем ещё раз посмотрел на стопу.

— Насколько быстро?

Она задумалась.

— По-разному.

— Очень содержательный ответ.

Эрия рассмеялась.

— Правда по-разному. Иногда за несколько часов. Иногда дольше. Всё зависит от повреждения.

Он поднял глаза.

— Вы что, часто получаете травмы?

Она открыла рот, собираясь ответить.

И неожиданно замолчала.

Вопрос был совершенно простым. Ашер не произнёс его с осуждением или подозрением — только с искренним удивлением.

Но именно это почему-то смутило её.

В доме подобные вещи никогда не вызывали вопросов. Адель ежедневно проверял её состояние, Гинта осматривала раны, Варен внимательно следил за результатами восстановления. Порезы, ожоги, синяки и другие повреждения были частью привычного распорядка, ничуть не более удивительной, чем завтрак или занятия музыкой.

Эрия никогда не задумывалась, что для других людей всё может быть иначе.

Что они способны прожить целый день, не получив ни единой раны.

И даже несколько дней.

Или недель.

Она посмотрела на Ашера.

— Не такие, — ответила наконец. — Но… разные.

— Разные?

Эрия почувствовала, что краснеет.

— Просто раньше мне иногда приходилось восстанавливаться после повреждений.

Она услышала собственные слова и поняла, насколько странно они звучат.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

— Понятно, — произнёс он наконец, хотя по его лицу нельзя было сказать, что ему действительно всё понятно.

Эрия поспешно опустила штанину, прикрывая повязку.

Ей вдруг не захотелось продолжать этот разговор.

Не потому, что она стыдилась своих занятий. Ещё вчера ей казалось совершенно естественным рассказывать о них, как рассказывают об учёбе или работе.

Но сейчас она впервые задумалась, как именно их воспримет человек, которому никогда не приходилось проходить подобную подготовку.

Ашер не стал расспрашивать дальше.

— В любом случае, — сказал он, — предлагаю показать ваши удивительные способности врачу, прежде чем вы решите окончательно отказаться от костылей.

Эрия облегчённо улыбнулась.

— Хорошо.

Ашер тихо рассмеялся.

— Пойдёмте. Раз уж вы всё равно решили исследовать квартиру, хотя бы накормлю вас обедом.

* * *

Обедали они на кухне, за длинным столом возле окна.

Ашер предложил перенести еду в гостиную, но Эрия неожиданно заупрямилась. Ей хотелось сидеть за настоящим столом, видеть, как за стеклом движется дневной город, и не чувствовать себя больной, которую необходимо кормить в постели.

В конце концов он уступил.

Правда, настоял, чтобы повреждённую ногу она устроила на мягком пуфе, а не опускала на пол.

Еда оказалась превосходной.

Густой суп из запечённых овощей, тёплый хлеб с хрустящей корочкой, мягкий сыр и тонко нарезанные ломтики мяса, приготовленного с травами. Всё было подано в тяжёлой керамической посуде, приятной на ощупь, а вода — в высоких бокалах из тонкого прозрачного стекла.

Эрия пробовала понемногу каждое блюдо, стараясь запомнить вкус.

Ашер, сидевший напротив, наблюдал за ней с ленивым любопытством.

— Вы всегда едите так внимательно?

Она подняла глаза.

— Как?

— Словно собираетесь написать подробный отчёт обо всём, что находится на тарелке.

Эрия улыбнулась.

— Мне просто вкусно.

— Это я заметил.

Она отломила кусочек хлеба, макнула в суп и некоторое время задумчиво жевала.

— Здесь какая-то необычная приправа.

— Шалфей.

— Правда? Я пробовала его раньше, но там он был совсем другим.

— Уверен, повар будет польщён столь обстоятельным анализом.

Эрия рассмеялась.

Ей нравилось, что Ашер не требует от неё соблюдать какой-нибудь особенный порядок за столом. В доме Гинта неизменно следила, чтобы она правильно пользовалась приборами, не сутулилась и не отвлекалась во время еды. Варен относился к манерам ещё внимательнее, хотя почти никогда не делал замечаний непосредственно.

Здесь же можно было отломить хлеб руками, попробовать соус кончиком пальца и задать совершенно глупый вопрос о том, почему у ложки такая необычная форма.

Впрочем, Ашер сам держался с безупречной непринуждённостью. Даже когда он просто наливал воду, Эрия замечала, насколько естественно и красиво выглядит движение его рук.

Она поймала себя на том, что наблюдает за ним, и поспешно вернулась к супу.

— Итак, — произнёс он спустя некоторое время, — Эрия.

Она подняла глаза.

— Да?

— Полагаю, теперь, когда непосредственная опасность для вашей жизни несколько уменьшилась, мы можем вернуться к вопросу, который вчера остался без ответа.

Она насторожилась.

Ашер заметил это.

— Не беспокойтесь, я не собираюсь устраивать допрос. Но согласитесь, наша встреча была несколько необычной.

— Да, — признала Эрия.

— Молодая девушка в изорванном платье, посреди леса, с пробитой ногой и весьма ограниченным желанием обращаться в официальные учреждения. Вы должны понимать, что подобное вызывает вопросы.

Эрия медленно положила ложку.

Она знала, что рано или поздно он захочет поговорить об этом.

Было бы странно, если бы не захотел.

И всё же ей не нравилась необходимость объяснять.

Не потому, что она собиралась скрывать от Ашера нечто постыдное. Просто невозможно было рассказать о побеге, не объяснив, откуда именно она сбежала. А за этим неизбежно последовали бы новые вопросы — о доме, об Аделе, о Варене, о предстоящей свадьбе.

Эрия ещё не была готова произносить всё это вслух.

— Я действительно заблудилась, — сказала она.

— В этом я не сомневаюсь.

— И не собиралась причинять никому неприятностей.

Ашер чуть наклонил голову.

— Это тоже довольно очевидно. Хотя моя рубашка, возможно, придерживается другого мнения.

Она улыбнулась, но почти сразу стала серьёзной.

— Просто я очень хотела увидеть город.

Он посмотрел на неё.

— Город?

— Да.

— Настолько, что отправились к нему пешком через лес?

Эрия смутилась.

— Я не думала, что придётся идти так долго.

— А сколько рассчитывали?

Она некоторое время молчала.

— Вообще-то я не знала, сколько буду идти.

Ашер отложил приборы.

— Любопытный подход к путешествию.

— Я понимаю, что поступила глупо.

— Не сказал бы, что ваше планирование заслуживает особенной похвалы.

Эрия поморщилась.

— Я уже поняла.

Он слегка улыбнулся.

— Но мне интересно другое. Почему вы так хотели увидеть город?

Она посмотрела в окно.

Далеко внизу по улице двигался поток автомобилей. На противоположной стороне виднелись небольшие фигуры пешеходов, которые переходили перекрёсток, останавливались перед витринами и исчезали в дверях зданий.

Эрия несколько мгновений наблюдала за ними.

— Потому что я очень давно жила в одном месте, — сказала она наконец.

Ашер не ответил.

— Там было красиво, — продолжила она. — Большой дом, лес, сад. У меня было много книг. Я могла читать сколько угодно, заниматься музыкой, гулять. Но…

Она остановилась, подбирая слова.

— Но вы не могли уйти?

Вопрос оказался неожиданно точным.

Эрия повернулась к нему.

Ашер смотрел спокойно, без особенного выражения.

Она почувствовала, как напряглись плечи.

— Всё немного сложнее.

— Полагаю.

Некоторое время она рассматривала собственные пальцы.

— Я не хочу, чтобы вы подумали, будто меня плохо содержали.

Ашер чуть приподнял бровь.

— Содержали?

Эрия замерла.

Она не собиралась употреблять именно это слово.

— Я хотела сказать… обо мне заботились.

— Понятно.

— Правда заботились.

Он не стал спорить.

И почему-то от этого ей захотелось объяснить ещё больше.

— Просто иногда мне казалось, что я знаю обо всём на свете, кроме того, каково это — действительно там находиться. Я читала о городах, о море, о музеях. Знала, как выглядят

поезда, где находятся самые знаменитые театры, какие бывают рестораны. А потом вдруг подумала, что могу так никогда и не узнать, каково это — просто идти по улице.

Она замолчала.

Ашер некоторое время смотрел на неё, не перебивая.

Эрия почувствовала лёгкое смущение.

— Наверное, звучит глупо.

— Нет.

Он произнёс это неожиданно серьёзно.

Она подняла глаза.

— Правда?

— Желание увидеть что-нибудь собственными глазами трудно назвать глупым. Хотя я бы посоветовал в следующий раз выбрать маршрут с меньшим количеством острых веток.

Эрия рассмеялась.

На этот раз с настоящим облегчением.

— Обязательно.

Ашер взял бокал с водой.

— И всё же, насколько я понимаю, кто-то должен вас искать.

Улыбка Эрии постепенно исчезла.

Она опустила взгляд.

— Возможно.

— Родные?

— Люди, с которыми я жила.

— Вы хотите с ними связаться?

Эрия молчала.

Ашер не торопил её.

За окном медленно двигались облака, солнечный свет перемещался по столешнице, касаясь её руки.

Наконец она произнесла:

— Не сейчас.

Он кивнул.

— Понятно.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Вы не будете спрашивать почему?

— Вероятно, вы всё равно не ответите.

Эрия покраснела.

Ашер слегка улыбнулся.

— Видите? Я уже начинаю понимать некоторые особенности вашего характера.

Она опустила глаза, но удержаться от ответной улыбки не смогла.

— Они могут меня искать, — сказала она спустя некоторое время. — И я не очень хочу, чтобы меня нашли прямо сейчас.

Ашер посмотрел за окно.

— В таком городе?

Она проследила за его взглядом.

— Что?

— Эрия, вы видели, сколько здесь людей? Здесь иногда трудно найти человека, с которым договорился встретиться полчаса назад.

Он произнёс это с такой обыденной иронией, что она невольно рассмеялась.

— Правда?

— Поверьте, некоторые мои знакомые обладают выдающимся талантом исчезать именно тогда, когда особенно нужны.

Эрия улыбнулась.

Город за окном показался ей ещё больше.

Огромным, наполненным незнакомыми улицами, зданиями и людьми, среди которых можно было затеряться совершенно естественным образом.

Она почувствовала облегчение.

Хотя тут же подумала, что Варен вряд ли относится к числу людей, которым трудно кого-нибудь найти.

Но об этом предпочла не говорить.

* * *

После обеда Ашер налил себе кофе, а Эрии предложил чай. Она выбрала что-то с бергамотом и некоторое время с удовольствием вдыхала аромат горячего напитка.

Разговор мог бы на этом закончиться.

И, наверное, должен был.

Но оставался ещё один вопрос, который не давал ей покоя.

Эрия осторожно поставила чашку.

— Ашер?

Он поднял глаза.

— Да?

— Почему вы вообще согласились мне помочь?

Он посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Вас не устроил мой вчерашний ответ?

— Вы сказали, что у вас есть машина.

— Это по-прежнему соответствует действительности.

Она рассмеялась.

— Нет, я серьёзно.

Ашер откинулся на спинку кресла.

— Что ж. Иногда я совершаю благотворительные поступки. Очень редко, разумеется. Не хотелось бы испортить репутацию.

Эрия улыбнулась.

— А если серьёзно?

Он немного помолчал.

— Серьёзно? Мне показалось, что оставить вас там было бы довольно неприятным решением.

Она опустила глаза.

— Понятно.

— К тому же, признаюсь, ваша история показалась мне занимательной.

Эрия подняла голову.

— Занимательной?

— Разумеется. Обычно мои дни отличаются некоторым однообразием. Те же встречи, те же разговоры, те же люди, которые убеждены, что их трудности не терпят отлагательства. А тут совершенно неожиданно — девушка посреди леса, с весьма своеобразным отношением к путешествиям и поразительным нежеланием отвечать на вопросы.

Он сделал небольшой глоток кофе.

— Согласитесь, некоторое разнообразие.

Эрия посмотрела на него.

Потом улыбнулась.

— Значит, я вас развлекаю?

— Пока неплохо справляетесь.

Она рассмеялась.

Ашер тоже улыбнулся, но почти сразу стал серьёзнее.

— Однако, Эрия, есть одна вещь, которую нам всё-таки придётся обсудить.

Она насторожилась.

— Какая?

Он поставил чашку.

— Я не предполагал, что вчерашняя поездка обернётся появлением постоянной гостьи. И, как вы уже заметили, у меня довольно много собственных дел.

Эрия почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось.

Она слишком хорошо понимала, к чему он ведёт.

Разумеется.

Он помог ей.

Привёз домой.

Вызвал врачей.

Накормил, позволил выспаться, дал одежду.

Но это ведь не означало, что она теперь может жить здесь.

Она опустила взгляд на чашку.

— Я понимаю.

Ашер несколько мгновений наблюдал за ней.

— Хорошо.

Ей вдруг стало совершенно невыносимо представлять, что придётся уйти.

Не потому, что она боялась оказаться на улице. По крайней мере, теперь она находилась в городе, где были гостиницы, больницы и множество других мест, о которых Эрия читала.

Но у неё не было денег.

Не было документов при себе.

И почти не было представления о том, как самостоятельно устроить собственную жизнь.

Кроме того, нога ещё болела.

Она посмотрела на повязку.

Потом на Ашера.

В голове медленно возникла мысль.

Не слишком благородная.

Зато вполне разумная.

— Ашер?

— Да?

— Но я ведь ещё не могу нормально ходить.

Он опустил взгляд на её ногу.

— Сегодня утром вы сумели добраться до моего кабинета.

Эрия слегка покраснела.

— С трудом.

— Разумеется.

— И мне было больно.

Это, по крайней мере, соответствовало действительности.

Ашер некоторое время смотрел на неё, словно пытаясь понять, куда ведёт разговор.

Эрия осторожно продолжила:

— Врач ведь сказал, что мне нельзя перенапрягаться.

— Сказал.

— И что нужно наблюдать за раной.

— Тоже сказал.

Она подняла на него большие янтарные глаза.

— Тогда, наверное, правильнее будет подождать, пока она окончательно заживёт.

Ашер молчал.

Эрия почувствовала, как начинают гореть щёки.

Она прекрасно понимала, что делает.

Пользовалась его гостеприимством.

Причём совершенно сознательно.

Но если он согласится оставить её ещё хотя бы на пару дней, у неё появится время подумать.

Она сможет посмотреть город.

Попробовать понять, как устроена жизнь за пределами дома.

И, возможно, придумать, что делать дальше.

Ашер медленно провёл большим пальцем по краю чашки.

— Вы ведь понимаете, что вчера у вас была сквозная рана, а сегодня она почти закрылась?

Эрия кивнула.

— Да.

— При такой скорости восстановления моя благотворительная карьера рискует закончиться значительно раньше, чем вы рассчитываете.

Она не удержалась от улыбки.

— Но я всё ещё хромаю.

Он посмотрел на неё.

Она ответила совершенно серьёзным взглядом.

Несколько мгновений они молчали.

Потом Ашер рассмеялся.

— Вы удивительная девушка, Эрия.

Она смутилась.

— Почему?

— Потому что пытаетесь убедить меня в необходимости вашего длительного восстановления сразу после того, как продемонстрировали весьма необыкновенные способности к заживлению.

Эрия поняла, что её хитрость оказалась несколько прозрачнее, чем она надеялась.

— Я ведь не сказала, что собираюсь остаться навсегда.

— Это обнадёживает.

Она опустила глаза.

— Просто мне пока не хочется возвращаться.

Последние слова прозвучали тише.

Без улыбки.

Ашер перестал смеяться.

Он некоторое время смотрел на неё, затем неторопливо поставил чашку на стол.

— Настолько не хочется?

Эрия подняла голову.

Она могла бы снова рассказать про город.

Про книги.

Про то, как давно жила в одном месте.

Но всё это уже было сказано.

И почему-то ей не хотелось повторяться.

— Да, — ответила она.

Ашер молчал.

Эрия чувствовала себя неловко под его взглядом, но не отвела глаз.

Ей хотелось, чтобы он понял.

Не всю правду — к этому она пока не была готова.

Просто то, насколько сильно ей нужно ещё немного времени.

Наконец Ашер откинулся на спинку кресла.

— Сначала дождёмся повторного осмотра, — произнёс он. — Я хочу убедиться, что с вашей ногой действительно всё в порядке.

Эрия осторожно кивнула.

— Хорошо.

— А затем вернёмся к этому разговору.

Она немного помолчала.

— Значит, сегодня мне не нужно уходить?

Ашер посмотрел на неё так, словно вопрос показался ему совершенно излишним.

— Сегодня я определённо не собираюсь отправлять вас гулять по городу с незажившей стопой.

Эрия улыбнулась.

— Спасибо.

— Но давайте сразу договоримся: если вы снова решите куда-нибудь отправиться, хотя бы возьмите обувь, предназначенную для ходьбы.

Она рассмеялась.

— Обещаю.

Он поднялся, взял чашку и направился к кухонной столешнице.

Эрия ещё некоторое время сидела неподвижно.

Её уловка сработала.

Не совсем так, как она рассчитывала, — Ашер не предложил ей оставаться сколько захочется, не пообещал, что можно забыть о возвращении, и явно не собирался немедленно перестраивать свою жизнь ради неожиданной гостьи.

Но сегодня ей не нужно было уходить.

А завтра, возможно, удастся придумать что-нибудь ещё.

От этой мысли Эрия почувствовала лёгкий стыд.

Она не любила хитрить.

Во всяком случае, прежде ей редко приходилось делать это по-настоящему. С Гинтой можно было немного поторговаться из-за дополнительного кусочка пирога, с Аделем — попытаться выпросить лишние пять минут перерыва.

Но сейчас на кону стояло нечто несравнимо более важное.

Возможность ещё немного пожить так, как ей хочется.

Она осторожно провела ладонью по мягкому рукаву рубашки.

«Всего несколько дней».

А потом будет видно.

* * *

Во второй половине дня Ашер снова занимался своими делами.

На этот раз он не уезжал, но надолго скрылся в кабинете. Оттуда периодически доносился его голос — то спокойный и почти ленивый, то собранный, с короткими точными формулировками, которые Эрия не всегда могла разобрать.

Один раз он вышел в гостиную, держа телефон возле уха, взял со стола какой-то документ и снова исчез за дверью.

Эрия сидела на диване с книгой.

Она выбрала её из ближайшего шкафа, предварительно убедившись, что Ашер не возражает против чтения его библиотеки.

Он ответил, что не возражает, если она не собирается расставлять книги по цвету обложек.

Эрия совершенно серьёзно уточнила, почему именно по цвету.

После чего Ашер несколько секунд смотрел на неё, а затем рассмеялся и ушёл работать.

Теперь она читала.

Вернее, пыталась.

Временами внимание ускользало от страниц, и она поднимала глаза к огромным окнам.

Город продолжал жить.

По улицам двигались автомобили, менялись огни светофоров, на соседних крышах работали люди. Где-то далеко над зданиями медленно проплыл самолёт, оставив позади тонкую белую полосу.

Эрия провожала его взглядом, пока он не исчез.

Потом снова возвращалась к книге.

Ей было хорошо.

Ашер не находился рядом каждую минуту, не развлекал её беседой и не пытался придумывать занятия. Иногда она даже немного обижалась на это, хотя понимала всю нелепость подобного чувства.

В конце концов, они познакомились только вчера.

Он ничего ей не обещал.

Она не имела права требовать его внимания.

И всё же время от времени Эрия прислушивалась к голосу из кабинета.

Ей нравилось знать, что Ашер здесь.

Что за дверью существует другая жизнь — с разговорами, делами, решениями, неизвестными ей людьми.

И что она, пусть совершенно случайным образом, оказалась рядом с ней.

Эрия осторожно устроилась поудобнее, подтянула плед к подбородку и раскрыла книгу.

Нога почти не болела.

В животе было тепло после обеда.

Солнечный свет медленно скользил по страницам, оставляя на бумаге широкие золотистые полосы.

Вчера ей казалось, что самым прекрасным подарком станет возможность наконец оказаться среди людей.

Теперь она обнаружила, что иногда достаточно просто знать: никто не придёт и не скажет, что время закончилось.

Не нужно убирать книгу, потому что пора на занятия.

Не нужно готовиться к испытаниям.

Не нужно спрашивать разрешения, чтобы посмотреть в окно или провести целый день в кресле.

Она могла читать столько, сколько захочет.

Или не читать вовсе.

Эрия посмотрела на закрытую дверь кабинета.

Потом снова на город.

Ей ещё предстояло выйти на эти улицы, увидеть настоящие магазины, театры и кафе, попробовать все те вещи, которые прежде существовали только в её воображении.

Но сейчас она никуда не спешила.

Впервые за долгие годы завтрашний день не был заранее расписан за неё.

И если завтра окажется хотя бы немного похожим на сегодняшний день, Эрия решила, что будет совершенно счастлива.

Она улыбнулась собственным мыслям, перевернула страницу и устроилась глубже в мягком кресле.

Из кабинета донёсся короткий смешок Ашера.

Эрия невольно подняла голову.

Прислушалась.

Потом тоже улыбнулась — хотя не имела ни малейшего представления, что именно его рассмешило.

Глава 4. Голод

К концу второго утра Ашер обнаружил, что его гостья обладает удивительной способностью находить самые тёплые места в доме.

Вчера она устроилась в кресле возле окна, куда после полудня попадало солнце. Сегодня заняла дальний угол дивана, забравшись на него с ногами и подложив под щёку небольшую бархатную подушку. Когда солнечное пятно медленно переместилось по обивке, Эрия, почти не отрываясь от книги, перебралась вслед за ним.

Он некоторое время наблюдал за этим из дверей гостиной.

Девушка лежала на боку, слегка согнув колени. Тёмные волосы рассыпались по светлой ткани, одна рука поддерживала раскрытую книгу, а другая свободно свисала с края дивана. Время от времени она лениво потягивалась, вытягивая здоровую ногу, расправляя плечи и выгибая спину с совершенно бессознательной грацией.

Было в этих движениях что-то кошачье.

Не нарочитое изящество, которому обучаются перед зеркалом. Скорее естественная пластичность молодого дикого зверя, которому никогда не приходило в голову задумываться, красиво ли он выглядит.

Ашер поймал себя на том, что уже некоторое время стоит неподвижно.

Девушка перевернула страницу, лениво потянулась, вытянув руки над головой, и снова устроилась на боку. Солнечный свет скользнул по её волосам.

Она совершенно не замечала, что за ней наблюдают.

В её повадках было что-то удивительно естественное: она выбирала самое тёплое место, устраивалась там с полным удобством и, казалось, нисколько не сомневалась в своём праве на него.

Наконец Эрия услышала его шаги и подняла голову.

— Вы сегодня работаете?

— К сожалению.

— Даже в воскресенье?

— Особенно в воскресенье. По какой-то причине людям нравится совершать глупости именно тогда, когда я рассчитываю отдохнуть.

— А вы не можете им запретить?

— Иногда очень хочется.

Эрия рассмеялась.

Он уже собирался уйти, когда заметил, что она осторожно вытягивает повреждённую ногу, стараясь не задеть край дивана.

— Болит?

— Совсем немного.

— Тогда почему вы продолжаете ходить без костылей?

Она посмотрела на него с таким искренним удивлением, словно вопрос показался ей совершенно неожиданным.

— Но я ведь могу ходить.

Ашер некоторое время молчал.

— Боюсь, наши представления о медицинских рекомендациях несколько различаются.

— Я очень осторожна.

Он посмотрел на её ноги, потом на книгу, лежавшую возле самой дальней подушки.

— Конечно.

Эрия улыбнулась.

Ему пришлось признать, что спорить с ней было значительно сложнее, когда она смотрела на него подобным образом.

Не потому, что её доводы становились убедительнее.

Просто она умела придать совершенно очевидному непослушанию вид настолько искренней невинности, что оно невольно вызывало улыбку.

Ашер покачал головой и направился к кабинету.

Уже возле двери он услышал негромкий шорох.

Обернулся.

Эрия снова растянулась на диване, подставив лицо солнечному свету.

На этот раз она даже не притворялась, будто собирается последовать его совету и вернуться в постель.

Он усмехнулся.

И оставил её в покое.

* * *

Доктор Левин появился ещё через два дня.

К тому времени Эрия почти перестала хромать, хотя небольшая розовая отметина на стопе всё ещё напоминала о пережитом.

Врач долго рассматривал её ногу, осторожно проверял чувствительность, просил пошевелить пальцами и несколько раз сверялся с записями, сделанными при первом посещении.

— Признаюсь, такого я никогда не видел, — произнёс он наконец.

Ашер, стоявший у окна с чашкой кофе, обернулся.

— Мне начинать беспокоиться?

— Скорее радоваться. Восстановление идёт поразительно быстро. Ещё немного — и можно будет возвращаться к обычной активности.

Эрия невольно улыбнулась.

Ашер заметил её довольное выражение лица.

Но когда Левин добавил, что вскоре она сможет совершенно свободно ходить, улыбка девушки неожиданно померкла.

Всего на мгновение.

Она опустила глаза, а затем снова посмотрела на доктора.

Ашер обратил внимание на эту перемену.

Он уже замечал подобное раньше: стоило Эрии услышать вопрос, на который ей не хотелось отвечать, как её взгляд становился необыкновенно внимательным, а зрачки чуть сужались. Не всякий раз, не настолько заметно, чтобы это бросалось в глаза постороннему человеку. Но теперь он начал узнавать этот короткий настороженный взгляд.

На сей раз никто даже не задавал ей вопросов.

Ашер перевёл глаза на её почти зажившую стопу.

Любопытно.

Он ничего не сказал.

Когда врач уехал, Эрия ещё некоторое время оставалась возле окна, осторожно перенося вес с одной ноги на другую.

Теперь она была практически здорова.

А значит, разговор, которого Эрия старательно избегала, рано или поздно должен был состояться.

Ашер обещал вернуться к вопросу о её дальнейшем пребывании после повторного осмотра. Эрия прекрасно помнила его слова, хотя за последние дни нашла множество причин не задумываться о них слишком серьёзно.

Однако Ашер не спешил напоминать о своей договорённости.

И она тоже молчала.

В конце концов, если хозяин дома не возражает против присутствия гостьи, было бы довольно невежливо постоянно обращать его внимание на то, что он может попросить её уйти.

Эрия осталась чрезвычайно довольна этим рассуждением.

Она отправилась на кухню.

Ашер сидел возле окна с ноутбуком и чашкой чёрного кофе. Когда девушка появилась в дверях, он поднял глаза, скользнул взглядом по её ноге и снова посмотрел на экран.

— Поздравляю с почти чудесным исцелением.

— Спасибо.

— Надеюсь, вы не собираетесь праздновать его очередным путешествием по лесу.

— Нет, — с достоинством ответила Эрия. — На этот раз я выбрала более надёжный маршрут.

— От спальни до кухни?

— Именно.

— Разумный прогресс.

Она рассмеялась и устроилась на соседнем стуле.

На столе стоял небольшой чайник с горячей водой. Рядом лежали несколько пакетиков чая, банка мёда и тарелка с подрумяненными тостами.

Эрия потянулась к чайнику, но Ашер оказался быстрее. Не отрываясь от экрана, он придвинул к ней чистую чашку и налил воды.

— С жасмином или бергамотом?

— С жасмином, пожалуйста.

Он передал ей нужную коробку.

Их пальцы соприкоснулись.

Совсем ненадолго.

Эрия почувствовала тепло его руки, лёгкое давление большого пальца возле собственного запястья — и вдруг заметила знакомую сладость на языке.

Не такую отчётливую, как в ванной, когда он впервые увидел её чистой и переодетой. Теперь это было скорее обещание вкуса, слабый отголосок чего-то тёплого и терпкого.

Она немедленно убрала руку.

Ашер поднял глаза.

— Обожглись?

— Нет.

Эрия поспешно взяла чашку за ручку.

— Всё хорошо.

Он посмотрел на неё ещё мгновение, потом вернулся к ноутбуку.

Ничего особенного не произошло.

Она это понимала.

Но некоторое время не решалась поднять глаза от чая.

* * *

За эти дни Эрия обнаружила, что у Ашера не было никакого понятного ей распорядка.

Он мог завтракать в половине восьмого, а мог появиться на кухне ближе к полудню. Иногда надолго запирался в кабинете, иногда уезжал почти сразу после утреннего кофе. В один из вечеров вернулся настолько поздно, что Эрия успела закончить книгу, сыграть несколько произведений и дважды поужинать, прежде чем услышала щелчок входного замка.

При этом он никогда не объяснял, чем именно собирается заниматься, если она не спрашивала.

И, что было ещё необычнее, не требовал никаких объяснений от неё.

В первый день Эрия попыталась узнать, во сколько ей следует завтракать.

— Когда проголодаетесь, — ответил Ашер.

Она немного подумала.

— А если вы будете завтракать позже?

— Тогда у нас получится два завтрака.

— Но разве не принято есть вместе?

Он поднял глаза от телефона.

— Иногда принято.

— А у вас?

— У меня, боюсь, почти ничего не принято.

Эрия рассмеялась, решив, что это очередная шутка.

Однако вскоре выяснилось, что он совершенно серьёзен.

Она могла проспать до одиннадцати, а могла проснуться на рассвете. Могла провести утро за роялем, потом неожиданно увлечься книгой и забыть об обеде. Однажды она решила приготовить себе омлет, обнаружила в холодильнике несколько незнакомых сортов сыра и потратила почти час, пробуя сочетать их с различными травами.

Получилось не слишком красиво.

Зато очень вкусно.

Когда Ашер вернулся, Эрия с некоторой гордостью показала ему результат.

Он осмотрел тарелку.

— Полагаю, омлет пережил непростое утро.

— Это эксперимент.

— Вижу. Надеюсь, научное сообщество уже предупреждено.

Она возмущённо фыркнула и заставила его попробовать.

Он отрезал небольшой кусочек, задумчиво прожевал, затем взял ещё.

Эрия просияла.

— Ну?

— К сожалению, вынужден признать, что внешность оказалась обманчива.

— То есть вкусно?

— Не хотел бы так поспешно присваивать вашему исследованию высшую оценку.

Она рассмеялась и подтолкнула к нему тарелку.

Он съел почти половину.

И почему-то именно это запомнилось ей сильнее любой похвалы.

Ашер не восхищался ею по обязанности, не считал необходимым поощрять каждое её занятие. Иногда он спорил, иногда смеялся, иногда совершенно спокойно говорил, что ему что-то не нравится.

Но если нравилось — это тоже было видно.

Эрия постепенно начинала различать оттенки его насмешек. Те, которыми он действительно выражал неудовольствие, были короче и суше. Другие, напротив, словно приглашали её возразить.

И она с удовольствием возражала.

* * *

К вечеру четвёртого дня нога уже почти не напоминала о себе.

Эрия обнаружила это, когда, забыв об осторожности, быстро пересекла гостиную, чтобы взять книгу с верхней полки.

Она остановилась посреди комнаты, удивлённо посмотрела на собственные ступни, несколько раз перенесла вес с одной ноги на другую и убедилась, что боль практически исчезла.

Тонкая розоватая отметина оставалась единственным видимым напоминанием о ветке.

Девушка провела по ней пальцем.

Теперь она была здорова.

Совсем.

Эрия знала, что должна бы обрадоваться безоговорочно. Она и радовалась — возможности свободно двигаться, больше не спать с ногой на подушке, не испытывать неприятного натяжения при каждом шаге.

Но вместе с облегчением возникло другое чувство.

Небольшая, неприятная тревога.

Теперь он может снова спросить, когда я собираюсь уходить.

Она посмотрела в сторону кабинета.

Дверь была закрыта. За ней негромко звучал голос Ашера, который уже почти час разговаривал с кем-то по телефону.

Эрия постояла несколько мгновений.

Потом вернулась к книжному шкафу.

Разговор о её отъезде можно было начать вечером.

Или завтра.

Ашер ведь тоже пока ничего не спрашивал.

Значит, спешить было совершенно необязательно.

Она выбрала книгу и устроилась в кресле возле окна.

Однако читать долго не получилось.

Через некоторое время дверь кабинета открылась, и Ашер вышел в гостиную.

— Вы сегодня необыкновенно тихая.

Эрия подняла голову.

— Я читаю.

— Это я заметил. Обычно процесс сопровождается несколько большим количеством вопросов.

Она улыбнулась.

— Я решила вас не отвлекать.

— Благородное намерение. Боюсь, несколько запоздалое.

Он подошёл к креслу и взглянул на обложку.

— Что у вас?

Эрия показала книгу.

Это был роман, действие которого разворачивалось в старом приморском городе. Она нашла его среди нескольких изданий на языке, который изучала ещё в лесном доме, и теперь с удовольствием разбирала непривычные обороты.

Ашер перевернул книгу, посмотрел на автора.

— Дочитали до середины?

— Почти.

— И как вам главный герой?

Эрия задумалась.

— Он мне не нравится.

— Уже интересно. Почему?

— Он всё время принимает решения за других людей, а потом объясняет, что делал это ради их благополучия.

Ашер чуть усмехнулся.

— Возможно, он действительно лучше понимает обстоятельства.

— Возможно. Но ведь это не значит, что остальные не имеют права ошибаться самостоятельно.

Он посмотрел на неё.

Эрия почувствовала необходимость объяснить.

— Я понимаю, что иногда кто-нибудь знает больше. И может предупредить об опасности. Но если человек всё равно хочет попробовать, разве можно всю жизнь запрещать ему только потому, что он способен совершить ошибку?

Ашер некоторое время молчал.

Потом указал на книгу.

— К концу романа ваше мнение о нём может измениться.

— Не думаю.

— Какая уверенность.

— Я уже достаточно прочитала.

Он сел на широкий подлокотник кресла.

Это получилось настолько естественно, что Эрия не сразу заметила, как близко он оказался.

Его плечо находилось почти возле её головы, а рука опиралась на спинку.

— Уверен, автор был бы польщён, узнав, что вы вынесли ему приговор до последней страницы.

— Я могу изменить мнение, если он даст мне основания.

— Великодушно с вашей стороны.

Эрия рассмеялась.

Ашер наклонился, чтобы посмотреть на разворот.

Она ощутила его близость прежде, чем повернула голову.

Тёплый запах рубашки, лёгкая древесная горечь, едва уловимый аромат кофе. Его рука находилась так близко, что стоило немного пошевелиться, и её волосы коснулись бы его запястья.

Эрия невольно замерла.

Ашер провёл пальцем вдоль строчки.

— Вот здесь, кстати, перевод неоднозначный. В оригинале он говорит не совсем это.

Она повернула книгу.

— Правда? А как правильно?

Он наклонился ещё немного.

И на языке снова возник вкус.

Короткий.

Мягкий.

Сладкий с той странной терпкостью, которая прежде не встречалась ей во время кормлений.

Эрия непроизвольно вдохнула.

Её тело немедленно отозвалось на знакомую энергию — не голодом даже, а осторожным, почти любопытным движением навстречу.

Она остановила себя.

Сосредоточилась на буквах.

На гладкой бумаге.

На его пальце, всё ещё указывавшем нужную строчку.

— Эрия?

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы меня слушаете?

— Конечно.

Ашер приподнял бровь.

— Тогда что я сказал?

Она открыла рот.

И поняла, что не помнит ни слова.

Он рассмеялся.

— Превосходно. Я мог бы сейчас признаться вам в любом количестве ужасных преступлений, а вы бы даже не заметили.

— Неправда!

— Докажите.

Эрия смутилась.

— Повторите, пожалуйста.

Он покачал головой, всё ещё улыбаясь, но повторил.

На этот раз она слушала очень внимательно.

Правда, для этого пришлось немного отодвинуться.

* * *

Позднее, когда Ашер ушёл к себе, Эрия ещё долго сидела с раскрытой книгой.

Она не понимала, что именно происходит.

С его желанием всё было одновременно просто и удивительно сложно.

Энергия, которой питалась её суккубья природа, всегда имела множество оттенков. Желание Анны, например, было живым, порывистым, иногда окрашенным весёлым предвкушением. Питер отдавал его спокойнее, с той глубокой, почти размеренной теплотой, которая со временем стала для Эрии привычной.

Во время кормления она сосредотачивалась, осторожно тянулась к энергии сквозь серебристую перегородку и получала ровно столько, сколько было необходимо.

Никакой неловкости.

Никаких сомнений.

Всё происходило с согласия донора, в знакомых условиях, под наблюдением, с заранее определёнными границами.

С Ашером не было ничего подобного.

Он даже не знал, что она способна ощущать его желание.

Эрия была почти уверена, что он вообще не знает о существовании суккубов.

А между тем иногда, стоило ему оказаться достаточно близко, она чувствовала ту самую сладость.

Не постоянно.

И не при каждом прикосновении.

Порой он мог сидеть рядом целый вечер, спорить с ней о книгах, передавать чашку или поправлять подушку, и ничего не происходило.

А иногда достаточно было одного взгляда, случайной близости или чуть задержавшейся руки, чтобы на кончике языка возникало то странное терпкое послевкусие.

Эрия не пыталась пить.

После первого непроизвольного глотка в ванной она научилась вовремя останавливать себя. Теперь, едва почувствовав знакомый отклик, девушка мысленно закрывалась, не позволяя энергии приблизиться.

Так было правильно.

Нельзя брать у человека то, чего он не предлагал.

Тем более у Ашера.

Он и без того сделал для неё слишком много.

Но с каждым днём воздерживаться становилось немного труднее.

Она не получала полноценного питания с тех пор, как покинула лесной дом. Три дня в лесу, истощение и стремительное восстановление повреждённой стопы потребовали огромных сил.

Обычная еда прекрасно утоляла голод в животе.

Но другой голод постепенно возвращался.

Пока ещё терпимый.

Слабый, почти ненавязчивый.

Иногда он напоминал о себе лёгкой пустотой под рёбрами, иногда — странной рассеянностью, иногда желанием задержать вдох, когда рядом появлялся Ашер.

Эрия знала, что рано или поздно придётся что-нибудь придумать.

Но пока предпочитала думать об этом позже.

* * *

В один из вечеров Ашер вернулся значительно раньше обычного.

Эрия играла на рояле.

Она выбрала произведение, которое разбирала уже несколько дней, и теперь пыталась добиться от одной особенно трудной последовательности именно того звучания, которое слышала в голове.

Правая рука постоянно опережала левую.

Эрия остановилась, недовольно нахмурилась и начала сначала.

На этот раз всё получилось гораздо лучше.

Она настолько увлеклась, что не заметила открывшейся входной двери.

И только когда последние ноты растаяли в комнате, услышала за спиной:

— Полагаю, композитор наконец-то может спать спокойно.

Эрия резко обернулась.

Ашер стоял у прохода, небрежно держа пиджак в одной руке.

— Давно вы здесь?

— Достаточно, чтобы оценить последние три попытки.

Она возмущённо посмотрела на него.

— Вы могли бы предупредить!

— И лишить себя удовольствия наблюдать, как вы сердитесь на совершенно невиновный инструмент?

Эрия рассмеялась.

— Он не невиновный.

— Вот как?

— У него слишком тяжёлые клавиши в нижнем регистре.

Ашер подошёл ближе.

— Бедняга. Возможно, ему стоит принести вам письменные извинения.

Она снова засмеялась и подвинулась на банкетке.

— Тогда попробуйте сами.

Он посмотрел на клавиши.

— Вы уверены?

— Совершенно.

— Учтите, я могу оказаться ужасно самодовольным.

— Вы и так самодовольный.

Ашер рассмеялся.

На этот раз по-настоящему, запрокинув голову.

И Эрия испытала почти детское удовлетворение оттого, что сумела его рассмешить.

Он положил пиджак на стоявшее неподалёку кресло и сел рядом.

Банкетка оказалась достаточно широкой для двоих, но Эрия всё равно почувствовала, как её бедро слегка коснулось его ноги.

Она немедленно выпрямилась.

Ашер, кажется, не придал этому никакого значения.

Эрия чуть подвинулась, уступая ему место, но почти сразу увлеклась нотами и перестала обращать внимание на тесноту.

Ашер заметил, как свободно она обращается с собственным телом. Она могла сидеть совершенно неподвижно, поглощённая музыкой, а затем вдруг повернуться к нему всем корпусом, быстро, плавно, без малейшей скованности. Когда что-то не получалось, Эрия слегка склоняла голову набок и смотрела на клавиши с таким сосредоточенным недовольством, что ему хотелось рассмеяться.

Её выразительность была удивительно непосредственной.

Она ещё не успела научиться скрывать все свои реакции — хотя некоторые, судя по всему, уже очень старалась.

Он несколько мгновений рассматривал ноты, затем положил руки на клавиши.

Эрия наблюдала за его пальцами.

У него были красивые руки — длинные, сильные, с аккуратными ногтями и едва заметными венами на тыльной стороне ладоней. Он не разминал их, не проверял положение, как делала она сама перед сложными пассажами. Просто начал играть.

И комната наполнилась музыкой.

Эрия сразу заметила разницу.

Она привыкла разучивать произведения тщательно, почти математически выстраивая последовательности, разбирая ошибки и добиваясь нужной точности. Ашер играл свободнее. Иногда слегка менял темп, задерживал окончание фразы, позволял мелодии звучать чуть лениво, чем следовало по нотам.

Но от этого музыка словно оживала.

Она некоторое время слушала, совершенно забыв о необходимости дышать.

Когда он закончил, Эрия повернулась к нему.

— Это было прекрасно.

Ашер склонил голову.

— Какая неожиданно щедрая оценка.

— Нет, правда! Вы немного изменили вторую часть.

— Незначительно.

— А почему?

Он посмотрел на ноты.

— Мне так больше нравится.

Эрия приподняла бровь.

— Разве можно менять написанное композитором просто потому, что вам больше нравится?

Ашер взглянул на неё с явным удовольствием.

— Эрия, вы только что полчаса спорили с этим же композитором из-за неудобных клавиш.

Она растерялась.

Потом рассмеялась.

— Это другое.

— Разумеется.

Он снова положил руки на клавиши.

— Попробуем вместе?

Эрия просияла.

— Да!

Он показал ей небольшую последовательность, предложил сыграть одну часть, затем другую. Несколько раз они начинали заново, спорили о темпе, смеялись над неудачными переходами. Эрия постепенно перестала стесняться его близости и полностью увлеклась музыкой.

Ашер иногда наклонялся к ней, указывая нужный такт. Один раз осторожно коснулся её запястья, показывая, как свободнее перенести руку.

Прикосновение было лёгким.

Почти незначительным.

Но Эрия почувствовала его даже после того, как он убрал пальцы.

Позднее он протянул руку через её плечо, чтобы перевернуть страницу.

На мгновение его грудь оказалась совсем близко к её спине.

Эрия застыла.

Медовая сладость коснулась языка.

Гуще, чем прежде.

С той же незнакомой терпкой нотой, от которой хотелось закрыть глаза и сосредоточиться только на ощущении.

Она сжала пальцы на коленях.

Не надо.

Ашер перевернул страницу и вернулся на своё место.

— Продолжим?

Эрия повернулась к нему.

Его лицо было совершенно спокойным.

Лишь в уголках губ сохранялась слабая улыбка.

— Да, — ответила она.

И постаралась больше не думать о том, насколько близко он сидит.

* * *

С тех пор Эрия стала внимательнее относиться к его возвращениям.

Сначала она не замечала этого.

Просто иногда, услышав звук лифта, поднимала голову от книги. Иногда прислушивалась, когда за дверью раздавались шаги.

Потом обнаружила, что безошибочно узнаёт звук открывающегося замка.

И что ей становится немного досадно, если из коридора не доносится знакомый голос.

Она даже начала замечать время.

Не потому, что Ашер обещал возвращаться к определённому часу. Он ничего подобного не обещал.

Но Эрия быстро запомнила, когда он обычно бывает дома, и теперь невольно сравнивала его появления с собственными ожиданиями.

В один из вечеров она сидела на диване с книгой, которая ещё утром казалась чрезвычайно интересной.

На часах было почти десять.

Ашера всё не было.

Эрия перевернула страницу.

Прочитала несколько строк.

Потом обнаружила, что совершенно не помнит их содержания.

Она вздохнула, закрыла книгу и посмотрела в окно.

Город сиял тысячами огней.

Где-то там находился Ашер.

Возможно, ужинал с друзьями.

Или разговаривал с деловыми партнёрами.

Или ехал в машине, слушая ту красивую музыку, которая играла в вечер их знакомства.

Эрия задумалась.

У него ведь наверняка были друзья.

Знакомые.

Люди, которых он любил видеть.

Женщины тоже, наверное, были.

Эта мысль возникла неожиданно.

Она не знала, почему вообще подумала об этом, но почему-то задержалась на ней дольше, чем собиралась.

Ашер был красивым мужчиной.

Очень красивым.

И богатым, судя по квартире, автомобилю и одежде. Умным, образованным, умеющим разговаривать почти обо всём на свете.

Конечно, у него должны были быть женщины.

Возможно, даже какая-нибудь особенная.

Эрия нахмурилась.

Она представила незнакомку, сидящую на том самом диване, где сейчас устроилась сама. Красивую, взрослую, уверенную женщину, которая привычно берёт Ашера под руку, смеётся над его шутками и целует его при встрече.

Картина получилась настолько отчётливой, что Эрия почувствовала лёгкое раздражение.

Она немедленно рассердилась на себя.

Какая глупость.

Ашер имеет полное право встречаться с кем захочет.

И вообще делать всё, что пожелает.

Она ведь почти ничего о нём не знает.

Эрия снова раскрыла книгу.

И именно в этот момент услышала знакомый звук замка.

Она подняла голову раньше, чем успела остановить себя.

Через несколько секунд в гостиной появился Ашер.

Он выглядел усталым. Рубашка была расстёгнута у горла на одну пуговицу, волосы слегка растрепались, а пиджак висел у него на плече.

Эрия подняла голову так быстро, что несколько каштановых прядей соскользнули ей на лицо.

Ашер заметил её улыбку.

Она возникла прежде, чем он успел произнести хоть слово, — открытая, радостная, словно его возвращение было самым приятным событием вечера.

Странное чувство.

Он привык, что дома его ждут удобство, тишина и отсутствие каких-либо обязательств перед окружающими. Именно за это и ценил возможность закрыть дверь за собой.

А теперь посреди гостиной сидела девушка в его одежде, с книгой на коленях, и смотрела на него так, словно он привёз с собой нечто замечательное.

Ашер неожиданно улыбнулся.

— Вы ещё не спите?

Она улыбнулась.

— Читаю.

Он посмотрел на закрытую книгу в её руках.

— Необычная методика.

Эрия опустила глаза.

И обнаружила, что действительно держит книгу закрытой.

— Я задумалась.

— Надеюсь, о чём-нибудь приятном.

— Не уверена.

Ашер негромко рассмеялся.

Он подошёл к дивану, положил рядом с ней небольшой бумажный пакет.

— Тогда, возможно, это улучшит положение.

Эрия посмотрела на пакет.

— Что там?

— Откройте.

Внутри находилась маленькая коробка.

А в ней — два пирожных.

Одно было покрыто тонким слоем тёмного шоколада, другое украшено нежным кремом и несколькими свежими ягодами.

Эрия подняла на Ашера восхищённый взгляд.

— Это мне?

— Боюсь, да.

— Вы купили их специально?

Он усмехнулся.

— Проезжал мимо кондитерской. Вспомнил, что вы способны рассматривать десерты с серьёзностью искусствоведа.

Она рассмеялась.

— Спасибо!

Ашер направился к кухне.

— Только не говорите, что собираетесь съесть оба немедленно.

Эрия посмотрела на пирожные.

Потом в его сторону.

— А почему нет?

— Справедливый вопрос.

Он вернулся с двумя небольшими тарелками и вилками.

И Эрия почувствовала необъяснимую радость, когда он сел рядом.

Не напротив.

Не в кресле у окна.

А прямо на диване, оставив между ними совсем небольшое расстояние.

Они ели пирожные и разговаривали о совершенно незначительных вещах.

Ашер рассказал, что один из его знакомых умудрился перепутать дату важного мероприятия и приехал на него на сутки раньше. Эрия хохотала, представляя человека, который в одиночестве появляется в торжественно украшенном пустом зале.

Потом она рассказала о книге, которую читала, и спросила, действительно ли автор мог настолько ошибиться в описании одного исторического события.

Ашер предположил, что автору просто понравилась собственная версия.

Она возмутилась.

Он пожал плечами.

— Художественная литература, Эрия. Иногда её создатели позволяют себе непростительную вольность не следовать учебнику.

Она собиралась возразить, когда заметила, что на краю его губ осталась крошечная капля шоколада.

Эрия указала пальцем.

— У вас здесь…

Ашер посмотрел на неё.

— Где?

— Вот тут.

Он попытался стереть шоколад большим пальцем, но промахнулся.

Эрия рассмеялась.

— Нет, левее.

— Начинаю подозревать, что вы просто развлекаетесь.

— Немного.

Она протянула ему салфетку.

Ашер взял её, но прежде, чем убрать руку, на мгновение коснулся кончиками пальцев её ладони.

Эрия почувствовала знакомую сладость.

И в этот раз желание потянуться навстречу оказалось значительно сильнее.

Она почти ощущала невидимую близость энергии.

Стоило только позволить себе.

Совсем немного.

Едва заметный глоток.

Никто бы даже не понял, что произошло.

Эрия поспешно убрала руку и взяла чашку с чаем.

— Вы замёрзли? — спросил Ашер.

Она удивлённо посмотрела на него.

— Нет.

— У вас руки холодные.

Эрия обхватила чашку обеими ладонями.

— Наверное, просто долго сидела у окна.

Он взглянул на неё, затем снял с подлокотника плед и небрежно положил ей на колени.

— Вот.

Эрия посмотрела на мягкую ткань.

— Спасибо.

Ашер уже отвернулся, чтобы забрать свою тарелку.

И ей вдруг стало так тепло от этого простого жеста, что захотелось улыбаться совершенно без причины.

* * *

На следующий день она проснулась раньше обычного.

За окном шёл дождь.

Крупные капли медленно стекали по стеклу, и город за ними казался размытым, словно нарисованным акварелью. Далёкие здания почти растворились в сероватой дымке, а улицы приобрели глубокий влажный блеск.

Эрия долго лежала, слушая ровный шум.

Ей нравился дождь.

В лесном доме она любила сидеть возле окна с книгой, пока по крыше стучали капли, а Гинта готовила что-нибудь горячее на кухне.

Но теперь дождь звучал по-другому.

За ним скрывались городские шумы: приглушённое движение машин, далёкий гул улиц, иногда — короткий сигнал автомобиля.

Эрия потянулась.

Потом вспомнила вчерашний вечер.

Ашер вернулся поздно.

Принёс ей пирожные.

Сидел рядом.

Смеялся.

Накрыл пледом, когда заметил её холодные руки.

Она улыбнулась в подушку.

И почти сразу вспомнила другое.

Тот терпкий вкус.

Короткий, настойчивый.

Она уже несколько дней пыталась не думать о нём слишком много, но получалось всё хуже.

Эрия знала, что происходит.

Не во всех подробностях, но достаточно хорошо.

Её запас энергии постепенно истощался.

Раньше подобные состояния почти не успевали проявиться. Адель тщательно следил за её кормлениями, а если восстановление после очередного занятия требовало дополнительных сил, сеанс с Анной или Питером назначался раньше обычного.

Теперь расписания не было.

Анны не было.

Питера тоже.

Ашер, разумеется, не мог даже предполагать, что ей необходимо особенное питание.

Эрия села на кровати.

Как вообще объяснить подобное незнакомому человеку?

Здравствуйте, Ашер. Вы очень добры ко мне, поэтому я хотела бы попросить вас поделиться своим желанием.

Она представила выражение его лица.

И немедленно спрятала лицо в ладонях.

Невозможно.

Совершенно невозможно.

Он наверняка рассмеётся.

Или решит, что она пытается его соблазнить.

Последняя мысль заставила её покраснеть ещё сильнее.

Она опустила руки.

Посмотрела в окно.

Потом осторожно провела кончиком языка по губам, словно надеясь вновь уловить остаток вчерашнего вкуса.

Ничего.

Только слабая сладость чая, который она пила перед сном.

Эрия разочарованно вздохнула.

И рассердилась на себя.

Ей ведь нравился Ашер не из-за этого.

Она любила разговаривать с ним, слушать его смех, наблюдать, как он играет на рояле или листает книги. Ей нравилось его присутствие, даже когда они почти не общались.

Она могла часами заниматься собственными делами, зная, что он находится где-то рядом.

И всё же иногда её природа вмешивалась в эти простые радости, добавляя к ним что-то совершенно новое.

Что-то, с чем она пока не умела обращаться.

* * *

К полудню дождь прекратился.

Ашер появился на кухне ближе к двенадцати, без привычного пиджака, в тёмной рубашке с закатанными рукавами.

Эрия сидела за столом с книгой и чашкой чая.

Он подошёл к кофемашине.

— Доброе утро.

Она подняла голову.

— Уже день.

— Тем более приятно, что вы не стали меня будить.

Эрия улыбнулась.

— Вы сегодня не работаете?

— Сегодня я намерен совершить почти невозможное.

— Что именно?

— Не открывать рабочую почту хотя бы несколько часов.

Она рассмеялась.

Ашер налил кофе, сделал глоток и посмотрел на неё.

— Как ваша нога?

— Совсем зажила.

— Я начинаю опасаться, что теперь вы способны бегать быстрее меня.

Эрия улыбнулась.

— Возможно.

Он посмотрел на её босые ступни.

— Тогда одна просьба: не проверяйте эту гипотезу в коридоре.

— Не буду.

Она собиралась вернуться к книге, когда Ашер поставил чашку на стол.

— Кстати, Эрия.

Она подняла глаза.

— Да?

— Завтра у меня свободный день.

Она внимательно посмотрела на него.

— Совсем?

— Постараюсь.

— И что вы будете делать?

Ашер на мгновение задумался.

— Учитывая последние события, вероятно, займусь благотворительностью.

Эрия рассмеялась.

— Опять?

— Боюсь, эта привычка становится опасной.

Он прислонился бедром к краю столешницы.

— Как вы смотрите на то, чтобы наконец выбраться в город?

Эрия замерла.

Книга медленно опустилась на стол.

— В город?

— Да. В тот самый, который вы так отчаянно хотели увидеть, что отправились к нему пешком через лес.

Она смотрела на него.

Ашер приподнял бровь.

— Что? Уже передумали?

— Нет!

Ответ прозвучал слишком громко.

Эрия смутилась и поспешно добавила:

— Нет, конечно. Я очень хочу!

Он улыбнулся.

— Тогда договорились. Завтра после завтрака.

Она просияла.

— Правда?

— Эрия, если вы ещё раз спросите, правда ли я предлагаю то, что только что предложил, мне придётся начать выдавать вам письменные подтверждения.

Она рассмеялась.

И, не удержавшись, поднялась со стула.

Ей ужасно захотелось обнять его.

Совершенно внезапно.

Просто подойти, обхватить руками и поблагодарить за то, что он собирается показать ей город.

Но Ашер стоял совсем близко.

И она вспомнила медовый вкус.

Эрия остановилась.

Он заметил её движение.

— Что такое?

Она покачала головой.

— Ничего.

Потом всё-таки улыбнулась.

— Просто я очень рада.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

Затем чуть наклонился и убрал с её плеча тонкую каштановую прядь, зацепившуюся за ворот рубашки.

Прикосновение было лёгким, почти невесомым.

— Тогда постарайтесь сегодня отдохнуть, — произнёс он. — Подозреваю, завтра вы захотите увидеть всё сразу.

Эрия рассмеялась.

— Постараюсь.

Он забрал чашку и направился к кабинету.

А она осталась стоять возле стола, чувствуя на плече едва заметное воспоминание о его пальцах.

На языке снова появилась сладость.

На этот раз настолько слабая, что её легко можно было принять за воображение.

Эрия закрыла глаза.

Нет.

Она не позволила себе потянуться к ней.

Даже на мгновение.

Когда ощущение исчезло, девушка осторожно выдохнула.

Завтра они отправятся в город.

Она увидит настоящие улицы, магазины, кафе, людей. Возможно, побывает в книжном магазине или попробует то мороженое, о котором читала в одном из журналов.

Ей хотелось всего этого с невероятной силой.

Но где-то за радостью уже скрывалась другая мысль.

Запас энергии становился всё меньше.

Пока Эрия прекрасно справлялась.

Ей хватало сил на чтение, музыку, прогулки по квартире и долгие разговоры с Ашером.

Однако она слишком хорошо знала собственную природу, чтобы не замечать происходящего.

Рано или поздно ей придётся решить, что делать с голодом.

И, возможно, впервые в жизни попросить о том, о чём прежде никогда не приходилось просить.

Эрия посмотрела в сторону кабинета, за дверью которого уже слышался голос Ашера.

Она очень надеялась, что это случится не завтра.

Потому что завтра ей хотелось думать только о городе.

И о том, что Ашер собирается показать его именно ей.

* * *

Утро началось с двух бумажных пакетов, которые Эрия обнаружила на кресле возле своей кровати.

В одном лежали светлые брюки, тонкая трикотажная кофта и короткий жакет из мягкой ткани. В другом — пара белых кожаных кед, настолько новых, что от них ещё исходил приятный запах кожи.

Эрия с любопытством достала один кед, повертела в руках, заглянула внутрь.

Размер почти совпадал с её собственным.

Она некоторое время рассматривала всё это, сидя на кровати, потом вдруг улыбнулась.

Ашер, очевидно, не собирался вести её в город в собственных рубашках.

Одежда оказалась удобной. Брюки мягко облегали бёдра и свободно спускались к щиколоткам, кофта была достаточно тонкой, чтобы не мешать движениям. Эрия долго возилась с волосами, то собирая их на затылке, то снова распуская. В конце концов оставила свободными, убрав передние пряди серебряной заколкой Гинты.

Когда она вышла на кухню, Ашер уже завтракал.

Он сидел у окна с чашкой кофе и просматривал что-то в телефоне. На нём были тёмные брюки и светлая рубашка, расстёгнутая у горла. Без пиджака, без часов, которые Эрия привыкла замечать на его запястье.

При её появлении он поднял глаза.

На мгновение задержал взгляд.

— Доброе утро.

— Доброе!

Эрия остановилась перед ним и немного развела руки.

— Это вы мне купили?

— К сожалению, подозреваемых немного.

Она рассмеялась.

— Спасибо. Всё подошло.

— Даже обувь?

— Почти идеально.

Ашер посмотрел вниз.

— Отлично. Надеюсь, на этот раз мы обойдёмся без трагедий с участием веток.

Эрия фыркнула и села напротив.

На столе стояла корзинка с выпечкой, небольшая тарелка с фруктами и чайник. Она взяла круассан, разломила его пополам и обнаружила внутри тонкую прослойку миндального крема.

— А мы действительно сегодня поедем? — спросила она.

Ашер взглянул на часы.

— При условии, что вы закончите завтрак.

Эрия немедленно откусила большой кусок.

Он рассмеялся.

— Я не устанавливал нормативов по скорости.

Она прожевала, улыбаясь.

— Я просто очень хочу.

— Это я заметил ещё вчера.

Он отложил телефон экраном вниз.

И Эрия обратила на это внимание.

За все предыдущие дни она привыкла к тому, что телефон находился рядом с ним почти постоянно. Даже когда Ашер не разговаривал, на экране появлялись сообщения, а иногда он отвечал на них посреди совершенно другого занятия.

Теперь он убрал его.

И больше не смотрел.

Эрия вдруг почувствовала себя необыкновенно важной.

Сегодня он никуда не спешил.

И собирался провести день с ней.

* * *

Город встретил их солнцем.

Ночью прошёл дождь, и теперь широкие улицы блестели, словно их только что вымыли. На тёмном асфальте ещё сохранялись неглубокие лужи, в которых отражались высокие фасады, деревья и яркое голубое небо. Воздух был прохладным, свежим, с запахом мокрого камня, кофе и чего-то сладкого, доносившегося из открытых дверей пекарни.

Эрия вышла из автомобиля и остановилась.

Вокруг двигались люди.

Не маленькие фигурки за стеклом, не участники телепередачи, не персонажи фотографий.

Настоящие люди.

Мужчина в длинном пальто разговаривал по телефону, придерживая локтем бумажный стаканчик. Женщина с ярко-красным зонтом спешила через дорогу, хотя дождь уже закончился. Возле цветочного магазина пожилой продавец расставлял ведра с белыми и розовыми розами, а неподалёку двое молодых людей смеялись над чем-то, склонившись над экраном телефона.

Мимо проехал велосипедист.

Эрия проводила его взглядом.

Потом посмотрела на вывески, на высокие окна, на трамвай, который медленно пересекал перекрёсток.

Она не знала, куда смотреть сначала.

Ашер обошёл автомобиль.

— Ну что?

Эрия повернулась к нему.

— Здесь так красиво!

Он оглядел улицу.

— Приятно узнать, что выбор парковки оказался настолько удачным.

Она засмеялась.

Ашер закрыл машину и направился вдоль тротуара.

Эрия поспешила следом.

Первые несколько минут она почти не разговаривала. Впитывала в себя всё: гул голосов, шелест шин, звон посуды за открытой дверью кафе, аромат свежего хлеба, движение ветра между домами.

Ей хотелось трогать стены.

Заходить в каждый магазин.

Смотреть на каждое лицо.

Однажды она остановилась возле витрины, где были выставлены разноцветные керамические чашки, и так увлеклась, что не заметила, как Ашер ушёл на несколько шагов вперёд.

Он обернулся.

Эрия стояла перед стеклом, чуть склонив голову набок. Солнечный свет ложился на её волосы, серебряная заколка поблёскивала у виска.

— Эрия?

Она повернулась.

— Посмотрите!

Ашер вернулся.

— Что именно?

— Вот эту.

Она показала на небольшую чашку тёмно-синего цвета, украшенную тонкими золотистыми звёздами.

— Красивая, правда?

Он посмотрел на чашку.

— Весьма.

— И рядом тоже.

— Эрия, здесь приблизительно сорок чашек.

— Я знаю.

— Подозреваю, мы можем провести у этой витрины остаток дня.

Она рассмеялась.

И всё-таки ещё немного постояла, рассматривая тонкую глазурь, прежде чем позволила увести себя дальше.

* * *

Ашер быстро обнаружил, что прогулка с Эрией требует совершенно другого представления о расстояниях.

Для него квартал был промежутком между двумя точками.

Для неё — отдельным путешествием.

Она останавливалась возле старых дверей с резными ручками, заглядывала в арки, рассматривала украшения на фасадах. Вдруг могла задать вопрос о необычной вывеске, а через минуту уже отвлекалась на маленькую собаку в ярком жилете, которая решительно тащила хозяина за собой.

Однажды Эрия даже остановилась, чтобы посмотреть, как рабочие устанавливают новые растения в уличные кадки.

Ашер терпеливо подождал.

— Вы никогда не видели, как сажают деревья?

— Видела.

Она покосилась на него.

— Просто мне нравится.

— Тогда не буду мешать столь важному исследованию.

Эрия улыбнулась.

Он заметил, как она прищурилась от солнца, подняла лицо навстречу тёплому ветру и на мгновение совершенно забыла о его присутствии.

В ней действительно было что-то от дикого зверя, который впервые оказался на незнакомой территории и теперь исследует её с неутомимым любопытством.

Но необычнее всего было отсутствие страха.

После того, что произошло с ней в лесу, Ашер ожидал хотя бы некоторой осторожности. Однако Эрия двигалась по оживлённым улицам с восторгом, едва сдерживая желание побежать вперёд.

При этом стоило ему назвать её по имени, как она немедленно поворачивала голову.

Словно во всём этом огромном, шумном мире его голос уже стал для неё чем-то узнаваемым и приятным.

Ашер поймал себя на улыбке.

* * *

Первое кафе они выбрали почти случайно.

Точнее, Ашер предложил место, где, по его словам, подавали приличный кофе, а Эрия согласилась исключительно потому, что из открытых дверей доносился невероятный запах свежей выпечки.

Внутри было тепло.

Небольшие круглые столики стояли возле высоких окон, на стенах висели старые фотографии города, а за длинной стойкой работала кофемашина, время от времени выпуская облачко пара.

Эрия долго изучала меню.

Ашер наблюдал за ней поверх своей чашки.

— Сложный выбор?

— Очень.

— Обычно люди справляются быстрее.

— Я хочу попробовать всё.

Он усмехнулся.

— Это несколько осложняет задачу.

В конце концов она заказала кофе с молоком и небольшое пирожное с фисташковым кремом.

Когда официант принёс заказ, Эрия сначала вдохнула аромат кофе, затем осторожно попробовала ложечкой крем.

И прикрыла глаза.

Ашер заметил это.

Она всегда так делала, когда что-нибудь доставляло ей особенное удовольствие: словно на несколько секунд отстранялась от окружающего мира, чтобы целиком сосредоточиться на ощущении.

— Хорошо? — спросил он.

Эрия открыла глаза.

— Невероятно.

Он улыбнулся.

— Тогда боюсь, мне придётся запомнить это место.

Она рассмеялась.

За окном двигались пешеходы, звенел трамвай, солнечный свет ложился на маленький стол и прозрачные бокалы с водой.

Эрия смотрела на всё с таким счастьем, что почти забыла о еде.

Ей хотелось, чтобы этот день продолжался бесконечно.

* * *

Потом был книжный магазин.

Большой, в несколько этажей, с деревянными лестницами, мягкими креслами и длинными рядами полок.

Эрия остановилась на пороге.

— Ашер…

Он посмотрел на неё.

— Да?

— Здесь можно просто ходить?

— Представьте себе.

Она улыбнулась.

— И брать книги с полок?

— В пределах разумного. Думаю, пока вы не попытаетесь унести весь магазин, никто не станет возражать.

Эрия рассмеялась.

И исчезла между стеллажами.

Ашер некоторое время шёл за ней, затем остановился возле отдела искусства и начал листать большой альбом с репродукциями.

Минут через десять Эрия вернулась, прижимая к груди три книги.

— Посмотрите!

Он взглянул на обложки.

— Весьма разнообразный выбор.

— Здесь история архитектуры, сборник эссе и роман, который я давно хотела прочитать.

— А где остальные?

Она удивлённо моргнула.

— Какие остальные?

— Судя по выражению вашего лица, вы обнаружили ещё несколько десятков.

Эрия рассмеялась.

— Но я ведь не могу купить всё.

Ашер посмотрел на книги.

— Почему бы не начать с этих?

Она немного смутилась.

— У меня нет денег.

Он не стал делать из этого особенного события.

Просто взял у неё верхний том, открыл на случайной странице и принялся рассматривать иллюстрацию.

— Тогда придётся оплатить мне. Выбирайте остальные, если хотите.

Эрия смотрела на него.

— Но…

— Эрия, вы находитесь в книжном магазине. Уверяю, ничего катастрофического не произойдёт, если мы купим несколько книг.

Она всё ещё колебалась.

Ашер поднял глаза.

— Или вы предпочитаете провести здесь остаток дня, перечитывая первые страницы?

Эрия рассмеялась.

Через полчаса у них было два пакета.

Она сама несла один, с такой осторожностью, словно внутри находились чрезвычайно хрупкие сокровища.

Возле выхода продавщица улыбнулась ей и сказала, что выбранный роман — один из её любимых.

Эрия немедленно оживилась.

Они проговорили несколько минут, обсуждая главного героя и неудачную экранизацию.

Ашер стоял неподалёку.

Когда они наконец вышли на улицу, Эрия посмотрела на него.

— Простите, что так долго.

— Ничего страшного.

— Вы, наверное, устали ждать.

— Напротив. Я узнал, что главный герой вашей книги — редкий идиот. Теперь мне даже интересно, насколько это соответствует действительности.

Она захохотала.

И совершенно неожиданно взяла его под руку.

Сделала это почти машинально — просто потому, что в другой руке держала пакет, вокруг двигались люди, а Ашер стоял рядом.

Но уже через секунду заметила собственный жест.

Его рукав был тёплым, гладким. Под тканью ощущались мышцы предплечья.

Эрия подняла глаза.

Ашер посмотрел на её руку.

Потом на неё.

И ничего не сказал.

Только слегка согнул локоть, позволяя устроиться удобнее.

Она улыбнулась.

И они пошли дальше.

* * *

К обеду Эрия начала понимать, что город способен утомлять.

Пока совсем немного.

Всё ещё хотелось смотреть, слушать, задавать вопросы. Но восторг, который утром казался совершенно неисчерпаемым, постепенно приобретал какую-то странную остроту.

Она начала замечать взгляды.

Сначала они доставляли лишь лёгкое смущение.

Молодой человек, открывший перед ней дверь магазина, задержал глаза на её лице немного дольше необходимого. Мужчина за соседним столиком в кафе оглянулся, когда она проходила мимо. Двое прохожих замолчали посреди разговора, пропуская их с Ашером через узкий проход между столиками.

Эрия понимала, что на неё смотрят.

К этому она в некоторой степени привыкла.

Анна часто говорила ей о красоте, иногда даже с такой искренней завистью, что Эрия смущалась и смеялась. Варен тоже неизменно обращал внимание на её внешность, любил выбирать ей платья и украшения, поправлял волосы перед зеркалом.

Но здесь всё было иначе.

Незнакомые люди.

Неподготовленные встречи.

Никто заранее не знал, кто она такая.

И всё же некоторые взгляды задерживались.

А вместе с ними иногда появлялось знакомое ощущение.

Тонкая сладость на языке.

Едва уловимое тепло, исходившее от совершенно незнакомого человека.

Однажды, проходя мимо небольшой группы мужчин возле входа в ресторан, Эрия почувствовала такой внезапный всплеск чужого желания, что невольно обернулась.

Один из них смотрел ей вслед.

Она быстро отвернулась.

Ничего особенного.

Она давно знала, что люди способны испытывать желание, просто увидев кого-нибудь красивого.

Но прежде подобные ощущения не возникали вокруг неё десятки раз за день.

И уж точно она не была настолько голодна.

Эрия сглотнула.

Неприятная пустота под рёбрами на мгновение дала о себе знать.

Потом исчезла.

Она взяла Ашера под руку чуть крепче.

Он посмотрел на неё.

— Всё хорошо?

— Да.

Она улыбнулась.

— Просто здесь очень много людей.

— Сегодня ещё довольно спокойно.

Эрия с недоверием оглядела улицу.

Ашер рассмеялся.

— Не пугайтесь. Бывает значительно хуже.

Она улыбнулась в ответ.

Но руку не отпустила.

* * *

Обедали они в ресторане с большими окнами, выходившими на небольшую площадь.

Эрия выбрала место возле стекла, откуда можно было наблюдать за прохожими. На площади играл уличный музыкант; его скрипка иногда доносилась сквозь приоткрытую дверь, смешиваясь с разговорами посетителей и тихим звоном бокалов.

Меню оказалось большим.

Эрия читала его с прежним удовольствием, хотя теперь на некоторых строках приходилось задерживаться чуть дольше.

Она никак не могла решить, чего хочет.

Всё казалось вкусным.

И одновременно — почему-то недостаточным.

В конце концов Ашер предложил заказать несколько блюд на двоих, чтобы она могла попробовать разные вещи.

Эрия с благодарностью согласилась.

Некоторое время всё снова было прекрасно.

Ей понравились тонкие ломтики рыбы с цитрусовым соусом, мягкий хлеб с хрустящей корочкой и необыкновенно нежный десерт, в котором сочетались груша, ваниль и лёгкая горечь карамели.

Они разговаривали о книгах.

Потом о музыке.

Ашер рассказал небольшую историю о знакомом коллекционере, который много лет пытался приобрести картину, а когда наконец получил её, обнаружил, что она совершенно не подходит к интерьеру его дома.

Эрия смеялась.

Она чувствовала себя взрослой, красивой, счастливой девушкой, которая сидит за столом с интересным мужчиной и наслаждается совершенно обыкновенным воскресным днём.

И, возможно, именно поэтому не сразу заметила, насколько сильно изменилось её состояние.

Сначала вдруг показалось слишком громким, как официант ставит бокал на соседний столик.

Потом стало трудно удерживать внимание на разговоре.

Ашер что-то рассказывал, но Эрия неожиданно поймала себя на том, что следит не за его словами, а за движением посетителей между столами.

Женщина в красном платье прошла мимо, оставив после себя лёгкий аромат духов.

За ней — мужчина в тёмном костюме.

Он скользнул взглядом по Эрии.

И задержался.

Тёплый всплеск желания возник неожиданно отчётливо.

Эрия почувствовала его почти физически.

Вкус появился на языке.

Сладкий.

Густой.

Такой близкий, что ей на мгновение показалось, будто достаточно слегка приоткрыть губы.

Она поспешно взяла стакан воды.

Сделала несколько глотков.

Холодная жидкость стекла по горлу, но не изменила ничего.

Пустота под рёбрами стала чуть сильнее.

— Эрия?

Она подняла голову.

Ашер смотрел на неё.

— Простите?

— Я спрашивал, хотите ли вы ещё десерт.

Она посмотрела на почти пустую тарелку.

— Нет. Спасибо.

Он приподнял бровь.

— Неожиданное решение.

Эрия попыталась улыбнуться.

— Я сыта.

И это было правдой.

Желудок был полон.

Она съела больше, чем обычно.

Но внутри всё равно оставалось неприятное, настойчивое чувство нехватки.

Ей хотелось чего-то другого.

И она прекрасно знала чего.

* * *

После обеда они ещё долго гуляли.

Сначала Эрия настояла на том, чтобы посмотреть старую площадь с фонтаном. Потом они прошли вдоль красивого здания театра, фасад которого был украшен колоннами и каменными фигурами.

Она остановилась перед афишами.

— Здесь идут спектакли?

— Иногда даже хорошие.

Эрия улыбнулась.

Она внимательно рассматривала фотографии актёров, названия постановок и даты ближайших представлений.

Ей особенно хотелось увидеть один балет, о котором она читала ещё несколько лет назад.

— Вы ходите в театр? — спросила она.

— Бывает.

— Часто?

— Не настолько, чтобы меня там считали частью интерьера.

Она рассмеялась.

Но смех получился чуть менее звонким, чем утром.

Эрия почувствовала слабость в коленях.

Ненадолго.

Всего на несколько секунд.

Она оперлась ладонью о каменный выступ возле афиши и сделала вид, что рассматривает расписание.

Наверное, просто устала.

Они ведь уже столько ходили.

Совсем недавно у неё была тяжёлая травма.

И организму требовалось время, чтобы окончательно восстановиться.

Однако собственная природа подсказывала ей другое.

Голод.

Она не хотела думать об этом.

Не сейчас.

Не в такой чудесный день.

Эрия выпрямилась.

— Пойдёмте?

Ашер посмотрел на неё.

— Уже всё посмотрели?

— Пока да.

Он предложил пройти к набережной.

Она охотно согласилась.

* * *

К реке они вышли ближе к вечеру.

Солнце опустилось ниже, и вода приобрела густой золотистый цвет. По широкой набережной гуляли люди, кто-то сидел на низких каменных парапетах, кто-то катался на велосипедах. Вдоль дорожки были расставлены небольшие столики, а на противоположном берегу возвышались старые здания с высокими окнами.

Эрия подошла к ограждению.

Ветер подхватил её волосы, растрепал несколько прядей, выбившихся из-под заколки.

Она закрыла глаза.

Воздух был прохладным.

Пах водой, мокрым камнем и далёким дымком из уличного кафе.

На мгновение ей стало легче.

Она глубоко вдохнула.

И вдруг почувствовала, как рядом проходит мужчина.

Совсем близко.

Его плечо почти коснулось её руки.

Эрия открыла глаза.

Он оглянулся.

И что-то в его взгляде немедленно отозвалось у неё на языке новой волной сладости.

Она вздрогнула.

Мужчина прошёл дальше.

Но ощущение не исчезло сразу.

Оно осталось внутри — тёплым, дразнящим следом, за которым тело невольно потянулось.

Эрия сжала пальцы на холодном камне.

Нет.

Она заставила себя отвести взгляд.

Несколько секунд смотрела на воду, пока желание не растворилось.

Когда повернулась, Ашер стоял рядом.

— Замёрзли?

Она покачала головой.

— Нет.

Он посмотрел на её руки, вцепившиеся в ограждение.

— Уверены?

— Да.

Она поспешно улыбнулась.

Но Ашер не отвёл взгляда сразу.

Эрия почувствовала, как поднимается смущение.

Она сама не знала, почему ей так неловко.

Ей ведь не за что было стыдиться.

Никто не мог обвинить её в том, что она испытывает голод.

И всё же происходившее казалось почти неприличным.

Вокруг были люди, которые ничего не подозревали. Они разговаривали, улыбались, обнимались, смотрели друг на друга — и каждое подобное движение могло отозваться в ней энергией, столь необходимой собственному телу.

Сейчас ей хотелось закрыться от всего этого.

Но с каждым часом становилось всё труднее.

* * *

Постепенно Эрия перестала замечать красоту города так, как прежде.

Не сразу.

Не полностью.

Она всё ещё смотрела по сторонам, улыбалась, задавала вопросы. Но между внешним миром и её восприятием будто появилась тонкая, едва заметная пелена.

Она могла стоять перед прекрасным зданием и вдруг забыть, зачем остановилась.

Могла начать рассказывать Ашеру о книге, а через несколько слов потерять нить собственного рассказа.

Однажды он указал на интересную архитектурную деталь над входом в старый дом, и Эрия несколько секунд смотрела совершенно не туда, пытаясь понять, что именно должна увидеть.

— Вон там, — повторил он.

Она подняла голову.

— Ах, да.

Ашер посмотрел на неё внимательнее.

— Вы устали.

— Немного.

— Мы можем вернуться.

Эрия немедленно покачала головой.

— Нет!

Ответ прозвучал чересчур резко.

Она смутилась.

— Я просто… мне очень хочется ещё погулять.

Он некоторое время смотрел на неё.

Затем кивнул.

— Хорошо. Но без героизма.

Она улыбнулась.

И они пошли дальше.

Через некоторое время ей пришлось признать, что именно героизмом она сейчас и занимается.

Слабость постепенно становилась неприятной.

Сначала тянуло под рёбрами.

Затем появилась сухость во рту, хотя Эрия совсем недавно пила воду.

Кожа стала необыкновенно чувствительной. Ткань кофты, ещё утром такая приятная, теперь раздражала возле воротника. Слишком громкие голоса заставляли вздрагивать, а запахи духов казались сильнее, чем прежде.

Но мучительнее всего были чужие чувства.

Эрия больше не могла просто не замечать их.

Они вспыхивали вокруг неожиданно, каждый по-своему.

Тёплый интерес мужчины за соседним столиком.

Внезапное восхищение юноши, который встретился с ней взглядом.

Чуть более настойчивое желание незнакомца, задержавшегося возле витрины.

Чья-то тревога, усталое раздражение, страх или нетерпение отзывались совсем иначе — остро, неприятно, иногда тяжело. Эрия чувствовала их, но знала, что поглощённая чужая боль не даст ей питания, а лишь добавит ещё один груз, который придётся нести внутри себя.

А страсть была ярче. Она вспыхивала особенно горячо, с почти невыносимой сладостью, обещая столь необходимое насыщение.

Иногда это длилось долю секунды.

Иногда несколько.

Ей не нужно было видеть человека, чтобы почувствовать направленный на неё взгляд.

И каждый раз тело откликалось прежде, чем она успевала подумать.

Оно хотело пить.

От этого желания становилось почти больно.

Эрия начала бояться собственного любопытства.

Утром ей хотелось смотреть на каждого прохожего.

Теперь она старалась не поднимать глаза.

Но окружающих было слишком много.

И она была слишком голодна.

* * *

Ашер заметил перемену задолго до того, как Эрия решила пожаловаться.

Сначала она просто стала тише.

Потом перестала останавливаться возле каждой витрины.

Вопросов становилось всё меньше, а ответы — короче. Иногда девушка смотрела на него с прежней внимательной улыбкой, но уже через мгновение отвлекалась, словно что-то совершенно постороннее заставляло её прислушиваться.

Один раз она остановилась посреди тротуара.

Ашер обернулся.

Эрия стояла чуть позади, прижав ладонь к животу.

— Эрия?

Она подняла голову.

— Да?

— Что случилось?

— Ничего.

Она поспешно убрала руку.

— Я просто задумалась.

Он посмотрел на её лицо.

За последние полчаса оно заметно побледнело. Под глазами появились лёгкие тени, а губы, прежде постоянно готовые улыбнуться, теперь были плотно сжаты.

— Вы плохо себя чувствуете?

— Нет. Всё хорошо.

Ашер чуть прищурился.

— Вы уверены?

Эрия кивнула.

И улыбнулась.

Улыбка получилась настолько старательной, что ему окончательно перестала нравиться.

Но он пока не стал настаивать.

Они свернули на более тихую улицу.

Ашер предложил зайти в небольшое кафе, где можно было посидеть, отдохнуть и выпить что-нибудь горячее.

Эрия согласилась с заметным облегчением.

* * *

В кафе почти не было свободных мест.

У окна сидела молодая пара, возле стойки разговаривали несколько мужчин, за большим столом собралась компания друзей. В воздухе смешивались запахи кофе, выпечки, духов и мокрой после недавнего дождя одежды.

Эрия вошла следом за Ашером.

И остановилась.

Что-то обрушилось на неё совершенно неожиданно.

Не боль.

Не чужой страх.

Не та эмоциональная тяжесть, с которой ей приходилось работать во время занятий с Аделем.

Это было другое.

Вокруг смешивались чужие чувства.

Нетерпение, радость, раздражение, нежность. Чья-то острая тревога неприятно отозвалась под рёбрами, следом пришло короткое, почти обжигающее волнение.

Эрия ощущала всё это одновременно, словно оказалась посреди множества голосов, каждый из которых пытался привлечь её внимание.

Но сильнее всего выделялась страсть.

Она вспыхивала ярче остальных чувств — горячая, густая, сладкая. Иногда мимолётная, иногда настолько сильная, что Эрия почти ощущала её вкус.

Именно к ней тянулось её истощённое тело.

Остальные эмоции не могли утолить суккубий голод. Некоторые, особенно чужая тревога и боль, напротив, грозили добавить к её собственному состоянию ещё и чужую тяжесть.

Ей приходилось отгораживаться от всего сразу.

А сил на это оставалось всё меньше.

Эрия почувствовала, как во рту появляется слюна.

Немедленно стало стыдно.

Она сглотнула.

Попыталась сосредоточиться на собственных руках.

На бумажном пакете с книгами, который держала возле бедра.

На спине Ашера, шедшего впереди.

Но ощущение не исчезало.

Словно она вошла в комнату, наполненную самыми прекрасными запахами еды после долгого голодания, и теперь должна была сидеть среди накрытых столов, не позволяя себе попробовать ни крошки.

Только это было значительно хуже.

Потому что желание нельзя было купить.

Нельзя было заказать у официанта.

Нельзя было просто взять, не спросив.

Эрия почувствовала лёгкое головокружение.

Она осторожно коснулась стены.

Ашер обернулся.

— Эрия?

Она подняла голову.

И вдруг поняла, что не может ответить сразу.

Он подошёл ближе.

— Что с вами?

— Ничего…

Голос оказался слабее, чем она ожидала.

Ашер посмотрел на её лицо, потом на руку, которой она держалась за стену.

— Пойдёмте наружу.

Он осторожно коснулся её локтя.

Эрия немедленно почувствовала знакомый аромат его кожи.

И следом — тончайший привкус желания.

Он оказался настолько близким, настолько желанным, что ей на мгновение захотелось повернуться к его руке и прижаться к ней щекой.

Просто закрыть глаза.

И позволить себе наконец выпить.

Она испугалась.

Не Ашера.

Себя.

Эрия резко отстранилась.

Он остановился.

— Простите, — быстро сказала она.

— За что?

— Я…

Она не смогла придумать ответ.

Ашер посмотрел на неё внимательнее.

Потом молча открыл дверь, пропуская наружу.

Прохладный воздух ударил в лицо.

Эрия вдохнула.

Ещё раз.

Немного легче.

Но только немного.

* * *

Они больше не заходили в кафе.

Ашер предложил посидеть на скамейке в небольшом сквере, где между деревьями оставалось достаточно пространства, а прохожих было значительно меньше.

Эрия согласилась.

Она устроилась на краю деревянного сиденья, положила ладони на колени и некоторое время смотрела перед собой.

Ветер шевелил листья.

Где-то неподалёку журчала вода в небольшом фонтане.

Солнечный свет постепенно приобретал оранжевый оттенок.

Утром подобное место показалось бы ей восхитительным.

Теперь Эрия почти не замечала его.

Всё внимание уходило на собственное тело.

Голод становился мучительным.

Не просто неприятной пустотой.

Теперь он ощущался как глубокая, тянущая боль, расположенная где-то под грудиной. Иногда она усиливалась настолько, что хотелось согнуться пополам. Потом немного отпускала, оставляя после себя дрожь и слабость.

Эрия пыталась дышать медленно.

Вдох.

Выдох.

Ещё один.

Но рядом сидел Ашер.

И от этого одновременно становилось легче и труднее.

Ей было спокойно возле него.

Она знала его голос, его запах, движения рук. Уже научилась угадывать, когда он собирается пошутить, а когда действительно чем-нибудь обеспокоен.

Но теперь её природа откликалась даже на эту близость.

Ашер сидел совсем рядом, вытянув длинные ноги и опираясь локтями на колени. Когда он повернулся к ней, на его лице появилось выражение, которого Эрия прежде почти не видела.

Серьёзное.

— Эрия, посмотрите на меня.

Она подняла глаза.

— Что происходит?

Ей захотелось немедленно рассказать.

Просто произнести правду.

Я голодна.

Я больше не могу терпеть.

Но слова не шли.

Она боялась увидеть непонимание.

Или отвращение.

Или ту самую насмешку, которую обычно любила слышать, но которая сейчас могла оказаться невыносимой.

— Я, кажется, переутомилась, — произнесла она наконец.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

— Возможно.

Он явно не был убеждён.

Эрия почувствовала слабое раздражение на саму себя.

Почему она не может просто объяснить?

С Анной и Питером всё было так легко.

С ними не приходилось ничего скрывать.

Они приходили именно для того, чтобы позволить ей насытиться.

А здесь…

Ашер даже не знал, что она не совсем человек.

Эрия опустила взгляд.

Надо будет рассказать.

Но не сейчас.

Не на улице.

Не среди посторонних.

Она хотела сначала вернуться в его дом.

В тишину.

Туда, где ей уже было привычно и спокойно.

* * *

Ашер предложил вызвать машину прямо к скверу.

Эрия сначала покачала головой.

— Мы ведь совсем немного не дошли до… — Она замолчала.

До чего именно, она уже не помнила.

Утром они обсуждали ещё несколько мест, куда можно было зайти перед возвращением. Кажется, небольшую галерею. Или магазин, где продавались красивые старинные вещи.

Теперь мысли путались.

Ашер посмотрел на часы.

— Уже достаточно поздно.

Эрия кивнула.

Она вдруг заметила, что солнце почти скрылось за крышами.

Когда успело пройти столько времени?

Ей казалось, они только недавно обедали.

Но с тех пор миновало несколько часов.

Она медленно поднялась.

Ноги оказались непривычно слабыми.

Не больными — стопа давно зажила.

Просто слабыми.

Словно всё тело стало слишком тяжёлым для собственных мышц.

Эрия сделала несколько шагов рядом с Ашером.

Ей хотелось держаться прямо.

Не показывать, насколько плохо себя чувствует.

Он ведь специально освободил для неё день.

Купил одежду, водил по кафе и магазинам, слушал бесконечные вопросы, терпел её остановки возле каждой интересной витрины.

И она не хотела, чтобы всё закончилось вот так.

Но через несколько минут стало ясно, что продолжать прогулку невозможно.

Люди шли навстречу.

Их лица расплывались, взгляды задерживались на ней, а чужие эмоции накатывали одна за другой: нетерпение, возбуждение, раздражение, короткие всплески тревоги.

И среди них особенно мучительно ощущалась страсть — яркая, притягательная, обещавшая насыщение.

Эрия старалась ни к чему не тянуться. Не позволять этим чувствам проникнуть внутрь.

Но каждое новое усилие отнимало силы, которых почти не осталось.

Она смотрела только под ноги.

Где-то в глубине тела возникла тяжёлая дрожь.

Эрия почувствовала, как холодеют пальцы.

На мгновение мир перед глазами потемнел.

Она остановилась.

Ашер сделал ещё два шага, прежде чем заметил это.

— Эрия?

Она попыталась ответить.

Горло неприятно сжалось.

Он вернулся к ней.

— Что случилось?

Она подняла голову.

Вечерний свет ложился на его лицо, подчёркивая чёткую линию скул, тёмные брови, чуть нахмуренный взгляд.

Он был так близко.

И она вдруг почувствовала его желание.

Не сильное.

Не резкое.

Всего лишь тонкий, тёплый след.

Но теперь этого оказалось достаточно, чтобы по телу прошла почти болезненная волна.

Эрия судорожно вдохнула.

Нет.

Она отвела взгляд.

Сжала пальцы.

Не позволила себе потянуться.

Ашер внимательно смотрел на неё.

— Эрия, вы очень бледная.

Она кивнула.

И только теперь поняла, насколько сильно устала притворяться, что всё хорошо.

Ей хотелось домой.

В его дом.

На мягкий диван, где можно свернуться под пледом, закрыть глаза и не слышать чужих голосов.

В тишину, где никто не будет смотреть на неё.

Где останется только Ашер.

Она осторожно протянула руку.

И потянула его за рукав.

Совсем немного.

Как будто боялась, что он может не заметить.

Ашер немедленно опустил взгляд на её пальцы.

Эрия подняла глаза.

— Ашер…

Голос получился тихим.

Он наклонился ближе.

— Да?

Она сглотнула.

— Давайте вернёмся?

Он посмотрел ей в лицо.

— Конечно.

Но Эрия не отпустила его рукав.

Ей хотелось объяснить, чтобы он не подумал, будто она просто капризничает или внезапно потеряла интерес к прогулке.

— Простите… — Она попыталась улыбнуться, но губы едва слушались. — Мне правда всё очень понравилось. Просто я…

Она замолчала.

Глубоко вдохнула.

— Я не очень хорошо себя чувствую.

Ашер перестал улыбаться.

— Насколько плохо?

Эрия посмотрела на него.

И впервые за весь день не попыталась скрыть ответ.

— Довольно сильно.

Он осторожно коснулся её плеча.

— Голова кружится?

Она кивнула.

— И слабость?

— Да.

Ашер несколько мгновений рассматривал её лицо.

Потом коротко выдохнул.

— Тогда немедленно поедем домой.

Он достал телефон.

Эрия стояла рядом, всё ещё придерживаясь за его рукав.

Сил почти не оставалось.

Зато на смену тревоге пришло другое чувство.

Облегчение.

Теперь ей не нужно было продолжать прогулку.

Не нужно было улыбаться прохожим.

Не нужно было пытаться убедить себя, что голод скоро отступит.

Ашер вызвал машину и убрал телефон.

— Несколько минут. Сможете постоять?

Эрия кивнула.

Потом, подумав, тихо призналась:

— Лучше, наверное, посидеть.

— Хорошо.

Он подвёл её к ближайшей скамье.

Эрия опустилась на неё с таким облегчением, что едва не застонала.

Ашер сел рядом.

Не шутил.

Не расспрашивал.

Просто находился возле неё и время от времени смотрел на дорогу.

Эрия закрыла глаза.

Она чувствовала его присутствие совсем близко — тепло плеча, тихое дыхание, едва заметное движение ткани.

И сквозь все остальные ощущения пробивался тот самый вкус.

Сладкий.

Терпкий.

Едва различимый.

Теперь он казался мучительно прекрасным.

Эрия сжала руки на коленях.

Ещё немного.

Нужно потерпеть совсем немного.

А потом она должна будет что-нибудь придумать.

Потому что больше она так не выдержит.

*** * ***

Когда автомобиль наконец подъехал, Эрия с трудом поднялась.

Ашер придержал её за талию, помог сесть и устроился рядом.

Она почти сразу откинулась на спинку сиденья.

За окнами медленно проплывал вечерний город.

Огни витрин.

Фонари.

Люди, спешившие по своим делам.

Утром всё это казалось ей прекрасным обещанием огромной, удивительной жизни.

Теперь каждый яркий свет причинял неудобство, каждый резкий звук заставлял вздрагивать.

Эрия отвернулась от окна.

Ашер посмотрел на неё.

— Лучше?

Она покачала головой.

— Пока нет.

Он нахмурился.

— Если станет хуже, скажите сразу.

Эрия кивнула.

Её пальцы лежали на сиденье, совсем рядом с его рукой.

Она смотрела на них некоторое время.

Потом осторожно придвинула ладонь ближе.

Не коснулась.

Просто оставила между ними несколько сантиметров.

И закрыла глаза.

Ашер заметил это движение.

Но ничего не сказал.

Он лишь немного повернулся к ней, так что его плечо оказалось достаточно близко, чтобы она могла опереться, если захочет.

Эрия помедлила.

Потом всё-таки склонила голову.

И осторожно прислонилась к нему.

От его рубашки пахло чем-то древесным, тёплым, знакомым.

Она глубоко вдохнула.

Стало спокойнее.

Не легче — голод по-прежнему мучительно тянул изнутри.

Но спокойнее.

Ашер опустил взгляд на её волосы.

Сладкий аромат, который он замечал возле неё прежде, теперь стал гораздо сильнее.

Мёд.

Густой, тёплый, почти дурманящий.

Но сквозь эту сладость пробивалось что-то совершенно иное — холодный запах дождя и едва уловимая острота озона, словно воздух за мгновение до грозы.

Необычное сочетание.

В нём было что-то одновременно притягательное и тревожное. Ашер ощущал его даже сквозь запах кожаной обивки и собственной рубашки.

Он осторожно поправил положение плеча, чтобы девушке было удобнее.

Эрия не открыла глаз.

Только чуть ближе придвинулась к нему.

Он посмотрел на её лицо.

Бледное.

Измученное.

С темноватыми тенями под глазами и губами, которые она время от времени прикусывала, словно стараясь справиться с неприятным ощущением.

Ещё утром девушка казалась воплощением счастья.

Теперь она едва держалась.

Ашер провёл взглядом по её лицу и негромко произнёс:

— Скоро будем дома.

Эрия кивнула.

Она не спросила, сколько осталось ехать.

Просто закрыла глаза крепче.

И впервые за всё время знакомства с Ашером почувствовала, что его присутствия недостаточно, чтобы стало хорошо.

Ей нужно было нечто большее.

Гораздо большее.

И она больше не могла делать вид, будто не знает, что именно.

* * *

К тому времени, когда они добрались до дома, Эрия уже с трудом различала отдельные ощущения.

В автомобиле она почти не открывала глаз. Дорога казалась бесконечной, хотя Ашер дважды уверял её, что ехать осталось совсем немного. Она слышала его голос, чувствовала тепло плеча, к которому прислонилась, и старалась сосредоточиться на этом, потому что всё остальное постепенно превращалось в неприятную, болезненную путаницу.

Голод больше не напоминал пустоту.

Он стал тяжестью, глубокой и настойчивой, словно где-то внутри неё туго затянули невидимый узел. Временами боль поднималась к груди, мешая вдохнуть, затем отступала, оставляя после себя мелкую дрожь. Даже собственная кожа казалась чужой: ворот кофты неприятно касался шеи, волосы раздражали щёки, а свет проезжавших за окном автомобилей заставлял жмуриться.

Эрия знала, что происходит.

И от этого было ещё досаднее.

Она ведь могла предупредить.

Могла задуматься об этом несколько дней назад, когда впервые начала чувствовать лёгкую слабость. Могла попытаться объяснить всё Ашеру до прогулки, когда ещё была спокойна и способна выбирать слова.

Но вместо этого старательно убеждала себя, что ничего страшного не случится.

Теперь расплачивалась за собственную беспечность.

Когда машина остановилась, Ашер помог ей выйти.

Подземный гараж встретил их тишиной и прохладой. Эрия сделала несколько шагов, затем неожиданно остановилась, почувствовав, как пол уходит из-под ног.

Мужчина немедленно придержал её за талию.

— Осторожнее.

Она судорожно ухватилась за его предплечье.

— Простите.

— Кажется, мы снова вернулись к этой привычке.

Обычно она рассмеялась бы.

Сейчас только попыталась улыбнуться.

Ашер посмотрел на её лицо.

— Вы уверены, что можете идти?

— Да. Просто немного…

Она не закончила.

Он подождал несколько мгновений, затем осторожно подхватил её на руки.

Эрия даже не успела возразить.

Тело почти сразу отозвалось облегчением. Больше не нужно было удерживать равновесие, переставлять ноги и заставлять мышцы слушаться. Она обняла его за шею, спрятала лицо возле плеча и закрыла глаза.

— Надеюсь, вы не собираетесь снова обвинять меня в порче рубашки, — пробормотала она.

— Пока претензии предъявляю исключительно к вашему состоянию.

Эрия слабо улыбнулась.

Лифт поднялся почти бесшумно.

В знакомом коридоре пахло чистым деревом и чем-то тёплым, домашним. Эрия ощутила это с неожиданной благодарностью. Ещё утром она так радовалась возможности покинуть квартиру, а теперь возвращение казалось лучшим событием за последние несколько часов.

Ашер отнёс её в гостиную и осторожно усадил на диван.

— Лечь хотите?

Она покачала головой.

— Пока нет.

— Воды?

— Пожалуйста.

Он принёс стакан, дождался, пока она выпьет, затем опустился в кресло напротив.

Эрия держала воду обеими руками. Стекло было прохладным, приятным, и она прижимала пальцы к нему, стараясь унять дрожь.

Ашер смотрел на неё.

Без привычной улыбки.

— Мне всё-таки придётся спросить, что с вами происходит.

Эрия опустила глаза.

Она ожидала этого.

Но теперь, когда пришло время говорить, слова казались ещё более нелепыми, чем утром.

— Я знаю.

— У вас что-нибудь болит?

Она кивнула.

— Где?

Эрия осторожно коснулась груди, чуть ниже ключиц.

— Здесь. И немного ниже.

Он нахмурился.

— Давно?

— Не совсем так. То есть… несколько дней. Но сегодня стало хуже.

— Несколько дней?

В его голосе появилось вполне понятное раздражение.

Эрия виновато посмотрела на него.

— Раньше это было не очень сильно.

Ашер откинулся на спинку кресла.

— Прекрасно. Значит, несколько дней вы чувствовали себя плохо, ничего не говорили, а потом решили отправиться на многочасовую прогулку.

Она поморщилась.

— Когда вы так говорите, звучит ужасно глупо.

— Боюсь, иной формулировки я пока не нашёл.

Эрия поставила стакан на стол.

Ей хотелось объяснить, что голод не всегда означал немедленную опасность. Что она прекрасно знала собственные возможности и просто ошиблась в оценке оставшихся сил.

Но тогда пришлось бы рассказать остальное.

Она помолчала.

— Я позвоню доктору Левину, — сказал Ашер, потянувшись к телефону.

— Нет!

Ответ прозвучал слишком быстро.

Он приподнял бровь.

Эрия поспешно добавила:

— То есть не нужно. Он всё равно не поможет.

— Вот как?

— Да.

— И почему же?

Она потеребила край кофты.

Пальцы плохо слушались.

— Потому что… это не совсем болезнь.

Ашер некоторое время разглядывал её.

Затем подался немного вперёд.

— Эрия, я начинаю подозревать, что вы собираетесь рассказать мне нечто весьма необычное.

Она подняла на него глаза.

Он смотрел спокойно, но с явным любопытством.

Ей вдруг отчаянно захотелось, чтобы он не смеялся.

Она любила его насмешки. За последние дни они стали почти привычной частью их разговоров, и иногда Эрия сама нарочно говорила что-нибудь, зная, что Ашер непременно найдёт повод поддразнить её.

Но сейчас ей было слишком плохо.

И слишком стыдно.

— Только пообещайте, что выслушаете до конца.

Его выражение слегка изменилось.

— Хорошо.

Она глубоко вдохнула.

Мгновение помолчала.

Потом ещё раз.

Ашер терпеливо ждал.

— Я не совсем человек, — произнесла Эрия наконец.

Он не ответил сразу.

Потом посмотрел на неё с некоторым сомнением.

— Признаться, это объясняет пока довольно мало.

Она нервно улыбнулась.

— Я суккуб.

Наступила тишина.

Ашер медленно моргнул.

— Суккуб, — повторил он.

Эрия кивнула.

— Да.

Он посмотрел на неё, затем на стакан с водой.

— То есть вы хотите сказать, что я подобрал в лесу демона?

Она почувствовала, как горят щёки.

— Если говорить совсем просто… да.

Ашер откинулся на спинку кресла.

Несколько секунд молчал.

Потом негромко рассмеялся.

Не зло и не пренебрежительно. Скорее как человек, которому предложили настолько неожиданное объяснение происходящего, что он пока не знает, как к нему относиться.

— Что ж, — произнёс он. — Это определённо самая интересная версия вашей истории из всех, которые я успел представить. Хотя, признаться, пока я скорее склонен думать, что вы бредите от переутомления.

Эрия опустила глаза.

— Вы мне не верите.

— Я пока пытаюсь понять, что именно вы утверждаете.

— Что я суккуб.

— Да, эту часть я усвоил.

Он чуть склонил голову.

— А теперь объясните, какое отношение это имеет к тому, что вы едва не потеряли сознание посреди города.

Эрия облизнула пересохшие губы.

— Мне нужно питаться.

Ашер взглянул на пустой стакан.

— Насколько помню, сегодня мы занимались этим почти непрерывно.

— Не обычной едой.

Он снова посмотрел на неё.

Эрия почувствовала, как смущение поднимается к самому горлу.

— Суккубы питаются человеческим желанием.

На этот раз Ашер молчал немного дольше.

Затем в уголках его губ появилась улыбка.

— Полагаю, теперь мне следует насторожиться.

Эрия вспыхнула.

— Нет! Я не это имела в виду!

— А что именно?

— Мне не нужно… — Она сбилась. — То есть это вовсе не обязательно связано с…

Она не смогла закончить.

И почувствовала, что краснеет ещё сильнее.

Ашер наблюдал за ней с нескрываемым удовольствием.

— Эрия, боюсь, если вы продолжите объяснять таким образом, мне придётся самостоятельно восполнить пробелы.

— Для кормления не нужен секс, — выпалила она.

И немедленно прикрыла рот ладонью.

Ашер тихо рассмеялся.

Она посмотрела на него почти с отчаянием.

— Пожалуйста, не смейтесь.

Улыбка постепенно исчезла с его лица.

— Хорошо. Простите.

Он произнёс это без насмешки.

Эрия немного успокоилась.

— Я умею поглощать энергию желания, — продолжила она. — Для этого не требуется ничего… подобного. В доме, где я жила, всё происходило совсем иначе.

— И как же?

— Приходили люди, которые соглашались помочь мне. Мы сидели по разные стороны специальной перегородки. Я чувствовала их желание и осторожно забирала часть энергии.

Ашер задумчиво посмотрел на неё.

— И всё?

— Да.

— Никаких прикосновений?

— Нет.

— Даже руки не держали?

Эрия покачала головой.

— Не требовалось.

Он чуть улыбнулся.

— Тогда, признаюсь, название вашего вида несколько вводит в заблуждение.

Она не удержалась от смеха.

И тут же поморщилась, когда голод болезненно сжался под рёбрами.

Ашер это заметил.

— Насколько вам плохо?

Эрия некоторое время молчала.

Она больше не хотела притворяться.

— Очень, — призналась она.

Он подался вперёд.

— И что нужно сделать?

Вопрос прозвучал настолько просто, что Эрия подняла на него удивлённый взгляд.

— Вы… хотите помочь?

Ашер чуть приподнял бровь.

— Прежде чем принимать окончательное решение, я хотел бы узнать, что именно от меня потребуется.

Она посмотрела на его руки.

На лицо.

Потом поспешно отвела глаза.

— Я могла бы попробовать взять немного вашей энергии.

— Моей?

Эрия кивнула.

Он медленно перевёл взгляд на себя, словно пытаясь представить, где именно у него находится эта загадочная энергия.

— Любопытно.

— Совсем немного, — поспешила заверить она. — Я умею останавливаться. И никогда не возьму больше, чем вы позволите.

Ашер склонил голову.

— А что почувствую я?

Она задумалась.

— Это бывает по-разному. Кто-то говорит, что становится немного спокойнее. Кто-то чувствует слабость или тепло. Но я постараюсь очень осторожно.

— Больно?

— Нет.

— Опасно?

Эрия подняла глаза.

— Я никогда никому не причиняла вреда во время кормления.

Он некоторое время смотрел на неё.

— Хорошо. Допустим, я соглашусь участвовать в этом необычном предприятии. Что мне нужно делать?

Эрия почувствовала почти головокружительное облегчение.

— Вы правда согласны?

— Пока мне предлагают сидеть на собственном диване и, насколько я понимаю, ничего особенно сложного не делать.

Он развёл руками.

— Бывали эксперименты значительно менее привлекательные.

Она улыбнулась.

Но затем снова смутилась.

— Есть одна сложность.

Ашер приподнял бровь.

— Разумеется. Я уже начал беспокоиться, что всё слишком просто.

Эрия нервно переплела пальцы.

— Обычно люди приходили подготовленными. Они знали, что собираются делать, и… им не нужно было объяснять, как направить желание.

Он несколько мгновений смотрел на неё.

Потом улыбнулся чуть шире.

— А мне, полагаю, понадобится инструкция?

Она покраснела.

— Возможно.

Ашер негромко рассмеялся.

— Что ж, Эрия. Боюсь, этот вечер становится всё интереснее.

* * *

Они пересели на широкий диван.

Эрия настояла на том, чтобы между ними сначала оставалось немного пространства. Ей нужно было собраться с мыслями, восстановить ровное дыхание и убедиться, что она действительно способна контролировать голод.

Ашер устроился рядом, расслабленно откинувшись на подушки.

Он выглядел так, словно согласился принять участие в довольно забавном фокусе.

Эрия нервничала всё сильнее.

Не потому, что сомневалась в собственном даре.

Она прекрасно знала, на что способна.

Но это было первое кормление без привычной перегородки.

Без Анны или Питера.

Без Аделя, который следил за количеством поглощённой энергии.

И впервые напротив неё сидел мужчина, чьё желание она уже не раз ощущала совершенно случайно.

Мужчина, которого ей почему-то особенно не хотелось смутить.

Ашер наблюдал, как она устраивается на диване.

Эрия подтянула одну ногу, потом передумала, опустила обе ступни на пол и осторожно повернулась к нему.

— Мне нужно немного сосредоточиться.

— Разумеется.

— И, наверное, лучше, если вы дадите мне руку.

Он посмотрел на её протянутую ладонь.

— А ведь вы утверждали, что прикосновения не требуются.

— Обычно не требуются. Но здесь нет перегородки, и я не знаю, насколько…

Она запнулась.

Ашер протянул руку.

— Эрия, я не возражаю.

Она осторожно взяла её.

Его ладонь была тёплой.

Удивительно знакомой за эти несколько дней — и всё же теперь прикосновение ощущалось совсем иначе.

Прежде он помогал ей подняться, придерживал за локоть, касался плеча, когда хотел привлечь внимание. Всё происходило мимоходом, как будто случайно.

Теперь они сидели друг напротив друга и совершенно сознательно держались за руки.

Эрия почувствовала, как начинает краснеть.

Ашер посмотрел на их соединённые пальцы.

— И что дальше?

Она сглотнула.

— Постарайтесь подумать о чём-нибудь приятном.

Он чуть приподнял бровь.

— Насколько приятном?

Эрия вспыхнула.

— Ашер!

Он рассмеялся.

— Простите. Не удержался.

Она посмотрела на него с укоризной.

Он поднял свободную руку, признавая поражение.

— Хорошо. Буду серьёзен.

Эрия глубоко вдохнула.

И закрыла глаза.

Всё вокруг постепенно отступило.

Шум города за окнами.

Тихое движение воздуха.

Запах чистого дерева и тёплой ткани.

Осталось только ощущение его руки.

И за ним — то самое.

Знакомое уже несколько дней, но прежде лишь мелькавшее на границе восприятия.

Желание Ашера.

Эрия осторожно потянулась к нему.

Не резко.

Не позволяя голоду опередить собственную волю.

Она словно протянула руку в темноте, стараясь нащупать тонкую невидимую нить.

И нашла.

На языке немедленно возникла сладость.

Необыкновенная.

Густая, тёплая, с терпким оттенком, который невозможно было спутать ни с чем другим.

Эрия невольно вдохнула.

Это было совсем не похоже на желание Анны или Питера.

В нём ощущалась странная глубина. Не боль, не печаль, не чужие мысли — ничего из того, что она могла бы назвать и распознать. Просто желание, настолько насыщенное и своеобразное, что его вкус казался почти сложным, словно хороший напиток, в котором одна нота постепенно раскрывает другую.

Сладость мёда.

Тёплая горечь.

Что-то пряное, едва уловимое.

И под всем этим — особенная терпкость, от которой хотелось сделать ещё один глоток.

Эрия осторожно позволила энергии потечь к себе.

Совсем немного.

Тело немедленно откликнулось облегчением.

Тянущая боль под рёбрами ослабла.

Дрожь в пальцах стала меньше.

Она почувствовала, как тепло медленно распространяется по груди, животу, плечам.

Невероятно.

Она и не понимала, насколько истощена, пока наконец не получила то, чего так отчаянно не хватало.

Эрия почти забыла, что должна быть осторожной.

Но вовремя остановила себя.

Маленький глоток.

Затем ещё один.

Медленно.

Аккуратно.

Стараясь не причинить Ашеру неприятных ощущений.

И вдруг он пошевелился.

Эрия немедленно открыла глаза.

Ашер смотрел на неё.

Улыбка исчезла.

— Подождите.

Она испугалась.

— Больно?

Он покачал головой.

Но продолжал рассматривать её с таким выражением, будто впервые увидел нечто совершенно невозможное.

— Вы действительно что-то делаете.

Эрия чуть подалась вперёд.

— Что вы чувствуете?

Ашер некоторое время молчал.

Затем посмотрел на их соединённые руки.

— Странно.

Он медленно вдохнул.

— Как будто что-то… вытягивается изнутри.

Эрия замерла.

— Неприятно?

— Не сказал бы.

Он снова посмотрел на неё.

— Скорее непривычно.

Она почувствовала облегчение.

— Я могу остановиться.

— Пока не нужно.

Ашер осторожно пошевелил пальцами, которыми держал её руку.

— Продолжайте. Мне интересно.

Эрия улыбнулась.

И снова закрыла глаза.

На этот раз энергия пришла легче.

Он уже не казался совершенно незнакомым источником. Она чувствовала его желание, его тепло, ту особенную терпкую сладость, которой теперь могла наслаждаться без мучительного чувства вины.

Ашер согласился.

Сам.

Он позволял ей пить.

Эрия осторожно усилила поток.

И впервые за много дней почувствовала, что голод действительно начинает отступать.

* * *

Поначалу Ашер действительно воспринимал происходящее как необычное развлечение.

Ему нравилось наблюдать, как Эрия краснеет от самых невинных вопросов, как старательно подбирает слова и пытается объяснить вещи, которые сама, по всей видимости, считала совершенно естественными.

Она сидела рядом, удивительно красивая даже сейчас, когда усталость ещё не сошла с лица, и с такой серьёзностью рассказывала о невидимой энергии, будто объясняла устройство музыкального инструмента.

Он позволил ей взять себя за руку.

Позволил закрыть глаза.

И в какой-то момент ощутил странное движение внутри.

Не боль.

Скорее что-то похожее на ощущение, когда из груди медленно уходит глубокий вдох, хотя лёгкие остаются полными.

Словно нечто невидимое и до сих пор неподвижное вдруг потянулось наружу.

Ашер прислушался.

Ощущение было отчётливым.

Он чувствовал, откуда оно исходит, как постепенно меняется, как отзывается на её осторожное усилие. И одновременно видел, что с Эрией происходит нечто совершенно противоположное.

Её плечи расслабились.

Дыхание стало ровнее.

Болезненная бледность постепенно уступала место лёгкому румянцу.

Она сидела с закрытыми глазами, чуть склонив голову, и на её лице появлялось выражение такого глубокого облегчения, что он невольно задержал взгляд.

А потом она улыбнулась.

Совсем немного.

Одними уголками губ.

И Ашер вдруг перестал думать об эксперименте.

Он смотрел на неё.

На длинные ресницы, отбрасывавшие тень на щёки. На густые каштановые волосы, свободно спадавшие на плечи. На тонкие пальцы, обхватившие его ладонь так осторожно, словно она боялась случайно причинить ему вред.

За прошедшие дни он успел привыкнуть к её красоте.

Во всяком случае, так ему казалось.

Он уже знал, как меняется оттенок её глаз на солнце, как она щурится, когда чем-нибудь недовольна, как лениво потягивается после долгого чтения и бессознательно выбирает самое тёплое место в комнате.

Знал её привычку склонять голову набок, прислушиваясь к незнакомой мелодии.

Помнил, как она рассмеялась над его первой шуткой на лесной дороге, хотя едва держалась в сознании.

Как стояла перед витриной с совершенно обыкновенными чашками и смотрела на них так, словно обнаружила сокровище.

Как поднимала голову, услышав его возвращение.

Иногда он сознательно позволял себе небольшие вольности.

Придерживал её чуть дольше необходимого. Садился достаточно близко, чтобы она замечала это. Задерживал взгляд, когда ей хотелось отвернуться, и с удовольствием наблюдал, как на её щеках появляется румянец.

Её смущение было очаровательным.

И чрезвычайно забавным.

Ашер всегда знал, какое впечатление производит на женщин, и не видел причин отказываться от столь невинного удовольствия.

Но теперь, когда Эрия сидела напротив и медленно, доверчиво брала у него то, в чём нуждалась, всё происходящее внезапно перестало казаться привычной игрой.

Он ощутил собственное сердце.

Сначала просто заметил его удары.

Затем понял, что они стали чаще.

Невиданная глупость.

Он прекрасно владел собой. Умел сохранять спокойствие при обстоятельствах гораздо более неприятных, чем близость красивой девушки. И уж совершенно точно не относился к мужчинам, которые теряют голову после нескольких дней приятного знакомства.

Но Эрия медленно открыла глаза.

И посмотрела на него.

Ашер замер.

Её зрачки были немного расширены, а радужки казались почти золотыми. На губах оставалась слабая улыбка. Она выглядела счастливой — так просто и непосредственно, что в нём неожиданно шевельнулось желание коснуться её лица.

Не ради ответа.

Не ради того, чтобы посмотреть, как она смутится.

Просто коснуться.

Он мог бы этого не делать.

Мог откинуться на спинку дивана и предложить ей закончить.

Всё было бы совершенно естественно.

Вместо этого Ашер медленно поднял свободную руку.

* * *

Эрия почувствовала прикосновение к щеке.

И открыла глаза полностью.

Ашер смотрел на неё.

Так внимательно, что она на мгновение забыла о том, чем занимается.

Его пальцы осторожно коснулись её подбородка, затем переместились выше, к скуле. Большой палец едва заметно скользнул по коже возле уголка рта.

Эрия перестала дышать.

Энергия, которую она получала, вдруг изменилась.

Не по вкусу.

По силе.

Желание Ашера, прежде тёплое и довольно спокойное, словно вспыхнуло изнутри.

Сладость стала гуще.

Терпкость — глубже.

Она почувствовала, как в груди разливается новое тепло, и непроизвольно сжала его руку.

— Ашер?..

Он не ответил сразу.

Его взгляд опустился к её губам.

Эрия заметила, как расширились его зрачки.

Медленно.

Почти незаметно.

И вдруг поняла, что расстояние между ними стало значительно меньше.

Ашер наклонился.

Она могла бы отстраниться.

Наверное.

Могла бы задать вопрос или просто напомнить, что они собирались заниматься совсем другим.

Но Эрия не захотела.

Она смотрела на его лицо, чувствуя, как собственное сердце бьётся всё быстрее.

Когда он остановился совсем близко, она сама чуть подалась ему навстречу.

И Ашер поцеловал её.

Сначала осторожно.

Его губы коснулись её губ мягко, почти вопросительно, и Эрия замерла от неожиданности.

Это было совсем не похоже на то, что она представляла.

В книгах поцелуи часто описывали как нечто стремительное, оглушительное, способное мгновенно лишить человека способности мыслить. Но первые несколько мгновений она чувствовала главным образом тепло.

Приятное прикосновение.

Лёгкое движение чужих губ.

И собственное невероятное смущение.

Она не знала, как ответить.

Попыталась немного повернуть голову, неудачно изменила положение и едва не столкнулась с ним носом.

Ашер отстранился на несколько сантиметров.

Эрия открыла глаза.

На его лице мелькнула улыбка.

Не насмешливая.

Совсем другая.

— Всё хорошо? — тихо спросил он.

Она кивнула.

Щёки горели.

— Да.

Он смотрел на неё ещё мгновение.

Потом осторожно провёл пальцами по её волосам, убирая прядь за ухо.

Эрия почувствовала, как ладонь задержалась возле затылка.

И, когда он снова наклонился, уже не стала ждать.

Она сама потянулась к нему.

Второй поцелуй оказался совсем другим.

Ашер не торопился. Он словно позволял ей привыкнуть к непривычной близости, осторожно направляя её движения собственными. Эрия почувствовала, как можно ответить, как слегка повернуть голову, как не сжимать губы от смущения.

Его рука скользнула от щеки к затылку, мягко придерживая её, а пальцы другой всё ещё были переплетены с пальцами Эрии.

Эрия вздрогнула.

Не от страха.

Просто сразу стало слишком много ощущений.

Тепло его ладони.

Шелест ткани.

Близость лица.

Его дыхание, касавшееся её щеки, когда они на мгновение отстранялись друг от друга.

Она не знала, куда деть свободную руку, и сначала неловко положила её ему на плечо. Потом пальцы сами нашли край его воротника.

Ашер тихо выдохнул.

Эрия почувствовала этот выдох почти так же отчётливо, как прикосновение.

Он поцеловал её снова.

Дольше.

Его губы теперь двигались увереннее, но всё ещё удивительно нежно. Эрия осторожно отвечала, постепенно переставая думать о том, правильно ли всё делает.

И именно тогда вкус взорвался.

Она не нашла бы другого слова.

Желание Ашера, которое прежде текло к ней осторожным, управляемым потоком, внезапно стало таким сильным, что Эрия едва не потеряла сосредоточение.

Мёд.

Терпкая, тёплая сладость.

Что-то густое, обволакивающее, с горьковатой нотой, которая лишь усиливала удовольствие.

Но теперь к знакомому вкусу добавилось ощущение совершенно невероятной близости.

Он был не где-то напротив.

Не за серебристым стеклом.

Не на расстоянии, которое нужно преодолеть магией.

Он целовал её.

И его желание рождалось здесь, сейчас, между ними.

Эрия почувствовала, как от него к ней хлынула энергия.

Она не успела даже подумать о том, чтобы взять больше.

Просто приоткрыла себя навстречу — и тепло разлилось по телу с такой силой, что на несколько мгновений исчезло всё остальное.

Боль под рёбрами растворилась.

Слабость ушла.

Дрожь превратилась в приятное, почти невесомое покалывание.

Кончики пальцев согрелись.

Она почувствовала себя удивительно живой.

Будто после долгой болезни вышла на солнце и впервые смогла вдохнуть полной грудью.

Эрия тихо выдохнула ему в губы.

Ашер медленно выпустил её руку и обнял за талию.

И это движение вызвало новый всплеск.

Она невольно подалась ближе.

Не столько из-за голода, сколько потому, что ей вдруг совершенно не хотелось оставлять между ними даже это небольшое расстояние.

Её рука скользнула по его плечу, пальцы осторожно коснулись шеи.

Ашер замер на мгновение.

Потом поцеловал её ещё раз.

Медленно.

Глубоко.

С той нежной настойчивостью, от которой у Эрии окончательно перестали складываться связные мысли.

Она отвечала неумело, иногда сбиваясь, иногда слишком поспешно пытаясь повторить его движение. Но постепенно в этой неловкости появилось что-то собственное, удивительно искреннее. Она больше не старалась угадать, как следует целоваться.

Просто делала то, чего ей хотелось.

И Ашер отвечал.

Эрия чувствовала его желание каждой частицей своего существа.

Но теперь ей было почти невозможно отделить насыщение от самого поцелуя.

Тело радовалось энергии.

А она сама — его губам.

Тому, как он держал её лицо.

Как иногда чуть отстранялся, позволяя вдохнуть, и снова возвращался.

Тому, что его рука оставалась у неё на талии, а пальцы другой медленно перебирали волосы возле затылка.

Она не знала, сколько это продолжалось.

Минуту.

Несколько.

Время утратило привычное значение.

И только когда Ашер наконец медленно отстранился, Эрия поняла, что совершенно перестала следить за количеством энергии.

Она испуганно прислушалась к себе.

Голод исчез.

Полностью.

Вместо него осталось глубокое, приятное тепло.

Она была сыта.

Настолько, насколько, кажется, не бывала уже очень давно.

И всё же, когда Ашер убрал ладонь с её щеки, она почувствовала почти детское разочарование.

Ей хотелось, чтобы он продолжил.

* * *

Ашер ещё несколько мгновений не двигался.

Его рука оставалась на талии Эрии, а дыхание было немного глубже обычного.

Он смотрел на её лицо.

На припухшие от поцелуя губы.

На широко раскрытые золотистые глаза, в которых одновременно читались счастье, удивление и такое откровенное смущение, что он невольно улыбнулся.

Что за чёрт.

Он совершенно не собирался её целовать.

Эта мысль была настолько очевидной, что почти раздражала.

Всё начиналось как безобидное испытание её необычной способности. Он хотел почувствовать, что происходит, задать несколько вопросов, возможно, посмеяться над её невероятной серьёзностью.

Но в какой-то момент перестал наблюдать.

Перестал выбирать слова.

Просто увидел, как она открывает глаза, как смотрит на него, как на губах появляется слабая, счастливая улыбка.

И захотел поцеловать.

Причём настолько сильно, что мысль об осторожности показалась совершенно неуместной.

Теперь он сидел рядом с ней, чувствуя на губах остаток её тепла, и с неприятным удивлением понимал, что желание не исчезло.

Напротив.

Ему хотелось снова наклониться к ней.

Посмотреть, как она поднимет лицо навстречу.

Почувствовать, как её пальцы осторожно коснутся его шеи.

Ашер медленно убрал руку с её талии.

Эрия наблюдала за ним.

Её глаза всё ещё сияли.

— Вам не больно? — спросила она вдруг.

Он моргнул.

— Что?

— Когда я… брала энергию.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

Потом покачал головой.

— Нет.

Она облегчённо улыбнулась.

— Хорошо.

И добавила, чуть смущённо:

— Я, кажется, взяла больше, чем собиралась.

Он вспомнил ощущение.

Как что-то внутри него тянулось к ней, мягко, настойчиво, словно она касалась не кожи, а самой глубины какого-то внутреннего движения. В какой-то момент поток действительно усилился, став почти осязаемым.

Но ничего неприятного в этом не было.

Напротив.

Странное ощущение отдачи смешалось с собственным желанием и сделало происходящее ещё более необычным.

— Я заметил, — произнёс он.

Эрия виновато опустила глаза.

— Простите.

— Эрия, кажется, мы договорились, что вы будете предупреждать, если что-то пойдёт не так. Насколько я понимаю, ничего страшного не произошло?

Она покачала головой.

— Нет. Всё прекрасно.

И улыбнулась.

Так открыто, так счастливо, что Ашер на мгновение почувствовал новое, совершенно неуместное желание снова коснуться её лица.

Он сдержался.

Эрия тем временем осторожно провела пальцем по собственной нижней губе.

Потом подняла глаза.

— Ашер?

— Да?

Она смутилась.

Снова опустила взгляд.

Он терпеливо ждал.

— Можно кое-что сказать?

В уголках его губ появилась улыбка.

— После сегодняшнего вечера я начинаю сомневаться, что способен запретить вам что-либо говорить.

Эрия тихо рассмеялась.

Потом вдруг стала серьёзной.

— Я раньше никогда не целовалась.

Улыбка исчезла с его лица.

Не постепенно.

Сразу.

Ашер смотрел на неё, словно не вполне расслышал.

— Что?

Эрия почувствовала, как начинают гореть щёки.

— Я никогда раньше не целовалась, — повторила она тише.

Несколько мгновений он молчал.

Она не понимала, почему его лицо так изменилось.

Сначала в нём мелькнуло удивление.

Потом что-то другое.

Более сложное.

Ашер медленно откинулся на спинку дивана.

— Никогда?

Эрия покачала головой.

— Нет.

Он помолчал.

— Сколько вам лет, Эрия?

Она удивилась вопросу, но ответила:

— Восемнадцать. Совсем недавно исполнилось.

Ашер задержал на ней взгляд.

На её совершенно искреннем смущении.

На том, как она осторожно прикусила губу, будто теперь сожалела о собственном признании.

И вдруг всё произошедшее приобрело иной вес.

Он знал, что Эрия неопытна.

Это было очевидно по множеству мелочей: по тому, как она реагировала на его прикосновения, как смущалась, когда разговор приобретал двусмысленный оттенок, как внимательно смотрела на него, пытаясь разгадать то, что другие женщины давно воспринимали совершенно естественно.

Но одно дело — замечать неопытность.

И совсем другое — внезапно понять, что она только что впервые в жизни позволила мужчине поцеловать себя.

Ему.

Человеку, которого знала меньше недели.

Ашер почувствовал неприятную ясность.

Он воспринимал её смущение как часть лёгкой игры.

А для неё всё происходило впервые.

Он вспомнил, как она неловко попыталась ответить на первый поцелуй, как замерла от прикосновения к талии, как осторожно положила руку ему на плечо.

И понял, что должен был догадаться.

Хотя бы спросить.

Но не спросил.

Потому что в тот момент ему просто захотелось её поцеловать.

И он сделал это.

Эрия наблюдала за ним.

Её счастливая улыбка постепенно исчезала.

— Я что-то не так сказала?

Ашер поднял глаза.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком коротко.

Она смутилась ещё сильнее.

— Просто я подумала, что вам, наверное, стоит знать.

Он медленно выдохнул.

— Да. Пожалуй.

Эрия опустила взгляд на собственные руки.

Теперь он казался ей совершенно другим.

Не сердитым.

Но каким-то отдалившимся.

Ещё минуту назад Ашер был так близко, его губы касались её губ, а руки держали её с удивительной нежностью. Теперь между ними снова появилось пространство, и он смотрел на неё с той спокойной, немного отстранённой внимательностью, которую она замечала у него во время деловых разговоров.

Ей стало неприятно.

— Вам не понравилось? — тихо спросила она.

Он посмотрел на неё резко, почти удивлённо.

— Что?

Эрия покраснела.

— Поцелуй.

Ашер несколько мгновений молчал.

Потом чуть усмехнулся.

— Эрия, поверьте, дело совершенно не в этом.

Она подняла глаза.

— Тогда в чём?

Он не ответил сразу.

Снова посмотрел на её лицо.

На золотистые глаза, в которых теперь появилась тревога.

И почувствовал странное раздражение.

Не на неё.

На самого себя.

Потому что вопрос был совершенно справедливым.

А объяснить свой ответ так, чтобы не сказать лишнего, оказалось неожиданно трудно.

— Я не знал, что это ваш первый поцелуй, — произнёс он наконец.

— Я понимаю.

— И, возможно, мне следовало вести себя немного осторожнее.

Эрия удивлённо моргнула.

— Но вы были очень осторожны.

Он посмотрел на неё.

Она произнесла это совершенно серьёзно.

Не пытаясь его успокоить.

Просто сообщая то, что действительно думала.

И от этого Ашеру захотелось закрыть глаза.

Всего на секунду.

Собраться с мыслями.

Вместо этого он поднялся.

— Вам лучше отдохнуть.

Эрия осталась сидеть.

— Уже?

— Сегодня вы были на ногах почти весь день. И, насколько я помню, ещё несколько часов назад едва держались в сознании.

Она осторожно коснулась собственной груди.

— Но теперь мне гораздо лучше.

— Тем не менее.

Его голос был спокойным.

Почти деловым.

Эрия не знала, что ответить.

Ашер взял со столика пустой стакан, который она оставила после воды.

— Я принесу вам ещё воды. И, если понадобится, что-нибудь поесть.

Она покачала головой.

— Я не голодна.

Он посмотрел на неё.

На мгновение в его глазах мелькнула знакомая насмешливость.

— Рад слышать, что эксперимент оказался успешным.

Обычно Эрия непременно ответила бы на такую реплику.

Но сейчас только слабо улыбнулась.

Ашер заметил.

И, кажется, сам остался недоволен собственными словами.

Он поставил стакан обратно.

— Эрия.

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы ничего плохого не сделали.

Она смотрела на него.

Он немного помолчал.

— И я не сержусь.

Эрия почувствовала облегчение.

Но не полное.

— Хорошо.

Ашер кивнул.

— Тогда спокойной ночи.

Она улыбнулась.

— Спокойной ночи.

Он направился к коридору.

И только когда скрылся за поворотом, Эрия обнаружила, что всё ещё сидит неподвижно, прижимая ладонь к собственным губам.

* * *

Ашер остановился возле окна в своём кабинете.

Город за стеклом сиял огнями.

Где-то далеко двигались машины, над крышами медленно проплывали редкие облака, а в соседних зданиях загорались и гасли окна.

Он смотрел на всё это, почти ничего не замечая.

На губах всё ещё оставалось воспоминание о поцелуе.

А в ладони — странное ощущение её пальцев.

Тёплых.

Немного дрожащих.

И удивительно доверчивых.

Ашер медленно провёл рукой по лицу.

Первый.

Он негромко усмехнулся.

Конечно.

Разумеется, именно так.

Мало того, что он совершенно неожиданно позволил себе увлечься девушкой, которая едва успела освоиться в его доме. Теперь выяснилось, что для неё произошедшее имело значение, о котором он даже не задумался.

Её признание до сих пор звучало у него в голове.

Я раньше никогда не целовалась.

Он помнил выражение её лица.

Не смущённое одной только неопытностью.

Счастливое.

Она сказала ему об этом так, словно делилась чем-то драгоценным.

А он в ответ встал и предложил ей отправляться спать.

Ашер поморщился.

Превосходно.

Настоящий образец обаяния.

Но возвращаться сейчас в гостиную было бы ещё глупее.

Ему требовалось немного времени.

Не для того, чтобы разобраться в Эрии.

С ней всё было удивительно просто.

Она хотела получить помощь, доверилась ему и неожиданно пережила нечто, чего прежде не знала.

Гораздо сложнее оказалось разобраться в себе.

Ашер снова вспомнил её губы.

Тот момент, когда она впервые осторожно ответила.

Как прижалась ближе.

Как его собственное сердце вдруг забилось чаще, хотя для этого не существовало ни одной разумной причины.

Он любил красивые вещи.

Любил удовольствие.

Ценил всё, что позволяло жизни оставаться интересной.

И никогда особенно не стыдился собственных желаний.

Но сегодняшнее желание оказалось неприятно самостоятельным.

Оно возникло не тогда, когда он решил ему позволить.

И не исчезло, когда он счёл необходимым остановиться.

Ашер посмотрел на отражение собственного лица в тёмном стекле.

Потом негромко рассмеялся.

Без особенного веселья.

— Прекрасно, — пробормотал он.

И наконец отошёл от окна.

* * *

Эрия ещё некоторое время оставалась в гостиной.

Она не знала, сколько именно.

Сначала пыталась вспомнить весь разговор после поцелуя, каждое выражение лица Ашера, каждую его интонацию.

Потом устала.

Поднялась с дивана и медленно прошла к окну.

За стеклом мерцал ночной город.

Сегодня она впервые по-настоящему гуляла по его улицам.

Ела в кафе, рассматривала витрины, покупала книги, слушала уличного музыканта. Увидела столько нового, что ещё утром не могла представить, как всё это уместится в одном дне.

И всё же теперь, стоя перед огромным окном, Эрия почти не думала о городе.

Она осторожно коснулась губ.

Вспомнила первое прикосновение.

Как испугалась собственной неловкости.

Как Ашер улыбнулся и спросил, всё ли хорошо.

Как потом поцеловал ещё раз.

Эрия почувствовала, что краснеет.

Она оглянулась.

В гостиной никого не было.

И всё равно стало неловко.

Она тихонько рассмеялась над собой.

Затем направилась в спальню.

* * *

В постели было тепло.

Эрия устроилась на боку, подложив ладонь под щёку, и некоторое время смотрела на полоску света, пробивавшуюся из-под неплотно закрытых штор.

Тело чувствовало себя замечательно.

Больше никакой боли под рёбрами.

Никакой мучительной пустоты.

Ни слабости, ни дрожи.

Она была совершенно сыта.

Даже слишком, если сравнивать с обычным состоянием после кормления.

Энергия Ашера оказалась необыкновенно насыщенной. Теперь она мягко разливалась по телу, согревая мышцы, возвращая ясность мыслям и оставляя после себя приятное ощущение полноты.

Эрия знала, что ещё долго не будет испытывать настоящего голода.

Наверное, несколько дней.

Возможно, даже больше.

Она закрыла глаза.

И снова вспомнила поцелуй.

Не вкус.

Не то, как энергия хлынула к ней, затопив тело неожиданным теплом.

Совсем другое.

Его ладонь возле её щеки.

То, как он осторожно убрал волосы за ухо.

Тихий выдох, когда она впервые коснулась его шеи.

Его губы.

Медленные, тёплые, уверенные.

И собственное желание приблизиться ещё немного.

Эрия перевернулась на спину.

Посмотрела в потолок.

Потом снова на бок.

Она вдруг вспомнила, как Ашер отстранился после её признания.

Как изменилось выражение его лица.

Он сказал, что не сердится.

Сказал, что она ничего плохого не сделала.

И Эрия ему верила.

Но почему-то ей всё равно хотелось узнать, о чём он тогда подумал.

Может быть, ему просто стало неловко.

Или он решил, что поцелуй был ошибкой.

От последней мысли стало неприятно.

Она нахмурилась.

Но ведь он сам меня поцеловал.

Это немного утешало.

Он ведь действительно сам.

Она не просила.

Не пыталась его уговорить.

Даже не представляла, что такое может произойти.

Эрия вспомнила, как Ашер смотрел на неё перед первым поцелуем.

И улыбнулась.

Потом спрятала лицо в подушку.

Она прочитала сотни романов, в которых люди влюблялись, расставались, ревновали, страдали и совершали совершенно невероятные поступки ради одного прикосновения.

Иногда подобные истории казались ей чрезмерными.

Теперь она начинала понимать их немного лучше.

Эрия осторожно провела кончиком пальца по нижней губе.

Ей хотелось снова почувствовать его поцелуй.

Не ради насыщения.

Не потому, что тело требовало энергии.

Голод исчез.

От него не осталось почти ничего.

Но желание повторить случившееся оказалось удивительно сильным.

Она хотела снова увидеть его лицо совсем близко.

Почувствовать его руку на своей щеке.

Услышать, как меняется дыхание, когда между ними почти не остаётся расстояния.

И снова поцеловать его.

Просто потому, что ей понравилось.

Эрия улыбнулась в темноте.

Затем, немного смутившись даже перед самой собой, крепче обняла подушку.

Утром она ещё не знала, каким бывает первый поцелуй.

А теперь лежала в чужом доме, совершенно сытая, счастливая и немного растерянная, пытаясь понять, как скоро сможет испытать это снова.

И самое удивительное заключалось в том, что она совершенно не хотела снова проголодаться.

Ей хотелось поцеловать Ашера и без этого.

С этой мыслью Эрия наконец закрыла глаза.

И заснула с едва заметной улыбкой.

Глава 5. Дистанция

Лес прочёсывали уже четвёртый раз.

Гинта остановилась возле поваленной ели, провела ладонью по влажной коре и медленно закрыла глаза.

Воздух пах прелыми листьями, грибами и холодной землёй. Где-то неподалёку журчала вода. Ветер шевелил верхушки деревьев, срывая с ветвей первые пожелтевшие иголки. Обычный осенний лес, знакомый ей до последней тропинки.

За много лет она исходила его вдоль и поперёк.

Знала, где весной разливается ручей, какие низины остаются заболоченными даже в сухое лето, где растёт старый дуб, в дупле которого несколько лет подряд селились белки.

Теперь всё это казалось совершенно бесполезным.

Гинта опустилась на колено и положила ладонь на землю.

Под пальцами медленно проступили тонкие серебристые линии.

Она произнесла несколько слов на языке, которым не пользовалась в присутствии Эрии. Звуки получились низкими, почти гортанными. На мгновение воздух вокруг потяжелел, лес словно притих, а затем привычные запахи начали отступать, уступая место другим — гораздо более слабым, недоступным человеческому восприятию.

Следам живых существ.

Олень проходил здесь вчера вечером. Лиса — незадолго до рассвета. У корней ели несколько часов назад копалось какое-то небольшое животное.

Гинта различала их присутствие так же легко, как человек различает знакомые голоса.

Она искала другое.

Магия медленно расходилась по земле, захватывая всё более широкий участок. Гинта сосредоточилась, отсекая посторонние отклики.

Ей не требовалось вспоминать, как ощущалась Эрия.

За столько лет девушка стала для неё одной из самых узнаваемых живых сущностей в мире.

Её присутствие всегда было необычным — насыщенным, сложным, с той особенной глубиной, которую Гинта не встречала у других представителей её вида. Даже в детстве, когда способности Эрии ещё почти не проявлялись, в ней ощущалось нечто удивительно сильное.

Гинта когда-то научилась находить девочку в доме, даже не заглядывая в комнаты.

Обычно это оказывалось чрезвычайно полезным.

Особенно когда Эрия, вместо того чтобы отправиться на занятия, устраивалась где-нибудь с книгой и делала вид, что совершенно не слышит, как её зовут.

Гинта вспомнила об этом и почувствовала, как неприятно сжалось что-то под рёбрами.

Серебряные линии угасли.

Ничего.

Она ещё некоторое время стояла неподвижно, затем поднялась и отряхнула ладонь.

— Госпожа Гинта?

Мужчина, ожидавший неподалёку, приблизился на несколько шагов.

Он принадлежал к числу существ, которых Варен привлёк к поискам ещё в первые сутки. Высокий, худощавый, с неприметным лицом и способностями, позволявшими восстанавливать остаточные следы магического воздействия.

За последние два дня Гинта успела возненавидеть его неизменно почтительный тон.

— Что? — спросила она.

— Северный участок проверен. Ничего нового.

— У ручья?

— Тоже.

— А противоположный берег?

— Дважды.

Она стиснула зубы.

— Значит, проверите в третий раз.

Мужчина посмотрел на неё, но возражать не стал.

— Разумеется.

Он удалился.

Гинта проводила его взглядом и медленно выдохнула.

Она понимала, что несправедлива.

Люди и демоны, собранные Вареном, работали практически без отдыха. Они обследовали лес, дороги, овраги, старые охотничьи тропы. Искали следы обуви, обрывки ткани, волосы, остаточные магические отпечатки.

В первые сутки удалось установить довольно многое.

Эрия действительно пересекла защитную границу.

Неподалёку от двух старых елей обнаружились следы лёгкой обуви, отпечатавшиеся во влажной земле. Чуть дальше — сломанная ветка. Ещё дальше — примятый мох и несколько повреждённых молодых побегов.

Гинта сама нашла эти следы.

Тогда она почти обрадовалась.

Девушка не исчезла бесследно. Она просто ушла в лес.

Наверняка увлеклась прогулкой, забыла о времени, а потом не сумела найти дорогу назад.

Это было до такой степени похоже на Эрию, что Гинта позволила себе на мгновение улыбнуться.

Она уже представляла, как приведёт её домой, заставит принять ванну, переодеться и выпить горячего чаю.

А потом непременно отругает.

Очень обстоятельно.

Но следы вели всё дальше.

И постепенно становились всё менее различимыми.

На следующий день их ещё удавалось восстанавливать с помощью магии. Потом начали возникать странные пропуски, будто между отдельными участками пути не существовало никакой связи.

Сначала Адель объяснял это особенностями местности.

Затем — изменившимися погодными условиями.

На третий день перестал объяснять.

И Гинта поняла, что дело плохо.

Она медленно направилась обратно.

До дома было достаточно далеко, но возвращаться по обычной дороге не требовалось. Гинта остановилась между двумя деревьями, коснулась пальцами ствола одного из них и произнесла короткую формулу.

Воздух перед ней дрогнул.

Пространство словно сложилось, приблизив далёкие очертания знакомой садовой дорожки.

Через мгновение Гинта вышла из-за кустов возле старого фонтана.

В саду было тихо.

На скамье под дубом больше не лежала книга.

Гинта убрала её в библиотеку ещё в день исчезновения.

Она помнила, как нашла том раскрытым, с несколькими загнувшимися от ветра страницами. Рядом на камне лежал кардиган, который Эрия, по-видимому, сняла, когда стало тепло.

Девушка никогда не бросала книги под открытым небом.

Даже когда торопилась.

Гинта тогда впервые по-настоящему испугалась.

Теперь она остановилась возле скамьи, машинально поправила лежавшую на ней подушку и направилась к дому.

В кухне пахло яблоками.

На столе стояла большая плетёная корзина с последними плодами, собранными в саду. Гинта собиралась испечь пирог, но так и не добралась до теста.

Она сняла испачканный плащ, вымыла руки и некоторое время стояла возле раковины, глядя на воду.

Затем открыла шкаф и достала чашку.

Белую, с маленькими нарисованными кроликами.

Любимую чашку Эрии.

Гинта поставила её на стол.

Посмотрела.

И сердито убрала обратно.

* * *

Варен прибыл незадолго до семи.

На этот раз его приезд не сопровождался привычными приготовлениями.

В прихожей не зажигали дополнительные светильники, Гинта не доставала парадный сервиз, а Адель не счёл необходимым переодеться к ужину.

Варен ничего этого не заметил.

Или не придал значения.

Он вошёл в дом, снял перчатки и передал пальто Гинте.

— Что-нибудь новое?

Она покачала головой.

— К сожалению, нет, господин Варен.

Он задержал на ней взгляд.

Гинта выглядела усталой.

Для существа её природы это было необычно. Она могла обходиться без сна значительно дольше людей, быстро восстанавливалась после физических нагрузок и вообще редко позволяла себе демонстрировать слабость.

Сейчас под её глазами залегли тени, а тёмные волосы, обычно собранные в безупречный узел, выбились несколькими прядями возле висков.

— Вы сегодня отдыхали?

— В этом не было необходимости.

— Я задал другой вопрос.

Гинта опустила глаза.

— Нет.

Варен некоторое время молчал.

— Вы не принесёте ей пользы, если истощите себя раньше, чем найдёте.

— Я понимаю.

— Тогда распорядитесь, чтобы вас сменили.

— Но…

— Гинта.

Он произнёс её имя негромко.

Женщина замолчала.

— Вы сделали всё, что могли, — продолжил Варен. — Я не сомневаюсь в вашем усердии. Однако сейчас нам необходима ясность суждений, а не ещё несколько часов бесплодных поисков.

Она кивнула.

Варен протянул ей перчатки, которые она всё ещё держала в руках.

— И поешьте что-нибудь.

Гинта подняла глаза.

На мгновение в её лице появилось выражение, почти похожее на благодарность.

— Конечно, господин.

Он направился в кабинет.

Только когда дверь за ним закрылась, Гинта обнаружила, что по-прежнему стоит посреди прихожей с его перчатками в руках.

* * *

На большом столе лежали карты.

Адель подготовил их ещё до приезда Варена.

Несколько подробных изображений окружающей местности, распечатки со спутниковыми снимками, схемы дорог и населённых пунктов. Поверх карт тянулись линии разных цветов, отмечавшие обследованные территории и предполагаемые направления движения Эрии.

В центре находился небольшой серебряный диск.

Над его поверхностью колебалось слабое золотистое свечение.

Варен остановился возле стола.

— Начнём с главного.

Адель кивнул.

— Жизненный отклик сохраняется. Последняя проверка проведена сорок минут назад.

— Стабильный?

— Да.

— Изменения интенсивности?

— В пределах допустимых колебаний. Признаков угасания нет.

Варен посмотрел на диск.

Свет медленно пульсировал, почти незаметно меняя насыщенность.

Золотистый.

Живой.

Он не был непосредственно связан с Эрией. Для проверки Адель использовал сохранённые образцы её магической энергии, собранные во время прежних занятий. Они позволяли определить, сохраняется ли соответствующий жизненный источник, но не устанавливать его местоположение.

Варен хорошо знал ограничения подобных методов.

И никогда прежде не считал нужным предпринимать дополнительные меры.

Эрия жила в защищённом доме.

Её безопасность обеспечивали два опытных демона, многочисленные заклятия и сложная система наблюдения.

Она не могла покинуть территорию без разрешения.

Даже если бы захотела.

А главное — она никогда всерьёз не пыталась этого сделать.

Варен медленно взял диск.

Свечение чуть усилилось, откликаясь на прикосновение.

Он некоторое время смотрел на него.

Потом поставил обратно.

— Продолжайте.

Адель перевернул одну из карт.

— Мы восстановили маршрут до восточного ручья. Далее след фрагментируется. Несколько точек удалось подтвердить физическими признаками, однако связать их в непрерывную последовательность не получилось.

— Почему?

— Пока не установлено.

— Вы говорили о воздействии воды.

— Да. В первоначальном отчёте.

— Теперь?

Адель помолчал.

— Теперь я не считаю это достаточным объяснением.

Варен поднял глаза.

— Что именно вас смущает?

— Характер исчезновения следа.

Адель указал на несколько отметок.

— Здесь мы получили отчётливый отклик. В этом месте тоже. Между ними расстояние немногим больше километра. Но промежуточная территория не содержит ничего, что мы могли бы связать с Эрией.

— Она могла воспользоваться магией?

— Теоретически. Но её подготовка не включала пространственные перемещения на такие расстояния. Кроме того, любой подобный переход должен был оставить остаточный след.

— Которого нет.

— Именно.

Варен посмотрел на карту.

— А если кто-то перенёс её?

— Мы проверяли эту возможность. Следов внешнего перемещения также не обнаружено.

— Значит, вы не можете подтвердить ни то, что она продолжала двигаться самостоятельно, ни то, что ей кто-то помог.

Адель слегка напрягся.

— К сожалению.

Варен откинулся на спинку кресла.

Он не любил неопределённости.

Не потому, что она его пугала. За долгую жизнь ему не раз приходилось принимать решения, располагая лишь обрывками сведений.

Но неопределённость всегда имела причину.

И причины следовало устанавливать.

— Что с защитой?

Адель открыл другую папку.

— Полностью восстановлена. Сейчас система функционирует нормально.

— Меня интересует не её текущее состояние.

— Разумеется.

Мужчина положил перед ним несколько листов.

— Мы проверили все опорные узлы. Повреждений нет. Следов вмешательства в структуру заклятия тоже.

— Однако граница исчезла.

— На некоторое время.

— И вы не знаете почему.

— Нет.

Варен опустил взгляд на отчёт.

Несколько мгновений он изучал расчёты.

Адель был превосходным специалистом.

Не самым приятным собеседником, не особенно гибким в общении и временами чрезмерно уверенным в собственной правоте. Но Варен ценил его именно за то, что тот не склонен подменять точность удобными объяснениями.

Если Адель сообщал, что не может определить причину нарушения, это означало, что привычными средствами она действительно не определялась.

Варен перевернул страницу.

— Вы исключили внутренний сбой?

— Практически.

— Практически?

Адель выпрямился.

— Господин Варен, я не могу исключить явление, природа которого мне неизвестна.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Затем Варен слегка кивнул.

— Справедливо.

Он закрыл папку.

— Что удалось установить обычными средствами?

Адель перешёл к следующей карте.

Обследовали дороги, ведущие от леса. Проверили ближайшие населённые пункты, больницы, гостиницы, автобусные остановки и железнодорожные станции. Через доверенных людей получили сведения о неопознанных пациентах, происшествиях на дорогах и девушках, подходящих под описание Эрии.

Варен подключил к поискам службы, которыми обычно пользовался для совершенно иных целей.

Некоторые распоряжения были выполнены ещё до того, как официальные запросы успели пройти необходимые согласования.

Один человек даже попытался выяснить, по какому праву частное лицо получает доступ к определённым сведениям.

Варен велел передать ему соответствующие документы.

Больше вопросов не возникало.

Но результатов это не принесло.

— Девушку с подобной внешностью видели на двух дорогах, — продолжал Адель. — Оба сообщения проверены. Ни одно не подтвердилось.

— Автомобили?

— Мы изучаем записи с камер на основных направлениях. Часть дорог проходит через лесные участки, где наблюдение отсутствует.

— Придорожные заведения?

— Проверяются.

Варен задумчиво провёл пальцем вдоль одной из линий.

— Она могла попросить помощи у водителя.

— Да.

— Вероятно, именно так и поступила бы, если оказалась бы ранена или не смогла продолжать путь.

— Согласен.

— А если добралась до населённого пункта самостоятельно?

— Тогда появление девушки без документов и денег рано или поздно должно было привлечь внимание.

Варен ненадолго прикрыл глаза.

Без документов.

Без денег.

Без элементарного представления о том, как устроена самостоятельная жизнь.

В доме Эрия умела практически всё, что ей действительно требовалось.

Она прекрасно читала на нескольких языках, обладала удивительной памятью, разбиралась в истории, литературе, искусстве. Могла часами обсуждать самые неожиданные предметы и неизменно находила вопросы, которые даже Варену казались любопытными.

Но он сильно сомневался, что она умеет самостоятельно покупать билет на поезд.

Или выбирать гостиницу.

Или хотя бы понимать, кому можно доверять в незнакомом городе.

Её никогда не учили подобным вещам.

В этом не было необходимости.

До сих пор.

— Господин Варен?

Он открыл глаза.

— Да?

— Есть ещё одно обстоятельство.

Адель положил на стол фотографию, сделанную возле защитной границы.

— Первые следы соответствуют тому, что девушка покинула территорию самостоятельно. Признаков принуждения мы не обнаружили.

Варен посмотрел на снимок.

На влажной земле отпечаталась маленькая подошва.

Он узнал обувь.

Гинта покупала эти туфли весной.

Эрия тогда заявила, что они недостаточно удобны для прогулок по саду, но всё равно продолжала их носить, поскольку ей нравился цвет.

Варен помнил этот разговор.

Совершенно незначительный.

Один из сотен, которые он обычно забывал через несколько дней.

Теперь память услужливо восстановила даже выражение её лица.

Она сидела в кресле, подобрав ноги, и возмущённо объясняла, что красивая обувь совершенно не обязана быть неудобной.

Он тогда посоветовал ей заказать другую пару.

Она ответила, что эти уже успела полюбить.

Варен медленно положил фотографию.

— Вы полагаете, она решила сбежать?

Адель осторожно подбирал слова.

— Я полагаю, что первоначально она вышла из дома по собственной воле.

— Это не одно и то же.

— Разумеется.

Варен некоторое время молчал.

Нет.

Он не верил, что Эрия заранее готовила побег.

Она не умела скрывать подобные намерения.

Когда ей хотелось получить новую книгу, раньше закончить занятие или провести вечер за фортепиано, она обычно спрашивала об этом прямо. Если получала отказ, могла надуться, поспорить, попытаться добиться своего другим способом.

Но ей редко приходило в голову действовать исподтишка.

Впрочем, иногда она всё же действовала.

Варен вспомнил, как однажды Гинта обнаружила девочку в закрытой части библиотеки.

Эрии тогда было около десяти.

Она каким-то образом раздобыла ключ, забралась на высокую лестницу и провела почти полдня за книгами, которые ей ещё не разрешали читать.

Когда Варен спросил, зачем она это сделала, девочка посмотрела на него с искренним недоумением.

«Потому что мне было интересно».

Он тогда рассмеялся.

А потом распорядился заменить замок.

Варен медленно выдохнул.

Конечно.

Эрия могла выйти за границу просто потому, что обнаружила такую возможность.

Могла увлечься.

Могла решить, что вернётся через несколько минут.

А когда поняла, что заблудилась...

Он посмотрел на карту.

Когда поняла, что заблудилась, вполне могла продолжить идти.

Упрямая маленькая девочка.

Когда-то он находил это качество чрезвычайно милым.

Сейчас оно представлялось ему куда менее очаровательным.

— Как давно закончилась последняя проверка местности? — спросил он.

— Около часа назад.

— Возобновите утром. Ночью пусть продолжают работать те, кому не требуется дневное освещение. И уделите особое внимание дорогам.

— Будет исполнено.

Адель собрал несколько документов.

Но прежде чем он успел отойти от стола, Варен произнёс:

— И ещё одно.

Мужчина остановился.

— Да?

— Я хочу, чтобы вы повторили все расчёты, связанные с нарушением защиты. Независимо от предыдущих результатов.

— Господин Варен, мы уже…

— Я знаю.

Он поднял глаза.

— Именно поэтому прошу вас сделать это снова.

Адель несколько мгновений смотрел на него.

Затем коротко поклонился.

— Разумеется.

* * *

После его ухода Варен долго оставался в кабинете.

За окнами окончательно стемнело.

В саду зажглись фонари, освещая дорожки мягким желтоватым светом. Среди деревьев медленно двигались тени, а над старым фонтаном собирался вечерний туман.

Дом был необыкновенно тихим.

Варен никогда не проводил здесь много времени.

Обычно приезжал на несколько часов. Иногда оставался до позднего вечера, изредка — до следующего утра. Его жизнь была устроена иначе, и существовало множество вопросов, требовавших личного присутствия.

Однако всякий раз, когда он возвращался сюда, дом встречал его особенным ощущением покоя.

Отчасти благодаря Гинте.

Та умела поддерживать порядок, который Варен ценил, хотя редко обращал на него внимание.

Но главным образом — благодаря Эрии.

Он привык слышать её голос ещё до того, как входил в гостиную.

Она могла что-нибудь рассказывать Гинте, спорить с Аделем, негромко напевать возле окна или заниматься на фортепиано.

Иногда, обнаружив его приезд, Эрия бросала всё и спешила навстречу.

В последние годы она уже не бегала по коридорам, как в детстве, однако в её движениях по-прежнему появлялась та же непосредственная радость.

Варен любил наблюдать за ней в такие минуты.

Любил, как светлело её лицо.

Как она улыбалась ещё прежде, чем успевала поздороваться.

Как начинала рассказывать о каком-нибудь новом увлечении, не дожидаясь, пока он снимет пальто.

Ему нравилось, что она ждала его.

Это было приятно.

Гораздо приятнее, чем он когда-то предполагал.

Он поднялся из-за стола и вышел в коридор.

На втором этаже горел свет.

Варен медленно поднялся по лестнице.

Возле двери спальни Эрии он остановился.

Несколько мгновений стоял неподвижно, затем повернул ручку.

Комната выглядела почти так же, как во время его последнего приезда.

На кровати лежало аккуратно расправленное покрывало. Возле окна стояло кресло с небольшой подушкой, на прикроватном столике — несколько книг.

Одна из них была раскрыта примерно посередине.

Варен подошёл ближе.

Книга рассказывала об архитектуре европейских городов.

Он узнал переплёт.

Сам привёз её во время последнего визита.

Между страницами лежала тонкая бумажная закладка.

Варен осторожно взял её.

На обороте аккуратным почерком Эрии было написано несколько названий зданий и музеев.

Он прочитал их.

Улыбнулся.

Эрия всегда делала такие записи.

Если находила что-нибудь интересное, непременно выписывала названия, даты, имена. Иногда составляла целые перечни мест, которые собиралась когда-нибудь посетить.

Варен однажды предложил поручить кому-нибудь подготовить для неё подробный маршрут путешествий.

Она отказалась.

Сказала, что хочет выбирать сама.

Он тогда согласился.

Разумеется, она сможет выбирать.

У неё будет достаточно возможностей.

Он ведь именно этого и хотел.

Варен положил закладку обратно.

Некоторое время смотрел на раскрытые страницы.

Потом перевёл взгляд на кровать.

Впервые он увидел Эрию совсем маленькой.

Тогда она почти не разговаривала.

Не потому, что не умела. Просто большую часть времени предпочитала молчать, словно каждое произнесённое слово требовало от неё особенной решимости.

Она была худенькой, с огромными золотистыми глазами и густыми волосами, которые никак не удавалось привести в порядок.

Гинта жаловалась, что девочка не позволяет себя расчёсывать.

Варен однажды застал их в спальне.

Эрия сидела на кровати, прижимая к груди подушку, а Гинта стояла рядом со щёткой и выражением лица, которое обычно появлялось у неё после особенно неудачного разговора с Аделем.

Варен спросил, что произошло.

Гинта сообщила, что воспитанница категорически отказывается привести себя в надлежащий вид.

Эрия промолчала.

Он присел перед ней.

— Почему ты не хочешь, чтобы Гинта тебя причесала?

Девочка долго смотрела на него.

Потом неожиданно ответила:

— Больно.

Он тогда попросил щётку.

И впервые в жизни потратил почти полчаса на то, чтобы распутать волосы маленького ребёнка.

Получилось не особенно хорошо.

Эрия несколько раз вздрагивала, однажды сердито отняла у него прядь и сообщила, что он делает неправильно.

Он терпеливо выслушал её замечания.

Потом попробовал снова.

Когда всё наконец закончилось, девочка некоторое время ощупывала волосы, словно не вполне верила, что испытание завершено.

Затем тихо сказала:

— Спасибо.

Варен помнил это до сих пор.

Странно.

Он прожил достаточно долго, чтобы забыть имена некоторых людей, когда-то игравших существенную роль в его жизни. Забыл разговоры, решения, целые годы, которые теперь сливались в неразличимую последовательность событий.

Но помнил маленькую девочку на кровати.

И её совершенно серьёзное лицо, когда она объясняла ему, как правильно держать щётку.

Он медленно сел в кресло возле окна.

Тогда Эрия боялась его.

Иногда настолько сильно, что не позволяла приблизиться.

Стоило ему войти в комнату, как она замолкала, напрягалась и начинала следить за каждым его движением.

Сначала Варен относился к этому терпеливо.

Потом начал испытывать досаду.

Он не причинял ей боли. Не повышал голоса. Приходил с подарками, проводил с ней время, старался сделать её жизнь настолько спокойной, насколько позволяли обстоятельства.

Но девочка всё равно иногда смотрела на него так, словно ждала чего-то ужасного.

Со временем это прошло.

Не сразу.

Годы потребовались, чтобы она перестала вздрагивать от его прикосновений, начала сама подходить к нему, садиться рядом, брать за руку.

Варен помнил первый раз, когда она обняла его по собственной инициативе.

Совершенно обыкновенный вечер.

Он собирался уезжать и уже попрощался, когда Эрия вдруг догнала его возле лестницы.

Обхватила руками за талию.

И прижалась.

Он тогда не сразу понял, что произошло.

А потом осторожно положил ладонь ей на голову.

С тех пор подобные проявления привязанности становились всё естественнее.

И однажды Варен обнаружил, что уже не может представить её иначе.

Не как испуганного, молчаливого ребёнка.

А как свою Эрию.

Любопытную.

Непоседливую.

Иногда упрямую до невозможности.

Он посмотрел на пустую кровать.

Ему вдруг совершенно отчётливо представилось, как она могла провести последнюю ночь в лесу.

Без одеяла.

Без горячей воды.

На холодной земле, среди незнакомых звуков.

Её организм был необыкновенно устойчив. Даже серьёзные повреждения заживали быстрее, чем у других существ её природы.

Но боль она чувствовала.

И страх.

И голод.

Особенно голод.

Варен нахмурился.

Никто не знал, когда Эрия питалась в последний раз.

Если она оказалась достаточно далеко от дома, если рядом не было подходящего источника энергии, её состояние могло быстро ухудшиться.

Впрочем, жизненный отклик оставался сильным.

Это обнадёживало.

Но не объясняло, где она находилась.

И кто мог о ней заботиться.

Он поднялся и подошёл к окну.

Снаружи темнел сад.

За его пределами начинался лес.

Когда-то Варен сам выбрал это место.

Достаточно удалённое от людских поселений, спокойное, хорошо защищённое. Здесь можно было обеспечить Эрии всё необходимое, не опасаясь случайного вмешательства.

Он тщательно продумал систему безопасности.

Каждый узел.

Каждую границу.

Каждую возможность проникновения извне.

И вот теперь выяснилось, что всего этого оказалось недостаточно.

Варен медленно сцепил руки за спиной.

Ему не нравилась мысль, что он мог что-то упустить.

Ещё меньше нравилось предположение, что кто-то сумел воспользоваться этим упущением.

Эрия не могла разрушить барьер.

Адель был совершенно уверен в этом.

Да и сама девушка вряд ли стала бы пытаться.

Она привыкла к границе с детства. Воспринимала её почти так же естественно, как стены дома.

Варен вспомнил, как однажды Эрия спросила, что находится за лесом.

Ей было лет двенадцать.

Он рассказал о ближайших городах, о дорогах, о людях, которые там живут.

Она слушала с огромным интересом.

Потом спросила:

— А когда я смогу туда поехать?

Он ответил:

— Когда придёт время, моя дорогая.

Тогда она удовлетворилась этим ответом.

Позднее спрашивала снова.

И снова.

Он всегда обещал, что однажды покажет ей мир.

Варен действительно собирался исполнить обещание.

Ему нравилось представлять, как она впервые увидит Париж, как будет ходить по музеям, выбирать книги, восхищаться видами из окон дорогих гостиниц.

Он хотел дать ей красивую жизнь.

И мог это сделать.

Более того, давно позаботился практически обо всём.

Дом, в котором ей предстояло жить после свадьбы, уже был подготовлен. Для её будущей библиотеки выделили несколько комнат. Он распорядился составить предварительный список преподавателей, способных заниматься с ней теми предметами, которые она пожелает изучать.

Даже небольшую музыкальную гостиную предусмотрел, хотя Эрия никогда об этом не просила.

Ему хотелось доставить ей удовольствие.

Хотелось увидеть, как она улыбается.

И он действительно не понимал, почему теперь, когда до исполнения всех обещаний оставалось совсем немного, всё должно было нарушиться.

Варен опустил взгляд.

На подоконнике лежал небольшой белый камешек.

Совершенно обыкновенный.

Эрия, вероятно, принесла его из сада.

Он взял камешек, покрутил между пальцами и положил обратно.

Маленькая любительница ненужных вещей.

Сколько подобных предметов хранилось в её комнате?

Перья, листья, красивые обломки стекла, высохшие цветы, странные камни.

Гинта регулярно пыталась избавиться от этого богатства.

Эрия неизменно возражала.

Варен улыбнулся.

И почти сразу улыбка исчезла.

Если она жива, значит, где-то сейчас существует человек или существо, которое могло её видеть.

Возможно, разговаривало с ней.

Возможно, помогло.

А возможно, прекрасно понимало, кого именно обнаружило.

Эта мысль заставила его снова нахмуриться.

За долгие столетия Варен приобрёл достаточно врагов.

Некоторые ненавидели его открыто.

Другие предпочитали сохранять любезные отношения, одновременно ожидая удобного случая причинить неприятности.

Были и те, кто прекрасно понимал ценность отдельных его владений, соглашений и обязательств.

Но об Эрии знали немногие.

Он тщательно следил за этим.

Слишком тщательно, чтобы теперь легко поверить в случайность.

Варен медленно вернулся к столу.

На лежавшей там карте несколько направлений обрывались в разных точках леса.

Он ещё раз посмотрел на них.

Затем на отчёт о защитном заклятии.

Структура не повреждена.

Опорные узлы целы.

Внешних признаков разрушения нет.

И всё же на некоторое время защита перестала выполнять своё назначение.

Варен задумался.

Магию можно было разрушить.

Подавить.

Изменить.

Перенаправить.

В зависимости от силы и природы воздействия это оставляло разные следы, но сами принципы оставались достаточно понятными.

Здесь не было ничего подобного.

Словно на короткое время само условие, благодаря которому существовала граница, перестало действовать.

Он медленно провёл пальцем по краю страницы.

Любопытно.

И очень неприятно.

Особенно в сочетании с исчезнувшим следом Эрии.

Две необъяснимые случайности подряд.

Варен не любил случайностей.

Он прожил слишком долго, чтобы доверять им безоговорочно.

Можно было допустить, что защитное заклятие дало сбой.

Можно было допустить, что девушка самостоятельно добралась до дороги, села в чужой автомобиль и оказалась далеко от дома.

Можно было даже предположить, что в первые дни её поиски осложнили погода и особенности местности.

Но всё вместе...

Нет.

Что-то было не так.

Варен закрыл папку.

В глубине сознания шевельнулось неприятное предположение.

Он не стал придавать ему определённую форму.

Пока не было достаточно оснований.

Однако впервые с момента исчезновения Эрии его беспокойство изменилось.

До сих пор он боялся того, что могло случиться с ней.

Теперь начал задумываться о том, что именно позволило ей исчезнуть.

* * *

В дверь осторожно постучали.

— Войдите.

На пороге появилась Гинта.

Она успела переодеться. Волосы снова были аккуратно собраны, лицо приобрело привычное спокойное выражение.

В руках женщина держала поднос с чайником и двумя чашками.

Варен посмотрел на неё.

— Я ведь велел вам отдыхать.

— Я решила, что вы не ужинали.

— Это не повод нарушать распоряжения.

Гинта слегка опустила голову.

— Простите, господин.

Он некоторое время смотрел на неё.

Затем вздохнул.

— Поставьте.

Женщина подошла к столику возле кресла.

Налила чай.

Варен заметил, что руки у неё немного дрожат.

— Присядьте, Гинта.

— Благодарю, я…

— Пожалуйста.

Она подчинилась.

Несколько мгновений они молчали.

За окном тихо зашуршал ветер.

— Вы считаете, она могла уйти намеренно? — неожиданно спросила Гинта.

Варен поднял глаза.

— А вы?

Женщина задумалась.

— Я не знаю.

Это признание, кажется, далось ей нелегко.

— В последнее время она много говорила о путешествиях. О городах. О том, что хочет увидеть всё собственными глазами.

— Она всегда об этом говорила.

— Да.

Гинта посмотрела на свои руки.

— Но после дня рождения чаще.

Варен некоторое время молчал.

— Вы полагаете, ей было здесь плохо?

Женщина резко подняла голову.

— Нет, господин. Конечно, нет.

Он наблюдал за ней.

— Тогда что вас беспокоит?

Гинта стиснула пальцы.

— Возможно, я не всё замечала.

Варен не ответил.

— Она ведь постоянно задавала вопросы, — продолжила женщина. — Иногда совершенно нелепые. О том, как люди выбирают квартиры, зачем ходят в магазины, если можно заказать доставку, почему в больших городах существуют общественные библиотеки, если книги продаются.

На губах Варена появилась слабая улыбка.

Он легко мог представить подобные разговоры.

— И что вы ей отвечали?

— По-разному.

Гинта помолчала.

— Иногда говорила, что узнает всё сама, когда придёт время.

Она подняла глаза.

— А теперь думаю, что, возможно, стоило просто ответить.

Варен поставил чашку.

— Гинта, вы не могли предвидеть случившегося.

— Но она никогда не была за пределами дома одна.

— Я знаю.

— Она не знает, что делать, если заболеет. Не знает, к кому обращаться. Даже если кто-нибудь решит ей помочь, она...

Женщина замолчала.

Варен смотрел на неё.

— Продолжайте.

— Она слишком доверчива, господин.

Он медленно кивнул.

— Да.

— Она может поверить совершенно незнакомому человеку. Особенно если тот будет с ней добр.

Варен отвёл взгляд.

Это было правдой.

Эрия любила людей.

Не тех, кого знала лично, — с ними всё было понятно. Она любила саму мысль о людях, об их жизни, занятиях, привычках, маленьких радостях.

Ей искренне хотелось знакомиться, слушать, разговаривать.

И она плохо представляла, насколько различными могут быть намерения тех, кто окажется рядом.

Варен вдруг почувствовал резкое, совершенно неприятное раздражение.

Не на Гинту.

Не на Эрию.

На саму возможность того, что сейчас какая-нибудь чужая рука касается её волос, что незнакомый человек разговаривает с ней, успокаивает, обещает помочь.

Что она смотрит на него своими большими янтарными глазами и благодарно улыбается.

Точно так же, как улыбалась Варену.

Он медленно разжал пальцы.

— Именно поэтому мы должны найти её как можно скорее.

Гинта кивнула.

— Я очень скучаю по ней, господин.

Варен посмотрел на женщину.

Она произнесла это неожиданно просто.

Без обычной сдержанности.

Без попытки придать словам более подходящую форму.

— Мне всё кажется, что она сейчас спустится, — продолжила Гинта. — Попросит чаю или начнёт рассказывать о какой-нибудь книге. Сегодня утром я даже достала её любимую чашку.

Она попыталась улыбнуться.

Не получилось.

Варен долго молчал.

Потом протянул руку и осторожно накрыл её ладонь своей.

— Мы вернём её домой.

Гинта подняла на него глаза.

— Вы уверены?

— Да.

Он произнёс это спокойно.

Без малейшего колебания.

И женщина, кажется, действительно почувствовала облегчение.

Она доверяла ему.

Как доверяла Гинта всегда.

Как доверяла Эрия.

Варен осторожно убрал руку.

Он был уверен, что найдёт девушку.

Не знал пока, сколько времени это займёт.

Не знал, какие обстоятельства придётся преодолеть.

Но в одном не сомневался совершенно.

Эрия должна была вернуться.

Он слишком долго ждал того дня, когда она наконец станет частью его жизни не на несколько часов, не во время редких визитов, а по-настоящему.

Когда больше не придётся уезжать из этого дома, оставляя её с Гинтой и Аделем.

Когда он сможет видеть её каждое утро.

Слушать её рассказы.

Наблюдать, как она осваивается в мире, который он собирался ей подарить.

И, наконец, получить то, ради чего столько лет готовил её.

Варен опустил глаза на собственные руки.

Последняя мысль пришла совершенно естественно.

Он не почувствовал необходимости оправдываться перед собой.

В конце концов, одно не исключало другого.

Он хотел сделать Эрию счастливой.

Хотел заботиться о ней.

Хотел, чтобы она любила его.

И нуждался в её даре.

Все эти желания существовали одновременно, и Варен никогда не видел между ними непреодолимого противоречия.

Он прекрасно знал цену тому, что собирался попросить у неё.

Лучше кого бы то ни было.

Именно поэтому столько лет заботился о подготовке.

Разве не было бы хуже, если бы она столкнулась с этим без подготовки?

Он сделал всё, чтобы этого избежать.

Гинта осторожно поднялась.

— Я приготовлю вам комнату, господин.

Варен кивнул.

— Благодарю.

Она направилась к двери.

Уже взявшись за ручку, остановилась.

— Господин Варен?

— Да?

— Если она действительно ушла сама...

Женщина помолчала.

— Вы будете на неё сердиться?

Варен посмотрел на неё с лёгким удивлением.

— Разумеется, нет.

И это было правдой.

Он совершенно не собирался сердиться на Эрию.

Она была молода.

Любопытна.

Не понимала последствий собственных решений.

Возможно, испугалась, возможно, совершила ошибку. Всё это можно было объяснить, простить, исправить.

— Когда она вернётся, — мягко продолжил он, — ей потребуется отдых. И, вероятно, некоторое время, чтобы прийти в себя. Не думаю, что упрёки пойдут ей на пользу.

Гинта заметно расслабилась.

— Спасибо, господин.

— Доброй ночи, Гинта.

Она вышла.

Дверь тихо закрылась.

Варен остался один.

Некоторое время он смотрел на карты.

Потом снова взял фотографию маленького отпечатка на влажной земле.

Эрия.

Он почти видел, как она стоит между деревьями, с любопытством рассматривая пространство по другую сторону границы.

Как осторожно протягивает руку.

Как делает первый шаг.

Наверняка улыбается.

И, возможно, даже смеётся.

Варен невольно улыбнулся тоже.

Упрямица.

Он позволил себе ещё несколько мгновений этого воспоминания.

Потом положил фотографию на стол.

Когда Эрия вернётся, он обязательно поговорит с ней.

Спокойно.

Без упрёков.

Объяснит, почему нельзя подвергать себя подобной опасности.

Постарается сделать так, чтобы она больше не чувствовала необходимости проверять границы дозволенного самостоятельно.

Возможно, даже изменит некоторые правила.

Теперь она взрослая.

Следовало постепенно предоставлять ей больше свободы.

Разумеется, в разумных пределах.

Варен встал и подошёл к окну.

За стеклом темнел лес.

Он смотрел на него довольно долго.

Потом достал телефон.

— Добрый вечер, — произнёс он, когда на другом конце ответили. — Мне потребуется ваша помощь.

Он выслушал собеседника.

— Нет. Официальные поиски продолжаются. Меня интересует несколько иное.

Варен обернулся к столу.

Его взгляд остановился на отчёте Аделя.

— Я хочу получить сведения обо всех необычных магических воздействиях, зафиксированных в этом районе за последнюю неделю. Не только зарегистрированных. Любые отклонения, которые ваши специалисты сочли несущественными.

Пауза.

— Да. Включая нарушения пространственной устойчивости.

Собеседник что-то спросил.

Варен задумался.

— Пока нет оснований предполагать конкретный источник.

Он снова посмотрел в окно.

— Именно поэтому я и обращаюсь к вам.

Несколько мгновений слушал.

Затем негромко добавил:

— И я предпочёл бы, чтобы наш разговор остался между нами.

Он закончил звонок.

Телефон лёг на стол рядом с фотографией Эрии.

В доме было тихо.

Варен опустился в кресло.

Ему предстояло разобраться в произошедшем.

Найти причину нарушения защиты.

Установить, каким образом исчез магический след.

И, наконец, вернуть девушку.

Но прежде всего — убедиться, что ей ничего не угрожает.

Эта мысль казалась самой важной.

Он позволил себе задержаться на ней.

А затем открыл следующую папку.

Потому что беспокойство, каким бы искренним оно ни было, никогда не мешало Варену действовать.

Напротив.

Он давно научился превращать его в нечто гораздо более полезное.

В терпение.

В расчёт.

И в решения, от которых редко отступал.

* * *

Эрия проснулась от солнечного света.

Некоторое время она лежала неподвижно, с удовольствием прислушиваясь к себе.

Ей было хорошо.

Не просто лучше, чем вчера утром, когда даже после долгого сна под рёбрами сохранялась неприятная пустота. Теперь тело казалось удивительно лёгким, отдохнувшим, полным спокойной, ровной силы.

Она вытянула руки над головой, потянулась и перевернулась на живот.

Потом улыбнулась.

Вспомнила вчерашний вечер.

И немедленно спрятала лицо в подушку.

Это было совершенно глупо.

В комнате никого не было. Некому было заметить её улыбку, покрасневшие щёки или то, как она вдруг принялась теребить край наволочки, вспоминая прикосновение чужих губ.

И всё же Эрия чувствовала себя так, словно совершила нечто невероятно смелое.

Хотя, если подумать, ничего особенно смелого она не сделала.

Это Ашер её поцеловал.

Сам.

Она осторожно коснулась губ двумя пальцами.

Вчера ей казалось, что до конца жизни не забудет, как это произошло. Но теперь отдельные мгновения почему-то путались между собой. Она прекрасно помнила его ладонь на своей щеке, помнила, как наклонила голову, как неловко попыталась ответить, но никак не могла восстановить, в какой именно момент он обнял её за талию.

Наверное, потому, что тогда совершенно перестала следить за происходящим.

Эрия перевернулась на спину.

Интересно, о чём он сейчас думает?

Вчера после её признания Ашер повёл себя странно.

Он не рассердился. Даже специально сказал, что она ничего плохого не сделала.

Но отчего-то выглядел так, словно это он сам совершил что-то неправильное.

Возможно, она его смутила.

Мысль показалась настолько неожиданной, что девушка рассмеялась.

Ашер и смущение плохо сочетались друг с другом.

Он мог разговаривать о самых неприличных вещах с выражением человека, обсуждающего прогноз погоды. Мог поддразнивать её, заставлять краснеть и совершенно спокойно наблюдать за результатом.

И всё же вчера он действительно растерялся.

Эрия приподнялась на локтях.

Ей стало любопытно, будет ли он сегодня вести себя иначе.

Она очень надеялась, что нет.

Ей нравилось, как он с ней разговаривал. Нравились его улыбки, шутки, та непринуждённость, с которой он превращал самый обыкновенный разговор в нечто занимательное.

И, разумеется, ей нравилось, когда он находился рядом.

Особенно теперь, когда она знала, как приятно бывает находиться совсем близко.

Эрия снова почувствовала, что краснеет.

— Прекрати, — негромко велела она самой себе.

Совет не помог.

Зато заставил окончательно проснуться.

Она выбралась из постели и отправилась умываться.

В ванной долго расчёсывала волосы, которые после вчерашней прогулки и беспокойного сна успели основательно спутаться. Потом нашла серебряную заколку Гинты, собрала передние пряди и некоторое время рассматривала себя в зеркале.

Выглядела она прекрасно.

Даже лучше, чем обычно.

Кожа была свежей, под глазами исчезли тени, а янтарные глаза казались особенно яркими.

Эрия довольно улыбнулась своему отражению.

Потом неожиданно подумала, что Ашер, возможно, заметит.

Она немедленно отвернулась от зеркала.

Какая нелепость.

Разумеется, он заметит.

У него ведь есть глаза.

* * *

Ашер сидел за кухонным столом, когда Эрия появилась в дверях.

Перед ним стояла чашка кофе, рядом лежал телефон. На экране ноутбука была открыта какая-то таблица, которую он просматривал с видом человека, не испытывающего от этого ни малейшего удовольствия.

При звуке шагов он поднял голову.

И на несколько мгновений забыл, что собирался сделать.

Эрия стояла в дверях, придерживая рукой край лёгкого кардигана. Каштановые волосы свободно падали на плечи, часть прядей была убрана знакомой серебряной заколкой.

Она улыбалась.

Не обычной своей приветливой улыбкой.

Совсем другой.

Так улыбаются человеку, с которым накануне произошло нечто приятное и немного секретное.

Ашер прекрасно узнал эту улыбку.

И совершенно не обрадовался тому, насколько приятно было её увидеть.

— Доброе утро! — произнесла Эрия.

— Доброе.

Он закрыл ноутбук.

Довольно поспешно.

Эрия подошла к столу.

— Вы уже давно встали?

— Достаточно.

— А я сегодня прекрасно спала.

— Рад слышать.

Она остановилась возле него.

— И чувствую себя замечательно.

— Это заметно.

Эрия улыбнулась ещё шире.

— Правда?

Ашер поднял на неё глаза.

В солнечном свете её лицо выглядело удивительно свежим. От неё исходил тонкий аромат белых цветов — лёгкий, чистый, почти прохладный.

Вчерашняя мучительная сладость исчезла.

Ни следа прежнего голода.

Он знал почему.

И слишком хорошо помнил обстоятельства, при которых она насытилась.

— Правда, — ответил он.

Эрия, кажется, ожидала продолжения.

Ашер тоже его ожидал.

Каких-нибудь приятных слов. Комплимента. Возможно, привычной насмешливой реплики, от которой она смутилась бы и принялась возражать.

Подобные вещи всегда давались ему легко.

Сегодня почему-то ни одна из них не показалась уместной.

Он указал на стол.

— Завтрак уже здесь. Угощайтесь.

Эрия села.

Ашер снова открыл ноутбук.

И почти сразу понял, что совершил ошибку.

Не потому, что ему срочно требовалось продолжить работу.

Просто теперь он выглядел так, словно таблица на экране интересовала его значительно больше девушки, которую ещё несколько часов назад он целовал с совершенно непозволительной увлечённостью.

Превосходное начало.

Он закрыл ноутбук во второй раз.

Эрия подняла голову.

— Что-то случилось?

— Нет.

— Вы его уже дважды закрыли.

— Наблюдательно.

— Вам мешает работать солнце?

Ашер посмотрел на неё.

— Простите?

Она указала на окно.

— Вы всё время щуритесь. Может быть, вам неудобно?

Он медленно перевёл взгляд на стекло, через которое действительно проникал яркий утренний свет.

— Пожалуй.

Эрия немедленно придвинула свой стул.

— Тогда садитесь с этой стороны. Здесь гораздо лучше.

Ашер посмотрел на освободившееся место рядом с ней.

Потом на её лицо.

Она совершенно искренне предлагала ему пересесть.

— Благодарю, Эрия. Мне вполне хорошо здесь.

— Но вы только что сказали, что вам мешает солнце.

— Я преувеличил.

Она озадаченно моргнула.

— Зачем?

Ашер посмотрел на неё.

И вдруг рассмеялся.

— Прекрасный вопрос.

Эрия недоумённо улыбнулась.

— Так вы пересядете?

Он посмотрел на стул ещё раз.

Разумный человек, разумеется, должен был остаться на месте.

Но Ашер никогда особенно не гордился принадлежностью к числу разумных людей.

— Полагаю, иначе вы не оставите меня в покое.

— Конечно, нет.

Он поднялся, взял чашку и пересел рядом.

Эрия удовлетворённо вернулась к завтраку.

Ашер сделал глоток кофе.

Посмотрел в окно.

Потом на девушку, которая с совершенно счастливым видом выбирала между клубничным джемом и миндальным кремом.

И с некоторым раздражением обнаружил, что сидеть рядом с ней оказалось ещё приятнее, чем он помнил.

* * *

Эрия намазала тост джемом.

Потом подумала и добавила немного миндального крема.

Ашер наблюдал за этим занятием с выражением человека, присутствующего при сомнительном научном эксперименте.

— Вы уверены, что это хорошая идея?

Эрия подняла глаза.

— Что именно?

Он указал на её завтрак.

— Такое сочетание.

Она посмотрела на тост.

— А что с ним не так?

— Пока ничего. Но я предпочёл бы находиться на безопасном расстоянии, когда вы начнёте пробовать.

Эрия возмущённо фыркнула.

— Вы совершенно не разбираетесь в еде.

— Смелое утверждение.

— Очевидное.

Она откусила кусочек.

Некоторое время задумчиво жевала.

Потом нахмурилась.

Ашер приподнял бровь.

— Ну?

— Очень вкусно.

— Не сомневаюсь.

— Хотите попробовать?

Она протянула ему тост.

Ашер посмотрел на её руку.

На тост.

Потом на лицо Эрии.

Она ждала ответа.

С совершенно искренним любопытством.

Он мог просто откусить кусочек. Мог пошутить. Ещё вчера подобные вещи не требовали никаких размышлений.

Но теперь в голове почему-то возникло совсем другое воспоминание.

Эрия на диване.

Её пальцы на его шее.

То, как она осторожно подалась ему навстречу.

И её тихое признание после поцелуя.

Я раньше никогда не целовалась.

Ашер поставил чашку.

— Пожалуй, воздержусь.

Эрия удивлённо подняла брови.

— Почему?

— Мне слишком дорога собственная жизнь.

Она посмотрела на тост.

Потом на него.

— Там обычный джем.

— Именно с таких слов обычно начинаются самые печальные истории.

Эрия рассмеялась.

— Вы невыносимы.

— Мне уже говорили.

— И, наверное, не раз.

— Боюсь, подобные замечания составляют значительную часть моей переписки.

Она снова рассмеялась.

Ашер улыбнулся.

Вот так было значительно лучше.

Ему нравилось её поддразнивать. Нравилось, что она постепенно перестала смущаться от каждой его насмешки и теперь отвечала достаточно быстро, иногда неожиданно остроумно.

Эрия тем временем подняла голову.

Ашер встретил её взгляд.

Она улыбалась.

И вдруг он снова вспомнил вчерашний вечер.

Как она смотрела на его губы.

Как осторожно приподнимала лицо навстречу.

Ему захотелось поцеловать её ещё раз.

Просто наклониться.

Взять за подбородок.

Почувствовать, как она улыбнётся прежде, чем их губы соприкоснутся.

Эрия вдруг замолчала.

На её щеках появился нежный румянец. Она опустила глаза, но почти сразу снова посмотрела на него.

На мгновение её взгляд задержался на его губах.

Потом она поспешно взяла чашку.

Ашер заметил перемену.

И с некоторым запозданием вспомнил, что его мысли, по-видимому, были для неё значительно менее тайными, чем ему хотелось бы.

Ну конечно.

Он ведь вчера лично убедился, насколько тонко она различает подобные вещи.

И всё равно умудрился об этом забыть.

Эрия сделала маленький глоток чая.

Поставила чашку.

Потом неожиданно улыбнулась.

Чуть смущённо.

Но с таким удовольствием, что Ашеру захотелось закрыть глаза.

Всего на мгновение.

Чтобы вспомнить о необходимости вести себя разумно.

Вместо этого он взял свой кофе.

— Эрия?

— Да?

— Как ваша нога?

Она удивлённо моргнула.

— Совсем хорошо.

— Не беспокоит?

— Нет.

Она немного помолчала.

— Вы ведь уже спрашивали вчера.

— И, как видите, продолжаю интересоваться.

Эрия улыбнулась.

— Тогда могу сообщить, что за ночь ничего не изменилось. Разве что стало ещё лучше.

— Превосходно.

Ашер сделал глоток.

Кофе успел остыть.

Он посмотрел на чашку с таким выражением, словно именно она была виновата во всех его затруднениях.

Эрия тем временем задумчиво размешивала чай.

— Ашер?

— Да?

— Вы сегодня какой-то странный.

Он откинулся на спинку стула.

— В самом деле?

— Да.

— И в чём же это выражается?

Она задумалась.

— Не знаю.

— Прекрасное начало обвинительной речи.

— Я вас ни в чём не обвиняю.

— Тогда мне уже спокойнее.

Эрия улыбнулась, но почти сразу стала серьёзной.

— Вы вчера тоже были странный.

Ашер посмотрел на неё внимательнее.

— Возможно.

— Вы ведь не сердитесь на меня?

Он испытал искреннее недоумение.

— Эрия, почему вы решили, что я сержусь?

— Не решила. Просто спрашиваю.

— В таком случае нет. Не сержусь.

Она кивнула.

Некоторое время ела молча.

Потом спросила:

— А вам было неловко?

— Когда?

Эрия посмотрела на него с выражением терпеливого удивления.

— Вчера.

— Вчера произошло довольно много событий.

— После того как мы поцеловались.

Она произнесла это так прямо, что Ашер невольно улыбнулся.

Эрия покраснела.

— Простите. Наверное, мне не стоило...

— Почему же? — перебил он. — Вполне разумный вопрос.

Она подняла глаза.

Ашер немного помолчал.

— Да, мне было неловко.

— Из-за меня?

— Нет. Скорее из-за того, что я не всё правильно понял.

Эрия задумалась.

— Что именно?

Он посмотрел на неё.

Она действительно хотела разобраться.

И в этом не было ничего удивительного. Эрия привыкла спрашивать обо всём, чего не понимала. За последние дни он не раз убеждался, что уклончивые ответы только разжигают её любопытство.

— Я не знал, насколько всё это для вас ново, — сказал он.

Она смутилась.

— Но мне ведь понравилось.

Он замолчал.

Эрия произнесла это с удивительной простотой.

Не пытаясь добиться от него определённого ответа.

Просто сообщила то, что считала важным.

И Ашер снова увидел то самое счастливое выражение её лица, которое запомнил с прошлого вечера.

— Я рад, Эрия.

Это было правдой.

Хотя и далеко не всей.

Она улыбнулась.

— Хорошо.

И вернулась к своему тосту.

Ашер посмотрел на неё краем глаза.

Вот и всё?

Разговор окончен?

Он едва удержался от смеха.

Ещё несколько минут назад ему хотелось избежать обсуждения вчерашнего вечера.

Теперь, когда Эрия совершенно спокойно сочла вопрос исчерпанным, он обнаружил, что ему не особенно нравится такое быстрое завершение.

Восхитительно.

Ещё немного, и он начнёт специально искать причины для собственного раздражения.

* * *

После завтрака Ашер собирался отправиться в кабинет.

— У вас сегодня много дел? — спросила Эрия.

— К сожалению. Некоторое время поработаю дома, а потом придётся съездить на встречу.

— А вчера вы ведь почти весь день провели со мной.

— Что, как выяснилось, имело определённые последствия.

Она покраснела.

Ашер невольно улыбнулся.

— Я имел в виду количество накопившейся работы.

— А.

Эрия тихо рассмеялась.

— Конечно.

Он с удовольствием отметил, что сумел смутить её без всяких затруднений.

Видимо, не все прежние способности были утрачены.

— Значит, вам приходится работать даже тогда, когда совсем не хочется? — спросила она.

— Увы. Иногда мир демонстрирует возмутительное нежелание считаться с моими предпочтениями.

Эрия улыбнулась.

— А я думала, вы можете сами решать, что вам делать.

Он посмотрел на неё.

— Обычно так и происходит.

— Но не всегда?

Вопрос был совершенно невинным.

И именно поэтому на мгновение оказался неприятным.

Ашер умел производить впечатление человека, который никому не подчиняется. За долгие годы это стало настолько естественным, что окружающие редко задумывались, может ли существовать что-нибудь за пределами его собственной воли.

И вот теперь восемнадцатилетняя девушка, совершенно не знакомая с обстоятельствами его жизни, вдруг спросила именно об этом.

Он слегка улыбнулся.

— Даже у меня иногда находятся обязательства.

— Понятно.

Эрия задумчиво кивнула.

— Тогда надеюсь, что ваша встреча будет не слишком скучной.

Ашер рассмеялся.

— Благодарю. Постараюсь пережить её с достоинством.

Она улыбнулась и отправилась в гостиную за книгами.

Он некоторое время смотрел ей вслед.

Забавная девочка.

Умудрялась задавать самые неожиданные вопросы, даже не подозревая, насколько точно иногда выбирает слова.

Но не всегда?

Ашер медленно усмехнулся.

Если бы она только знала.

Впрочем, Эрия пока не знала о нём почти ничего.

И лучше было сохранить это положение вещей.

Хотя бы ещё некоторое время.

* * *

Эрия устроилась на ковре возле дивана, выбрав самое широкое пятно солнечного света.

Книги лежали вокруг неё. Одна раскрытая — на коленях, другая — на низком столике. Несколько страниц она заложила бумажными закладками, найденными в пакете из книжного магазина.

В квартире было тепло.

Солнечные лучи нагрели ковёр, и Эрия с удовольствием вытянула ноги.

Некоторое время читала, подперев подбородок ладонью.

Когда свет постепенно сместился, она придвинулась вслед за ним, почти не отрываясь от страницы.

Ашер обнаружил её там примерно через час.

Он вышел из кабинета за кофе, но в гостиной заметил несколько раскрытых книг, разбросанных вокруг небольшой фигуры, устроившейся посреди солнечного пятна.

Остановился.

Эрия лежала на животе, вытянув ноги и придерживая рукой раскрытый том. Каштановые волосы рассыпались по плечам, серебряная заколка поблёскивала в солнечном свете.

Она выглядела настолько довольной, что он невольно улыбнулся.

— Полагаю, кресла вас окончательно разочаровали?

Эрия подняла голову.

— Ашер!

Он указал на ковёр.

— Боюсь, моя мебель не выдержит подобного пренебрежения.

Она рассмеялась.

— Здесь очень приятно. Попробуйте.

Ашер посмотрел на пол.

Потом на неё.

— Благодарю, но мне ещё предстоит несколько часов сохранять достоинство перед людьми, которые и без того относятся ко мне с подозрением.

— А при чём здесь ковёр?

— Эрия, некоторые привычки слишком быстро становятся заметными.

Она задумалась.

Потом рассмеялась ещё громче.

Он подошёл ближе.

— Что читаете?

Эрия немедленно приподняла книгу.

— Вот. Помните здание, которое мы вчера видели возле площади?

Ашер помнил.

Она принялась объяснять, чем архитектура на фотографии отличается от той, что они рассматривали во время прогулки.

Он присел рядом, чтобы лучше видеть изображение.

Эрия говорила увлечённо, время от времени показывая отдельные детали.

Ашер слушал.

Ему нравилось, что она могла с одинаковым восторгом рассматривать старинный собор, витрину магазина или обыкновенный городской трамвай.

Вчера она чуть ли не с благоговением наблюдала за последним.

Он до сих пор улыбался, вспоминая это.

— Ашер?

Он поднял глаза.

Эрия сидела совсем близко.

Она как раз повернула к нему книгу, и теперь расстояние между их лицами оказалось неожиданно небольшим.

На мгновение она замолчала.

Ашер тоже.

Он заметил, как её взгляд скользнул к его губам.

И почти сразу на щеках девушки появился знакомый румянец.

Он тихо усмехнулся.

— Вы собирались показать мне вот эту деталь?

Эрия моргнула.

— Да.

Она посмотрела на страницу.

— Именно.

Несколько минут они ещё обсуждали фотографии.

Потом Ашер взглянул на часы.

— Мне пора возвращаться к работе.

Эрия подняла голову.

— Уже?

— Боюсь, да.

— Хорошо.

Она опустила глаза к книге.

Ашер поднялся.

И вдруг услышал:

— Я вам мешаю?

Он остановился.

— Разумеется, нет, Эрия.

— Просто вы всё время куда-то уходите.

Она произнесла это без упрёка.

И, кажется, сама немного смутилась от собственных слов.

Ашеру внезапно стало неприятно.

Всё утро он пытался соблюдать разумную дистанцию. Не давать ей повода ожидать продолжения вчерашнего вечера, не пользоваться её доверчивостью.

Но вместо этого, по-видимому, сумел убедить девушку, что её присутствие становится обременительным.

— Эрия, — произнёс он.

Она подняла глаза.

— Я сам пришёл к вам. И с удовольствием послушал ваш рассказ.

Она немного помолчала.

Потом улыбнулась.

— Правда?

— Да. Но мне действительно нужно закончить несколько дел.

— Конечно.

Ашер указал на раскрытую книгу.

— Позже расскажете, к каким выводам пришли.

— Обязательно.

Он улыбнулся и направился в кабинет.

На этот раз не стал останавливаться.

* * *

Ашер закрыл за собой дверь.

Некоторое время стоял неподвижно.

Потом негромко рассмеялся.

Без особенного веселья.

Какая поразительная неуклюжесть.

Он прекрасно умел располагать к себе людей. Вёл переговоры, добивался расположения весьма несговорчивых собеседников, годами поддерживал отношения, в которых неверно выбранное слово могло стоить чрезвычайно дорого.

И теперь каким-то образом ухитрился обидеть девушку, которая всего лишь хотела показать ему фотографии старых зданий.

Причём обидеть исключительно из лучших побуждений.

Ашер вернулся к столу.

Ему следовало вести себя осторожнее.

Эрия была слишком молода, слишком неопытна и слишком сильно зависела от его помощи. Он понимал это с самого начала, но вчера, сидя рядом с ней на диване, позволил себе на некоторое время забыть об обстоятельствах.

Теперь приходилось исправлять собственную несдержанность.

Только вот Эрия ничего не знала о его размышлениях.

Она видела лишь то, как изменилось его поведение.

Ашер нахмурился.

Доверие девушки вообще становилось отдельным затруднением.

Она принимала его помощь, охотно рассказывала о себе, позволяла прикасаться к ней. И ни разу не попыталась выяснить, почему он продолжает заниматься её устройством.

Он мог бы назвать десяток вполне убедительных причин.

Некоторые из них даже были правдой.

Ему следовало помнить, ради чего всё начиналось.

И уж совершенно точно не ради вчерашнего поцелуя.

Ашер взял телефон.

Просмотрел сообщения.

Одно из них задержало его внимание немного дольше остальных.

Он перечитал несколько строк, ответил и убрал телефон.

Пока всё шло достаточно предсказуемо.

Ничего, что требовало бы немедленного вмешательства.

Ашер вернулся к документам.

Ему оставалось закончить работу, а затем отправиться на встречу.

И, пожалуй, стоило хотя бы на несколько часов перестать размышлять о девушке, которая сейчас лежала на его ковре среди книг.

* * *

Ашер уехал ближе к полудню.

Эрия проводила его до прихожей.

Он надел часы, взял телефон и ключи, затем обернулся.

— Не скучайте.

Она улыбнулась.

— Постараюсь.

— И, пожалуйста, не переставляйте мебель. Я ещё не готов к столь радикальным переменам.

Эрия рассмеялась.

— Ничего не обещаю.

— Как я и опасался.

Он улыбнулся.

— До вечера, Эрия.

— До вечера!

Дверь закрылась.

Она ещё немного постояла в прихожей, затем вернулась к книгам.

В квартире стало тихо.

Солнце постепенно переместилось к противоположной стене.

Эрия устроилась на диване, раскрыла книгу и некоторое время читала.

Потом неожиданно задумалась.

Ашер был значительно старше неё.

Это чувствовалось не столько во внешности, сколько в манерах, привычках, в том, как спокойно он разговаривал с людьми и распоряжался собственной жизнью.

Впрочем, Варен тоже был старше.

Несравнимо старше.

Эрия перевернула страницу.

Она никогда особенно не интересовалась его возрастом. Варен существовал в её жизни столько, сколько она себя помнила, и представить его молодым у неё никогда не получалось.

Она любила его приезды.

Любила подарки, долгие разговоры, то, как он слушал её рассказы и иногда позволял спорить с собой даже по совершенно незначительным поводам.

И, разумеется, ей нравилось, когда он обнимал её или ласково гладил по волосам.

Эрия улыбнулась.

Он наверняка очень беспокоится.

Она ведь исчезла.

Ушла без разрешения.

Наверное, Гинта уже совершенно извелась, а Адель составил целый перечень причин, по которым её поступок был исключительно безответственным.

Варен, конечно, тоже будет недоволен.

Но она жива.

Здорова.

И впервые за всю жизнь действительно увидела город.

Эрия очень надеялась, что, когда всё объяснит, он поймёт.

Ведь Варен сам обещал ей путешествия.

Обещал показать мир.

Она снова посмотрела на книгу.

И вдруг вспомнила ещё кое-что.

Она должна стать его женой.

Эта мысль была настолько привычной, что обычно не требовала никаких размышлений.

Они поженятся.

Она переедет в новый дом.

У них появится совершенно другая жизнь.

Эрия много раз представляла себе это будущее.

Большую библиотеку.

Совместные поездки.

Долгие вечера за разговорами.

Но теперь неожиданно задумалась о другом.

А как Варен собирается её целовать?

Она замерла.

Потом почувствовала, как начинают гореть щёки.

Какой странный вопрос.

Разумеется, он будет её целовать.

Они ведь станут мужем и женой.

Она прекрасно знала, что супруги целуются.

И не только.

Эрия поспешно опустила взгляд к книге.

Некоторое время смотрела на страницу, совершенно не видя текста.

Потом осторожно попыталась представить Варена на месте Ашера.

Как он сидит рядом.

Как касается её щеки.

Наклоняется.

Останавливается совсем близко.

И целует.

Эрия нахмурилась.

Почему-то воображение отказывалось складывать знакомые образы в одну картину.

Вместо вчерашнего поцелуя ей представлялся совсем другой Варен.

Тот, который сидел рядом с ней в библиотеке.

Улыбался.

Поправлял выбившуюся прядь волос.

Иногда целовал её в лоб, когда она обнимала его на прощание.

Всё это было привычным.

Приятным.

Но вчера Ашер держал её совершенно иначе.

И от его прикосновений возникало такое удивительное чувство, которого Эрия прежде никогда не испытывала.

Она задумчиво коснулась нижней губы.

Наверное, дело заключалось в том, что она слишком хорошо знала Варена.

С самого детства.

Он ведь всегда относился к ней почти одинаково.

Терпеливо.

Заботливо.

С той особенной нежностью, которую она давно привыкла считать естественной.

Ашер был совершенно другим.

Он мог смеяться над ней.

Поддразнивать.

Смотреть так, что ей хотелось немедленно опустить глаза.

Эрия вспомнила утренний завтрак.

Как неожиданно почувствовала знакомую терпкую сладость.

Как подняла глаза и увидела, что Ашер смотрит на её губы.

Он ведь хотел её поцеловать.

Она не сомневалась.

Но почему-то не сделал этого.

И потом, возле книг, снова повёл себя странно.

Эрия закрыла книгу.

Ей было немного досадно.

Не на него.

Скорее на саму себя.

Она совершенно не понимала, как следует вести себя теперь.

Вчера всё казалось удивительно простым.

Ашер хотел её поцеловать.

Она хотела ответить.

И оба сделали то, что им нравилось.

А сегодня между ними словно возникло какое-то новое правило, о котором он забыл ей рассказать.

Она вздохнула.

Впрочем, Ашер ведь сказал, что не сердится.

И что ему понравилось.

Она сама спросила.

Он ответил.

Наверное, этого пока было достаточно.

Эрия снова раскрыла книгу.

И только через несколько минут заметила, что всё это время смотрела на одну и ту же страницу.

* * *

Вечером Ашер вернулся позже, чем собирался.

Эрия услышала щелчок замка, когда заканчивала читать.

Она подняла голову.

Через некоторое время он появился в гостиной.

На нём всё ещё был пиджак, но галстук он уже снял. Волосы слегка растрепались, а на лице появилось спокойное, немного усталое выражение.

— Добрый вечер.

— Добрый!

Эрия закрыла книгу.

— Как прошла встреча?

— Значительно лучше, чем я опасался.

— Значит, вам не пришлось долго страдать?

Ашер рассмеялся.

— Почти не пришлось. Хотя некоторые участники предприняли весьма достойные попытки.

Эрия улыбнулась.

Он подошёл ближе, положил телефон на стол и посмотрел на лежавшие рядом книги.

— Как ваше исследование?

— Я почти всё закончила.

— Впечатляет.

— И нашла ещё кое-что интересное.

— Даже не сомневаюсь.

Эрия принялась рассказывать.

Ашер слушал, иногда задавал вопросы и подшучивал над её увлечённостью.

Постепенно разговор перешёл на вчерашнюю прогулку, потом на город, книги и несколько мест, которые ей ещё хотелось увидеть.

Всё было почти как прежде.

И всё же Эрия теперь держалась чуть сдержаннее.

Она по-прежнему охотно смеялась, но больше не пыталась приблизиться.

Ашер заметил это не сразу.

Сначала даже решил, что утреннее недоразумение окончательно исчерпано.

Но когда она в очередной раз отвела глаза после какой-то его шутки, он почувствовал знакомую прохладную свежесть.

Дождь.

Едва уловимая острота озона.

Он уже ощущал этот запах прежде.

В те дни, когда Эрия была напугана, измучена голодом и пыталась скрыть своё состояние.

Тогда холодный оттенок смешивался с мучительной сладостью.

Теперь сладости не было.

Эрия насытилась вчера.

И всё же что-то её тревожило.

Ашер посмотрел на девушку внимательнее.

Она сидела напротив, улыбалась, рассказывала об одном из зданий, которые они видели во время прогулки.

Никакого видимого повода для беспокойства.

Но он уже начал понимать, что её внешняя непринуждённость не всегда означает настоящее спокойствие.

И неприятно подозревал, что причина этой перемены ему известна.

— Эрия?

Она подняла глаза.

— Да?

— Вы хорошо провели день?

— Конечно.

— Не скучали?

Она улыбнулась.

— У меня были книги.

— Как я мог забыть.

Эрия рассмеялась.

Потом посмотрела на него.

— А вы завтра снова будете работать?

— Вероятнее всего. Но постараюсь закончить пораньше.

— Хорошо.

Она немного помолчала.

— Может быть, тогда мы снова куда-нибудь сходим?

Ашер улыбнулся.

— Посмотрим, что удастся придумать.

Эрия заметно оживилась.

— Правда?

— Разумеется.

Он посмотрел на её счастливое лицо.

И подумал, что, пожалуй, в последние сутки слишком усердствовал со своей осторожностью.

Ведь совершенно не обязательно было отказываться от приятного общества только потому, что вчерашний вечер оказался несколько неожиданнее, чем он предполагал.

Он вполне способен вести себя разумно.

Без того, чтобы всякий раз давать девушке повод сомневаться в том, желанна ли она в его доме.

— А пока, — произнёс Ашер, — я бы предпочёл поужинать. Если, конечно, вы не собираетесь снова предложить мне сочетание продуктов, способное оскорбить мои представления о кулинарии.

Эрия расхохоталась.

— Вам просто не понравилось, что я оказалась права!

— Боюсь, эта версия событий останется исключительно в вашем воображении.

Она поднялась.

— В таком случае я покажу, что осталось в холодильнике.

Ашер последовал за ней.

И впервые за весь день не стал задумываться, следует ли ему это делать.

* * *

Позднее, когда Эрия отправилась к себе, Ашер ещё некоторое время оставался в кабинете.

День прошёл вполне успешно.

Он решил несколько важных вопросов, провёл полезные переговоры, получил необходимые сведения.

Однако собственным поведением за завтраком остался недоволен.

Каждое его решение по отдельности представлялось вполне разумным.

Вместе они складывались в картину поразительной неуклюжести.

Ашер невольно усмехнулся.

За долгую жизнь ему приходилось иметь дело с существами куда более опасными, чем маленькая любопытная суккуба, которая вчера впервые поцеловалась, а сегодня провела несколько часов среди книг на его ковре.

И всё же именно рядом с ней он неожиданно обнаружил необходимость так тщательно следить за собой.

Причём дело было уже не только во вчерашнем поцелуе.

Ему нравилось её общество.

Настолько, что он начал замечать её отсутствие.

Радоваться, когда она появлялась.

И раздражаться, когда по собственной неосторожности расстраивал её.

Последнее обстоятельство казалось особенно нежелательным.

Он не собирался причинять Эрии боль.

Напротив, ему было выгодно, чтобы она чувствовала себя спокойно и доверяла ему.

Но сегодня, услышав её тихое «Я вам мешаю?», он подумал вовсе не о выгоде.

Ему просто захотелось убедить её в обратном.

Ашер задумчиво посмотрел на дверь.

Пожалуй, следовало перестать усложнять то, что пока не требовало никаких решений.

Ашер открыл ноутбук.

После вчерашнего вечера у него появилось немало вопросов.

Теперь он действительно знал, что необычная способность Эрии существует, и мог расспросить её гораздо подробнее.

Впрочем, его занимало не только это.

Он вспомнил, как она утром улыбалась ему за завтраком. Как возмущалась его замечаниями о собственных кулинарных вкусах. Как устроилась на ковре среди книг, совершенно счастливая оттого, что нашла самое тёплое место в гостиной.

Ашер невольно улыбнулся.

Забавная девочка.

За последние дни она успела доставить ему немало удовольствия.

И, что гораздо менее удобно, он начал замечать, когда её что-нибудь огорчало.

Пожалуй, с этим тоже следовало разобраться.

Он вернулся к работе.

На этот раз действительно сосредоточился.

В конце концов, у него имелось достаточно времени, чтобы понять, чего именно ожидать от Эрии.

По крайней мере, он предпочитал так думать.

* * *

Следующий день Ашер почти целиком провёл на работе.

Утром он уехал ещё до того, как Эрия проснулась, и вернулся только вечером. К тому времени успел провести несколько встреч, разобраться с двумя затянувшимися вопросами и получить одно известие, которое заставило его пересмотреть ближайшие планы.

В целом день оказался полезным.

Однако ближе к вечеру Ашер обнаружил, что думает не о предстоящих делах, а о разговоре, который собирался провести дома.

Недавний опыт всё ещё занимал его.

Он достаточно хорошо помнил необычное ощущение, возникшее во время передачи энергии. Тогда ему было не до подробных наблюдений, и теперь приходилось признать, что он упустил прекрасную возможность разобраться в происходящем.

Впрочем, Эрия, вероятно, согласилась бы ответить на его вопросы.

До сих пор она охотно рассказывала о себе.

Иногда даже слишком охотно.

Ашер вспомнил, как девушка однажды потратила почти двадцать минут на объяснение того, почему некоторые сорта яблок гораздо лучше подходят для выпечки, чем другие.

Он тогда так и не понял, откуда взялось это увлечение.

Зато теперь знал об яблоках значительно больше, чем когда-либо собирался.

Ашер улыбнулся.

С Эрией вообще редко удавалось заранее предсказать, куда заведёт разговор.

Возможно, именно поэтому ему нравилось с ней разговаривать.

* * *

Эрия сидела в гостиной, когда он вернулся.

На низком столике перед ней лежала раскрытая книга. Рядом стояли чашка чая, небольшая тарелка с печеньем и несколько исписанных листков бумаги.

Услышав его шаги, девушка подняла голову.

— Ашер!

Он улыбнулся.

— Добрый вечер.

— Добрый!

Она отложила карандаш.

— Вы сегодня очень поздно.

— Увы, некоторые люди обладают совершенно удивительной способностью превращать короткие встречи в многочасовые обсуждения.

Эрия рассмеялась.

— И вам приходилось всё это слушать?

— Представьте себе. Причём далеко не всегда с удовольствием.

— Наверное, ужасно.

— Благодарю за сочувствие.

Ашер снял пиджак и повесил его на спинку кресла.

— Как прошёл ваш день?

— Хорошо. Я почти закончила книгу, которую вчера начала.

— Боюсь, скоро мне придётся расширять библиотеку.

— У вас и так очень большая библиотека.

— Как выясняется, недостаточно большая.

Эрия улыбнулась.

— Я ещё ничего не просила.

— Именно это меня и настораживает.

Она рассмеялась.

Ашер подошёл к столу и взглянул на её записи.

— Продолжаете исследования?

— Да. Хотите посмотреть?

— Непременно. Но чуть позже.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Если вы не слишком заняты, я хотел бы сегодня с вами поговорить.

Эрия подняла глаза.

— О чём?

— О вас.

Она удивлённо моргнула.

— Обо мне?

— Представьте себе.

В уголках его губ появилась улыбка.

— За последние несколько дней я узнал, какие книги вы любите, что думаете о городской архитектуре и почему никогда не следует спорить с вами о достоинствах миндального крема. Но о том, как вы жили до нашей встречи, знаю удивительно мало.

Эрия задумалась.

— А что вам интересно?

— Для начала — всё самое обыкновенное. Чем вы занимались, с кем жили. Как выглядел ваш дом.

Она улыбнулась.

— Вы правда хотите об этом послушать?

— Эрия, я только что добровольно предложил вам рассказать о себе. Не заставляйте меня повторять это признание.

Она рассмеялась.

— Хорошо.

Ашер сел напротив.

— Тогда я весь во внимании.

Эрия посмотрела на него.

Потом на раскрытую книгу.

— А вы не хотите сначала поужинать?

— Уже успел. В отличие от некоторых людей, которые считают чтение достойной заменой нормальной еде.

— Я тоже ужинала!

— В таком случае все необходимые условия соблюдены.

Она улыбнулась.

— Тогда, наверное, начну с дома.

* * *

— Он был очень красивый, — сказала Эрия после недолгого размышления. — Большой, старый. С огромными окнами и садом. А вокруг начинался лес.

Ашер устроился удобнее.

— Насколько большой?

— Дом или лес?

— Для начала дом.

Эрия задумалась.

— Я никогда не считала комнаты.

— Непростительная небрежность.

— Ашер!

Он рассмеялся.

— Продолжайте.

Она улыбнулась.

— Там была большая библиотека. И музыкальная гостиная. Ещё несколько залов, куда почти никто не заходил. Гинта говорила, что содержать их в порядке необходимо, даже если ими не пользуются.

— Гинта?

— Она меня воспитывала.

Эрия произнесла это с такой теплотой, что Ашер невольно обратил внимание.

— Ваша родственница?

— Нет.

Она покачала головой.

— Но я знаю её с самого детства. Она всегда была рядом. Следила за домом, занималась со мной, готовила. Вообще-то она делала гораздо больше, чем должна была.

— Например?

Эрия улыбнулась.

— Однажды она три дня искала для меня определённую книгу.

— В вашей огромной библиотеке?

— Нет, книги у нас не было. Я прочитала о ней в другом издании и ужасно захотела посмотреть.

— И Гинта её нашла?

— Конечно.

Эрия рассмеялась.

— Правда, сначала долго объясняла, что я могла бы выбрать что-нибудь более подходящее.

— Что же вас так заинтересовало?

— Старый трактат об устройстве иллюзорных пространств.

Ашер приподнял бровь.

— Весьма скромное чтение для ребёнка.

— Мне было уже одиннадцать!

— Тогда беру свои слова обратно.

Она улыбнулась.

— Гинта всегда говорила, что из-за книг я однажды забуду поесть.

— Судя по вашему сегодняшнему столу, её опасения не были беспочвенными.

Эрия возмущённо посмотрела на него.

— Там же печенье!

— Вот именно. Несомненно, полноценный ужин.

Она рассмеялась.

И продолжила рассказывать.

О саде, где весной цвели яблони. О маленьком пруде, на котором иногда появлялись утки. О зимних вечерах, когда они с Гинтой пили горячий чай возле камина.

О том, как в детстве она пыталась выращивать цветы в неподходящих местах, однажды посадила что-то прямо возле садовой дорожки, а затем целый месяц возмущалась, что по её растениям ходят.

— И что сделала Гинта? — спросил Ашер.

— Гинта сама пересадила их.

— Прекрасное решение.

— Нет, сначала она предложила перенести меня.

Ашер расхохотался.

— Начинаю испытывать к этой женщине искреннюю симпатию.

Эрия улыбнулась.

— Она замечательная. Только очень строгая.

— Насколько?

— Иногда могла целый вечер сердиться на меня из-за какого-нибудь пустяка. Но потом всё равно приходила перед сном и проверяла, не холодно ли мне.

На последних словах её улыбка стала чуть тише.

Ашер заметил.

— Вы скучаете по ней?

Эрия кивнула.

— Очень.

Она опустила взгляд на собственные руки.

— Наверное, она ужасно волнуется. Я ведь ушла, ничего не сказав.

Ашер некоторое время молчал.

— Вероятно, волнуется, — ответил он.

Эрия вздохнула.

— Гинта всегда говорила, что я слишком любопытная.

— Неужели?

Она улыбнулась.

— Представляете?

— Даже не знаю, как ей удалось прийти к такому неожиданному выводу.

Девушка рассмеялась.

И напряжение немного отступило.

Ашер посмотрел на серебряную заколку в её волосах.

— Это тоже от неё?

Эрия удивлённо подняла руку.

— Да.

Она осторожно коснулась маленьких жемчужин.

— Подарок на день рождения.

— Очень красивая вещь.

— Правда?

— Безусловно.

Эрия улыбнулась.

— Я тогда так обрадовалась, что чуть не расплакалась.

Она немного помолчала.

— Надеюсь, Гинта не слишком сердится на меня.

Ашер посмотрел на неё.

— Думаю, сейчас она гораздо больше беспокоится, чем сердится.

Эрия кивнула.

И несколько мгновений задумчиво перебирала край салфетки.

* * *

— А кто ещё жил с вами? — спросил Ашер.

Эрия подняла голову.

— Адель.

— Кто это?

— Мой наставник.

Она произнесла это с таким выражением, что Ашер невольно улыбнулся.

— Судя по вашему лицу, человек выдающийся.

— О да.

Эрия вздохнула.

— Особенно если вы любите расписания.

— Уже звучит устрашающе.

Она рассмеялась.

— Адель очень серьёзный. У него на всё есть правила. И показатели. И таблицы. Даже когда я просто плохо себя чувствовала, он прежде всего хотел узнать, насколько плохо по десятибалльной шкале.

— Должно быть, вы находили это чрезвычайно полезным.

— Иногда я говорила, что чувствую себя на одиннадцать.

Ашер усмехнулся.

— И что он отвечал?

— Что я неправильно пользуюсь шкалой.

Ашер рассмеялся.

— Потрясающий человек.

— Вот именно!

Она улыбнулась.

— Хотя вообще-то он действительно очень много знает.

— Чему он вас учил?

Эрия задумалась.

— Сначала самому обычному. Гинта научила меня читать и писать, занималась со мной историей и другими предметами. Адель тоже давал мне книги и задания, хотя его больше интересовали мои способности.

— Те самые, которые вы мне недавно продемонстрировали?

Она покраснела.

— Не только.

Он улыбнулся.

— Тогда мне тем более интересно.

Эрия некоторое время смотрела на него.

Потом неожиданно рассмеялась.

— Знаете, Ашер, мир гораздо необычнее, чем вы можете себе представить.

Он поднял бровь.

— В самом деле?

— Конечно!

Она сказала это с таким удовольствием, словно собиралась познакомить его с одним из самых удивительных открытий в истории человечества.

— Вы ведь до нашей встречи даже не знали, что существуют суккубы.

Ашер задумчиво посмотрел на неё.

— Должен признать, знакомство оказалось весьма познавательным.

Эрия просияла.

— Вот видите!

Он улыбнулся.

На несколько мгновений ему захотелось рассмеяться.

Но не над ней.

Над восхитительной уверенностью, с которой девушка собиралась открывать ему тайны мира.

Если бы она только знала, с кем сейчас разговаривает.

Впрочем, это совершенно не имело значения.

Ему действительно было интересно, каким видит этот мир сама Эрия.

— Итак, — произнёс он, — что ещё умеют суккубы, помимо того, что способны приводить в замешательство совершенно невинных людей?

Эрия закатила глаза.

— Ашер!

— Я внимательно слушаю.

Она улыбнулась.

— Тогда начнём с того, что я не только питаюсь чужим желанием.

Ашер перестал улыбаться так широко.

— Вот как?

— Да. Это вообще только одна часть моего дара.

— А остальные?

Эрия задумалась.

— Наверное, проще объяснить, как всё происходит.

— С удовольствием.

Она устроилась удобнее.

— Когда я была маленькой, мне сначала показывали разные чувства. Не заставляли ничего принимать, просто учили различать — с помощью магических построений. Позднее к занятиям привлекали доноров.

— И вы ощущали их переживания?

— Да. Не всегда одинаково хорошо. Некоторые чувства очень легко заметить. Другие приходится искать.

— А желание?

Эрия смутилась.

— Обычно его трудно не заметить.

Ашер приподнял бровь.

— Буду иметь в виду.

Она рассмеялась.

— Вы опять!

— Простите. Продолжайте.

Эрия немного подумала.

— Когда мне исполнилось шестнадцать, потребность в питании стала гораздо сильнее. Тогда мы начали проводить регулярные кормления.

— С этим самым Аделем?

— Нет, конечно!

Она посмотрела на него с искренним удивлением.

— Адель следил за занятиями. А энергию я получала от доноров.

— Доноров?

— Да. Специально подготовленных. Они знали, для чего приходят.

Ашер внимательно слушал.

— И как это происходило?

— У нас была отдельная комната с перегородкой. Донор садился по другую сторону, а я должна была принимать энергию на расстоянии. Гинта следила за его состоянием и моим тоже.

— Почему через перегородку?

— Чтобы исключить лишние воздействия. Адель считал, что сначала я должна научиться управлять потоком независимо от прикосновений и других обстоятельств.

— Вполне предусмотрительно.

Эрия кивнула.

— А ещё он постоянно проверял, чтобы я не брала слишком много.

Ашер вспомнил вечер двухдневной давности.

— Значит, вы способны самостоятельно регулировать количество?

— Да. Хотя иногда это сложнее, чем кажется.

Она немного смутилась.

— Например, тогда...

Он улыбнулся.

— Помню.

Эрия покраснела ещё сильнее.

— Я ведь предупредила, что могу ошибиться.

— И оказались совершенно правы.

Он произнёс это с такой серьёзностью, что она рассмеялась.

— Вы невыносимы.

— Мне уже сообщали.

Ашер улыбнулся.

Затем немного помолчал.

— А вы всегда чувствуете чужое влечение? Даже когда сыты?

Эрия подняла глаза.

— Да.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— И каким оно становится для вас, если вы не собираетесь питаться?

Она задумалась.

— Просто ощущением. Иногда очень слабым, иногда сильным. Я могу обратить на него внимание или не обращать.

— Даже если человек находится совсем рядом?

— Даже тогда.

Она улыбнулась.

— Я ведь не обязана забирать всё, что чувствую.

Ашер усмехнулся.

— Какое облегчение.

Эрия посмотрела на него.

На мгновение её взгляд задержался на его губах.

Потом она тихо рассмеялась.

— Да, Ашер. Можете не беспокоиться.

Он тоже улыбнулся.

И на этот раз не стал притворяться, будто совершенно не понял, о чём она говорит.

* * *

— А другие чувства? — спросил Ашер, когда Эрия наконец перестала смеяться.

— Какие?

— Вы сказали, что питание — только часть вашего дара.

— Ах да.

Она задумалась, подбирая слова.

— Я могу принимать чужие переживания. Страх, например. Тревогу, печаль. Иногда злость, хотя с ней бывает особенно неприятно.

— Почему?

— Потому что потом хочется на кого-нибудь рассердиться.

Ашер усмехнулся.

— Должно быть, окружающим приходится нелегко.

— Особенно Аделю.

Эрия улыбнулась.

— Однажды я принимала раздражение почти целое утро, а потом весь обед спорила с ним о совершенно бессмысленной вещи. Он сказал, что я демонстрирую недостаточную устойчивость к внешнему воздействию.

— А вы?

— Что он сам недостаточно устойчив к справедливой критике.

Ашер рассмеялся.

— Надеюсь, вы победили.

— Разумеется, нет. Он назначил дополнительное упражнение.

— Безжалостный человек.

Эрия улыбнулась, но затем покачала головой.

— Вообще-то он был прав. Тогда мне действительно было трудно отличать собственные чувства от чужих.

— А сейчас?

— Гораздо легче. Я могу понимать, что переживание не моё, даже если оно очень сильное.

— И что с ним происходит потом?

— Постепенно исчезает.

— Так же, как энергия, которую вы получаете от доноров?

— Нет.

Она поставила чашку на стол.

— Это совсем разные вещи. Желание меня питает. Я принимаю энергию, перерабатываю её и восстанавливаю силы. А чужая боль не приносит ничего подобного.

Ашер чуть наклонил голову.

— Тогда что вы от неё получаете?

— Ничего.

Он посмотрел на неё.

Эрия пожала плечами.

— Просто человеку становится легче.

На несколько мгновений Ашер замолчал.

— А вам?

— Мне хуже.

Она произнесла это совершенно спокойно.

— Ведь я забираю его чувство.

— И начинаете испытывать сама?

— Да.

Ашер задумчиво провёл большим пальцем по ручке чашки.

— Значит, если кто-нибудь испытывает сильный страх, вы можете избавить его от этого чувства, но сами начнёте бояться?

— Именно.

— Даже если не знаете, чего он испугался?

— Да. Я ведь не получаю его воспоминания. Только само переживание.

— И как долго оно остаётся с вами?

— По-разному. Иногда несколько минут. Иногда день или два.

Эрия немного подумала.

— Бывают чувства, которые остаются надолго. Месяцами. Адель говорил, что особо сильные могут сохраняться годами.

— И всё это время вы их испытываете?

— Не одинаково сильно. Со временем они слабеют. Иногда кажется, что чувство совсем исчезло, а потом оно ненадолго возвращается.

Она улыбнулась.

— Главное — не забывать, что оно чужое.

Ашер молчал.

Его занимало одно обстоятельство.

Девушка описывала происходящее так, словно речь шла о совершенно обыкновенной особенности организма. Вроде способности быстро восстанавливаться после травм.

Но если её слова были правдой, она могла принимать на себя чужие страдания, не получая ничего взамен, кроме самих страданий.

И при этом сохранять достаточно ясное сознание, чтобы продолжать жить собственной жизнью.

Возможности подобного дара было трудно переоценить.

— Кто научил вас управлять этим? — спросил он.

— Адель.

— Разумеется.

Эрия рассмеялась.

— Он действительно очень хороший наставник.

— Вы так часто это повторяете, что я начинаю подозревать обратное.

Она покачала головой.

— Нет, правда. Просто заниматься с ним было ужасно трудно.

— В чём заключались занятия?

Эрия немного помолчала.

— Сначала мы работали с небольшими чувствами. Адель создавал определённое воздействие, а я должна была принять его и удерживать, не позволяя влиять на собственные решения.

— Например?

— Страх.

Она задумалась.

— Он мог передать мне тревогу, а потом попросить выполнить какое-нибудь задание. Прочитать текст, удержать магическое построение, решить задачу.

— И всё это время вы боялись?

— Да. Иногда ужасно хотелось прекратить упражнение, хотя я прекрасно понимала, что ничего опасного не происходит.

— А если не справлялись?

— Начинали сначала.

Ашер приподнял бровь.

— Какой восхитительный подход.

Эрия улыбнулась.

— Вам бы не понравилось.

— Уже начинаю догадываться.

Она немного помолчала.

— Потом упражнения стали сложнее. Особенно в последние годы.

— Насколько сложнее?

— Мы много работали с болью.

Ашер перестал улыбаться.

— С болью?

— Да.

Она посмотрела на него.

— Адель говорил, что нельзя научиться удерживать тяжёлые чувства, если не умеешь сохранять сосредоточение, когда тебе самой плохо.

— И каким образом он это проверял?

— Создавал болевое воздействие. Иногда одновременно передавал мне чужой страх или тревогу. Я должна была продолжать удерживать построение.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

— Настоящую боль?

Эрия удивлённо моргнула.

— Конечно. Иначе какой смысл?

Он не ответил.

Она, по-видимому, приняла его молчание за непонимание.

— Понимаете, Ашер, тело очень мешает сосредоточиться, когда ему больно. Хочется немедленно прекратить всё, что делаешь. Иногда становится трудно даже думать. А мне нужно было научиться не терять контроль.

— И как долго продолжались подобные занятия?

— Обычно три или четыре часа. Но не всё время с болью, конечно.

Она улыбнулась.

— Были ещё другие задания.

Ашер медленно откинулся на спинку дивана.

— А если вы просили остановиться?

— Иногда Адель делал перерыв.

— А иногда?

— Просил закончить упражнение.

Эрия немного нахмурилась.

— Если прекращать каждый раз, когда становится трудно, невозможно понять, сколько действительно можешь выдержать.

Ашер посмотрел на неё.

— И кто определял этот предел?

— Адель. Он следил за моим состоянием.

— Вы не могли решить самостоятельно?

Она задумалась.

— Не всегда. Иногда мне казалось, что больше не выдержу, а потом выяснялось, что могу.

Ашер молчал.

Он не собирался притворяться, будто не понимает необходимости суровой подготовки. Существовали виды силы, которыми нельзя было овладеть без серьёзных испытаний. Иногда цена ошибки оказывалась настолько высока, что любые предварительные страдания представлялись оправданными.

Но было кое-что, что ему не нравилось.

Эрия ни разу не сказала, что сама выбирала эту подготовку.

Она говорила о том, что ей следовало научиться делать.

Что требовалось выдержать.

Какого результата от неё ожидали.

И ни разу — о том, чего она хотела.

— Вам часто было больно? — спросил он.

— Во время занятий?

— Да.

— Довольно часто.

Она пожала плечами.

— Но всё быстро проходило. Вы ведь уже знаете, как хорошо я восстанавливаюсь.

— Знаю.

Ашер посмотрел на неё внимательнее.

— А травмы?

— Иногда случались. Небольшие порезы, ожоги. Один раз я неправильно удержала построение и довольно сильно повредила руку. Но Адель всё обработал, и к следующему дню стало гораздо лучше.

— И после этого вы продолжали заниматься?

Эрия немного удивилась.

— Конечно. Когда восстановилась.

Ашер опустил взгляд.

Собственно, чего ещё он ожидал?

Она ведь сама сказала, что подобные занятия продолжались годами.

И рассказывала о них с той же непринуждённостью, с какой несколько минут назад вспоминала яблоневый сад.

— Ашер?

Он поднял глаза.

— Да?

— Вам неприятно слушать?

— Почему вы спрашиваете?

— Вы стали очень серьёзным.

Он чуть усмехнулся.

— Должен признаться, мне редко рассказывают о нескольких часах боли в качестве обычного занятия.

Эрия задумалась.

— Наверное, это действительно звучит странно.

Она немного помолчала.

— Но Адель ведь не был жестоким.

Ашер посмотрел на неё.

— Я этого не говорил.

— Знаю. Просто он действительно следил за моим состоянием. Всегда проверял, как я восстанавливаюсь. Иногда отменял занятие, если результаты были плохими.

Она улыбнулась.

— И иногда даже хвалил.

— Иногда?

— Очень редко.

— Какое великодушие.

Эрия рассмеялась.

— Вы бы с ним совершенно не поладили.

— Пожалуй.

Он смотрел на неё и думал о том, насколько искренне девушка радуется воспоминанию о редкой похвале.

Разумеется, она могла гордиться собственными достижениями.

В этом не было ничего странного.

Но что-то в её рассказе оставляло неприятное ощущение.

Особенно мысль о том, что человек, причинявший ей боль, одновременно был единственным, кто определял, достаточно ли хорошо она её перенесла.

Ашер взял чашку.

— И для чего вас так долго готовили?

Эрия подняла глаза.

— Для Варена.

Он остановился.

Имя прозвучало совершенно естественно.

Но до сих пор девушка ни разу не объяснила, какое именно место занимал этот человек в её жизни.

— Варен? — переспросил Ашер.

— Да. Я уже упоминала его, но, кажется, почти ничего о нём не рассказывала.

— Тогда самое время исправить это упущение.

Эрия улыбнулась.

— Он очень хороший.

Ашер едва заметно приподнял бровь.

Весьма исчерпывающая характеристика.

— В таком случае мне действительно интересно.

* * *

Эрия немного подумала.

— Дом принадлежит Варену. Он устроил всё так, чтобы мне было удобно там жить. Привозил книги, подарки, иногда оставался на несколько дней.

— Но постоянно с вами не жил?

— Нет. У него много дел.

— И часто приезжал?

— По-разному.

Эрия улыбнулась.

— Иногда несколько раз в месяц. Иногда реже. Но всегда предупреждал заранее.

Она задумчиво провела пальцем по краю чашки.

— Я очень любила его приезды, особенно в детстве. Он всегда привозил что-нибудь интересное.

— Например?

— Книги. Иногда украшения. Один раз — целый набор редких музыкальных записей. А когда я захотела научиться играть на фортепиано, он распорядился поставить инструмент в гостиной.

Ашер улыбнулся.

— Щедрый человек.

— Очень.

Эрия кивнула.

— И всегда терпеливый. Даже когда я задавала слишком много вопросов.

— Значит, это испытание знакомо не только мне.

Она рассмеялась.

— Варен обычно отвечал гораздо подробнее, чем вы.

— Уязвлён до глубины души.

— И никогда не жаловался, что я отвлекаю его от работы.

Ашер положил ладонь на грудь.

— Эрия, вы решили окончательно уничтожить мою самооценку?

Она расхохоталась.

— Я просто рассказываю!

— Продолжайте. Постараюсь выдержать сравнение с этим выдающимся человеком.

Она ещё немного посмеялась.

Потом стала серьёзнее.

— Но он действительно очень много для меня сделал. Я ведь почти всю жизнь прожила в его доме.

— А почему именно там?

— Так было безопаснее.

Ашер посмотрел на неё.

— Из-за вашей природы?

— Да. И из-за дара тоже.

Эрия немного помолчала.

— Варен говорил, что я очень необычная. Что мои способности встречаются крайне редко и мне необходимо научиться правильно ими пользоваться.

— И он решил, что для этого вам лучше жить вдали от остальных?

— Не только он. Гинта и Адель тоже считали, что так будет спокойнее.

— Понятно.

Ашер некоторое время смотрел на девушку.

— И вы никогда не покидали дом?

— Территорию — нет.

Она улыбнулась.

— Зато у нас был огромный сад.

Он невольно усмехнулся.

— Замечательная замена целому миру.

Эрия посмотрела на него.

— Ну, тогда я ведь ещё не знала, какой мир большой.

Она задумалась.

— Мне иногда хотелось увидеть город. Особенно в последние годы. Но Варен обещал, что скоро всё изменится.

— Когда закончится подготовка?

— Да.

Эрия кивнула.

— Он говорил, что тогда мы сможем путешествовать, жить в другом доме, знакомиться с людьми. Я очень ждала этого.

Ашер молчал.

— А потом граница исчезла, — продолжила она. — И я вдруг поняла, что могу выйти сама.

Она улыбнулась.

— Представляете, какое это было чувство?

Он посмотрел на неё.

— Думаю, начинаю представлять.

Эрия немного смутилась.

— Наверное, мне не следовало уходить так далеко. И уж совершенно точно не стоило отправляться в лес в той обуви.

Ашер рассмеялся.

— С этим трудно спорить.

— Но если бы я тогда вернулась...

Она замолчала.

— Что? — спросил он.

Эрия посмотрела на него.

Потом улыбнулась.

— Мы бы не познакомились.

Ашер задержал на ней взгляд.

Она произнесла это без всякого смущения.

И, кажется, действительно считала их знакомство одной из самых приятных неожиданностей своего путешествия.

— Совершенно верно, — ответил он.

На мгновение ему захотелось добавить что-нибудь ещё.

Но Эрия уже улыбнулась и вернулась к рассказу.

— А ещё я никогда бы не узнала, что можно попробовать миндальный крем с клубничным джемом.

Ашер закрыл глаза.

— Вот это, безусловно, стало бы непоправимой потерей.

Она рассмеялась.

Он тоже улыбнулся.

А потом вернулся к вопросу, который всё ещё оставался без ответа.

— Так почему именно для Варена вас учили принимать чужое страдание?

Эрия перестала смеяться.

— Ах да.

Она чуть выпрямилась.

— Понимаете, он живёт очень давно. И за это время у него накопилось много тяжёлых переживаний.

Ашер слушал.

— Такие чувства могут становиться ужасно сильными, особенно если остаются с человеком столетиями. А мой дар позволяет постепенно избавлять от них другого.

— Значит, он рассчитывает передать вам часть своего страдания?

— Да.

— И вы сможете его принять?

Эрия задумалась.

— Надеюсь.

Она улыбнулась.

— Именно поэтому меня так долго учили. Обычный суккуб, скорее всего, не выдержал бы подобной нагрузки. Но Адель говорил, что мои способности необычные.

Ашер смотрел на неё.

Теперь многое становилось понятнее.

Продолжительные занятия.

Болевые испытания.

Упорная работа с удержанием чужих переживаний.

Всё было выстроено вокруг одной задачи.

И, судя по рассказу Эрии, сама она уже давно привыкла считать эту задачу смыслом своей подготовки.

— Когда вы собираетесь начать? — спросил он.

— После свадьбы.

Ашер замер.

Совсем ненадолго.

Потом медленно поставил чашку.

— После чего?

Эрия удивлённо моргнула.

— После свадьбы.

Она посмотрела на него.

— Я разве не говорила?

Нет.

Не говорила.

В этом Ашер был совершенно уверен.

Он знал, что девушка выросла под опекой Варена. Теперь услышал достаточно, чтобы понять, ради чего её готовили.

Но о браке она не упоминала.

Ни разу.

— Боюсь, эту подробность вы упустили, — произнёс он.

Эрия немного смутилась.

— Правда? Странно. Мне казалось, что я рассказывала.

Ашер смотрел на неё.

Он ожидал услышать многое.

Но не это.

— И за кого же вы собираетесь замуж?

Она удивлённо подняла брови.

— За Варена, конечно.

Конечно.

Ашер едва не рассмеялся.

Превосходно.

Варен.

Жениться на собственной воспитаннице.

Причём в ближайшее время.

Он посмотрел на Эрию.

На её открытое лицо, на аккуратно сложенные руки, на серебряную заколку в волосах.

Позавчера она призналась, что никогда прежде не целовалась.

И он всё ещё прекрасно помнил её смущение, когда она произносила эти слова.

А теперь выяснялось, что у девушки есть жених.

Ашер медленно откинулся на спинку дивана.

— Значит, вы помолвлены.

— Да.

— И давно?

Эрия задумалась.

— Вообще-то мы всегда собирались пожениться.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Всегда?

— Ну... с тех пор, как я себя помню.

Она немного смутилась.

— Просто раньше свадьба казалась чем-то очень далёким.

— А теперь?

— Теперь уже нет. Варен говорил, что после моего дня рождения нам понадобится примерно месяц на последние приготовления.

Ашер некоторое время молчал.

Ей исполнилось восемнадцать совсем недавно.

Он это помнил.

Особенно хорошо — с того момента, как узнал, что позавчерашний поцелуй был для неё первым.

— И вы рады? — спросил он.

Эрия посмотрела на него.

— Чему?

— Предстоящей свадьбе.

Она задумалась.

— Наверное.

Ответ прозвучал настолько неожиданно, что Ашер слегка приподнял бровь.

— Наверное?

Эрия немного смутилась.

— Просто я никогда особенно не задумывалась, как всё это должно происходить.

Она улыбнулась.

— Когда была маленькой, мне нравилось представлять красивое платье, цветы, гостей. А теперь я больше думаю о том, что будет потом.

— Например?

— О путешествиях. О новом доме. О том, что смогу познакомиться с разными людьми.

Она посмотрела на него.

— Вы ведь знаете, как мне хочется увидеть мир.

— Знаю.

И действительно знал.

Ашер провёл с девушкой достаточно времени, чтобы понять, насколько сильно её привлекает всё незнакомое.

— А сам Варен? — спросил он.

Эрия удивилась.

— Что Варен?

— Вам хочется стать его женой?

Она замолчала.

Несколько мгновений смотрела на него, словно пыталась понять, почему он задаёт такой вопрос.

Потом опустила глаза.

— Я люблю Варена.

Ашер не ответил.

— Он очень много для меня сделал, — добавила она. — Всегда заботился обо мне. И я ему многим обязана.

— Не сомневаюсь.

Он немного помолчал.

— Но я спрашивал не о благодарности.

Эрия подняла глаза.

— А о чём?

Ашер посмотрел на неё.

— О том, чего хотите вы сами.

Она задумалась.

И на этот раз молчала довольно долго.

— Наверное, я привыкла, — сказала наконец.

— К чему?

— К тому, что однажды мы поженимся.

Она осторожно провела пальцем по краю чашки.

— Я знала об этом с детства. Варен всегда говорил о нашей будущей жизни так, словно всё уже решено.

Ашер смотрел на неё.

— А вы никогда не пытались представить другое будущее?

Эрия немного нахмурилась.

— Иногда.

Он поднял глаза.

Она улыбнулась.

— В основном когда особенно уставала от занятий. Мне хотелось просто читать книги, путешествовать, заниматься музыкой. Чтобы никто не говорил, когда вставать и во сколько заканчивать.

Ашер усмехнулся.

— Должен признать, чрезвычайно дерзкие мечты.

Эрия рассмеялась.

— Вы смеётесь.

— Немного.

Она покачала головой.

Потом задумалась.

— Но я никогда не думала, что могу просто отказаться от свадьбы.

Ашер перестал улыбаться.

— Почему?

Эрия посмотрела на него.

— Потому что Варен столько лет всё готовил.

Она произнесла это без особенной тревоги.

Просто как очевидное обстоятельство.

— И моя подготовка почти закончилась. Он очень ждёт.

Ашер медленно взял стакан.

Он мог бы сейчас сказать многое.

Причём даже не пришлось бы прибегать к особенным хитростям.

Достаточно было задать несколько вопросов.

Обратить её внимание на то, как давно за неё всё решили.

На то, что благодарность не требует брака.

На то, что никто не вправе распоряжаться её будущим только потому, что заботился о ней в детстве.

Все эти доводы были бы совершенно разумными.

И, вероятно, Эрия стала бы их слушать.

Но Ашер слишком хорошо понимал, насколько легко превратить чужое сомнение в удобное для себя решение.

Особенно если человек сидит напротив и смотрит на тебя с таким доверием.

— Ашер? — негромко спросила она.

Он поднял глаза.

— Да?

— Вы считаете, что это неправильно?

Он немного помолчал.

— Я считаю, что вступать в брак стоит по собственному желанию.

Эрия кивнула.

Она не выглядела обиженной.

Скорее задумчивой.

— Наверное, вы правы.

Ашер усмехнулся.

— Удивительно приятно иногда это слышать.

Она улыбнулась.

Но через мгновение снова стала серьёзной.

— Просто Варен действительно очень хороший.

Он посмотрел на неё.

— Вы не обязаны меня убеждать, Эрия.

— Знаю.

Она опустила взгляд.

— Просто мне кажется, вы его не совсем правильно поняли.

Ашер молчал.

Эрия немного подумала.

— Он никогда не был со мной груб. Всегда объяснял, зачем нужны занятия. Когда я спрашивала, не будет ли мне слишком тяжело, обещал, что мы станем действовать осторожно.

— А если вам всё-таки окажется тяжело?

— Тогда замедлимся.

Она улыбнулась.

— Он сам так сказал.

Ашер некоторое время смотрел на неё.

— А если вы захотите остановиться совсем?

Эрия замолчала.

Потом задумчиво опустила глаза.

— Не знаю.

В гостиной стало тихо.

За окнами двигался вечерний город. По стеклу скользили отражения фар, где-то далеко раздавался глухой шум машин.

Эрия некоторое время сидела неподвижно.

Потом неожиданно улыбнулась.

— Знаете, вы задаёте почти столько же вопросов, сколько Адель.

Ашер приподнял бровь.

— Надеюсь, это не означает, что меня ожидает столь же суровая участь.

Она рассмеялась.

— Нет. С вами гораздо приятнее разговаривать.

— Вот это уже похоже на заслуженный комплимент.

Эрия улыбнулась.

Он ответил ей тем же.

И на некоторое время оставил тему свадьбы.

* * *

Они ещё долго разговаривали.

Ашер расспрашивал о книгах, которые Эрия читала в детстве, о Гинте, о саде и занятиях.

Иногда возвращался к её необычным способностям.

Теперь она уже не смущалась от каждого вопроса и объясняла довольно подробно.

Он узнал, что поглощённые переживания могут влиять на настроение, даже когда девушка полностью осознаёт их происхождение.

Что особенно тяжёлые чувства иногда возвращаются во сне.

Что после продолжительных испытаний Адель обычно проверял её состояние, а Гинта приносила восстановительные составы и заставляла отдыхать.

Эрия рассказывала обо всём без жалоб.

Но Ашер постепенно замечал, как сильно меняется её голос в зависимости от того, кого она вспоминает.

Говоря об Аделе, она чаще усмехалась или вздыхала.

О Гинте — улыбалась с неизменной нежностью.

А когда речь заходила о Варене, становилась внимательнее к собственным словам.

Она явно хотела, чтобы Ашер хорошо о нём думал.

Это было понятно.

И почему-то раздражало.

Особенно теперь, когда он знал о предстоящей свадьбе.

В какой-то момент Эрия замолчала и посмотрела на часы.

— Ой.

Ашер поднял глаза.

— Что случилось?

— Уже поздно.

Он тоже взглянул на часы.

Они проговорили почти три часа.

— Признаюсь, время прошло незаметно.

Эрия улыбнулась.

— Правда?

— Разумеется.

Она немного помолчала.

Потом спросила:

— Я вас не утомила?

Ашер рассмеялся.

— Эрия, я сам начал этот разговор.

— Знаю. Просто я иногда очень много рассказываю.

— Я успел заметить.

Она покраснела.

Он улыбнулся.

— И совершенно не возражаю.

Эрия посмотрела на него.

Потом улыбнулась в ответ.

— Хорошо.

Она начала собирать книги.

Ашер поднялся и помог убрать чашки со столика.

Несколько минут они занимались совершенно обыкновенными вещами, и от этого вечер почему-то казался особенно уютным.

Когда всё было убрано, Эрия остановилась возле дивана.

— Ашер?

— Да?

— Спасибо.

Он улыбнулся.

— За что на этот раз?

— За то, что выслушали.

Ашер посмотрел на неё.

— Не за что.

Она немного помолчала.

— Мне было очень приятно рассказать вам о доме.

— Мне тоже было интересно.

— Правда?

— Эрия, если вы ещё раз спросите, действительно ли мне понравился наш разговор, я начну подозревать, что вы сомневаетесь в моей способности выражать собственное мнение.

Она рассмеялась.

— Больше не буду.

— Прекрасно.

Эрия взяла книгу.

Но у двери вдруг остановилась.

— Знаете, раньше мне казалось, что люди, которые ничего не знают о моём мире, наверное, будут считать меня очень странной.

Ашер посмотрел на неё.

— И теперь?

Она улыбнулась.

— Теперь мне кажется, что всё не так страшно.

Он чуть наклонил голову.

— Рад, что сумел произвести благоприятное впечатление.

— Очень благоприятное.

Она рассмеялась.

Ашер улыбнулся.

— Доброй ночи, Эрия.

— Доброй ночи!

Она вышла.

Он ещё некоторое время смотрел на дверь.

Потом медленно вернулся в кресло.

* * *

Ашер не сразу поднялся.

Перед ним стояла пустая чашка, которую он почему-то забыл убрать. На столике остался небольшой листок с аккуратными записями Эрии.

Он взял его, мельком просмотрел несколько строк и положил обратно.

За вечер удалось узнать многое.

Больше, чем он рассчитывал.

Теперь он гораздо лучше представлял, как именно девушка пользуется своим даром, насколько продолжительной была её подготовка и какие ограничения ей приходилось преодолевать.

Некоторые ответы оказались чрезвычайно интересными.

Другие — неожиданно неприятными.

А одно обстоятельство и вовсе заставляло пересмотреть прежние представления о происходящем.

Свадьба.

Ашер нахмурился.

Он снова представил Эрию рядом с Вареном.

Попытался сделать это спокойно.

Без особенного успеха.

Разумеется, существовали вполне разумные причины считать подобный брак сомнительным.

Эрия была молода.

Почти не знала жизни за пределами своего дома.

С детства привыкла к мысли, что должна стать женой человека, который её воспитывал и распоряжался её будущим.

Всё это вызывало вопросы.

Серьёзные.

Вполне обоснованные.

Ашер мог бы долго рассуждать об этом.

Но ему не требовалось обманывать самого себя.

Самым неприятным оказалось совсем другое.

Он не хотел, чтобы Варен целовал Эрию.

Мысль возникла удивительно ясно.

И вызвала у него короткий, почти недоверчивый смешок.

Превосходно.

Ещё позавчера он напоминал себе о необходимости соблюдать дистанцию.

А теперь испытывал ревность к человеку, о существовании которого Эрия рассказывала с такой нежностью.

Причём прекрасно понимал, что никаких оснований для ревности у него нет.

Он не предлагал девушке ничего подобного.

Не давал обещаний.

И не собирался превращать несколько приятных минут на диване в начало серьёзных отношений.

По крайней мере, пока.

Ашер медленно откинулся на спинку кресла.

За последние дни Эрия успела доставить ему немало удовольствия.

И, что гораздо менее удобно, он начал замечать, когда её что-нибудь огорчало.

Сегодня же выяснилось, что его волнует даже её предполагаемое будущее.

Он усмехнулся.

Какая досадная склонность всё усложнять.

Некоторое время он смотрел на тёмное окно.

Потом вспомнил другие слова Эрии.

«Когда я забираю такое чувство, оно становится моим».

Ашер перестал улыбаться.

Существование её дара больше не вызывало сомнений.

Теперь он понимал его значительно лучше.

Хотя некоторые вопросы всё ещё оставались без ответа.

Например, существовал ли предел тому, что девушка могла принять.

И как долго сумела бы это удерживать.

Он посмотрел на дверь.

В соседней части квартиры было тихо.

Эрия, вероятно, уже собиралась спать.

Ашер мог бы продолжить разговор завтра.

Расспросить подробнее.

Узнать, какие ограничения устанавливал Адель и насколько далеко продвинулась её подготовка.

Она, несомненно, ответила бы.

Сегодня девушка рассказывала о себе с такой открытостью, что он временами почти забывал о необходимости тщательно выбирать собственные вопросы.

Он задумчиво провёл ладонью по подбородку.

Ему следовало обдумать услышанное.

Не торопиться.

Особенно после новости о предстоящем браке.

Впрочем, с последним было сложнее.

Ашер слишком хорошо помнил, как Эрия позавчера приподнимала лицо навстречу его поцелую.

Как смеялась.

Как потом совершенно счастливо призналась, что никогда прежде не целовалась.

Теперь он пытался представить рядом с ней другого мужчину.

И с неудовольствием обнаруживал, что совершенно не хочет этого делать.

Он негромко рассмеялся.

Потом встал и направился к выходу из гостиной.

У двери остановился.

Из комнаты Эрии доносился едва различимый шелест страниц.

Разумеется.

Она снова читала.

Ашер невольно улыбнулся.

За несколько дней он успел привыкнуть даже к этому звуку.

И теперь собственная квартира казалась ему чуть менее уютной, когда девушка слишком долго оставалась неподвижной и не переворачивала страницы.

Он покачал головой.

Совершенно нелепо.

И всё же улыбка не исчезла.

Ашер погасил свет и отправился к себе, впервые за этот вечер не пытаясь найти для неё какое-нибудь особенно разумное объяснение.

Глава 6. Удовольствие

Эрия проснулась раньше обычного.

За окнами едва начинало светлеть. Комната ещё оставалась погружённой в мягкий полумрак, но на потолке уже проступали первые бледные отражения рассвета.

Она некоторое время лежала неподвижно, прислушиваясь к тишине.

В доме ничего не происходило.

Не слышно было шагов, голосов, приглушённого звона посуды. Даже город за окнами казался непривычно спокойным.

Эрия перевернулась на другой бок.

Закрыла глаза.

Попыталась снова уснуть.

Но сон не возвращался.

Впрочем, особенного желания спать у неё тоже не было.

Она чувствовала себя прекрасно.

За последние дни к ней окончательно вернулись силы. Нога больше не беспокоила, голод исчез, а в теле сохранялась приятная лёгкость, благодаря которой даже утреннее пробуждение казалось маленьким удовольствием.

Эрия потянулась, отбросила одеяло и выбралась из постели.

В шкафу теперь висела одежда, которую купил для неё Ашер. Эрия до сих пор была благодарна ему за эту предусмотрительность. Было приятно знать, что даже здесь у неё появились собственные вещи. Она выбрала мягкое домашнее платье и лёгкий кардиган.

Волосы расчёсывать особенно тщательно не стала. Они всё равно должны были растрепаться к завтраку.

Эрия осторожно открыла дверь.

В коридоре было тихо.

Она направилась к кухне, собираясь приготовить себе чай, но, проходя мимо гостиной, неожиданно заметила свет.

Не электрический.

Бледное утреннее сияние, постепенно проникавшее через огромные окна.

А на диване сидел Ашер.

Эрия остановилась.

Он устроился в самом углу большого дивана, вытянув ноги и откинувшись на мягкие подушки. На нём были свободные тёмные брюки и тонкая домашняя рубашка с расстёгнутым воротом. Босые ступни покоились на ковре.

В одной руке он держал чашку кофе.

Другую небрежно положил на спинку дивана.

Ни ноутбука, ни телефона поблизости не было.

Ашер просто смотрел в окно.

И выглядел настолько довольным, что Эрия невольно улыбнулась.

— Доброе утро.

Он повернул голову.

На мгновение в его лице появилось удивление.

— Эрия?

Потом он улыбнулся.

— Какая неожиданность. Я полагал, у нас ещё есть как минимум час до вашего пробуждения.

— Я сегодня рано проснулась.

— Как видите, мир полон сюрпризов.

Она рассмеялась.

— А вы давно здесь?

— Достаточно давно, чтобы успеть оценить достоинства хорошего кофе и полного отсутствия собеседников.

Эрия остановилась.

— Тогда я, наверное, вам мешаю.

Ашер посмотрел на неё поверх чашки.

— Боже упаси. Просто до вашего появления утро было несколько менее интересным.

Она улыбнулась.

— Можно я посижу с вами?

— Разумеется.

Эрия подошла к дивану.

На секунду задумалась, куда устроиться, затем выбрала место рядом с ним, чуть ближе к окну.

Подобрала ноги и повернулась к светлеющему небу.

— Как красиво.

Ашер проследил за её взглядом.

— Да.

На этот раз он не стал шутить.

Некоторое время они молчали.

Небо над городом постепенно меняло цвет. Сначала оно было почти бесцветным, прозрачным, с тонкой полосой холодной голубизны над дальними крышами.

Потом у горизонта появился слабый розовый оттенок.

Незаметно для глаза он становился теплее, пока первые высокие здания не начали окрашиваться в мягкое золото.

Эрия наблюдала за этим с удовольствием.

Ей нравились рассветы.

В лесном доме она нередко просыпалась достаточно рано, чтобы увидеть, как солнце поднимается над деревьями. Особенно красиво было осенью, когда туман ещё лежал между стволами, а верхушки сосен уже освещались.

Но здесь всё выглядело иначе.

Вместо леса — город.

Вместо влажной травы и утреннего тумана — стекло, камень, длинные улицы.

И всё же красота была та же.

Просто другая.

Эрия повернула голову.

Ашер по-прежнему смотрел в окно.

Время от времени он подносил чашку к губам, делал небольшой глоток и снова устраивался удобнее.

Она вдруг подумала, что редко видела его таким.

Не занятым.

Не разговаривающим по телефону.

Не поддразнивающим её.

Не сосредоточенным на какой-нибудь работе.

Просто сидящим на диване, совершенно довольным тем, что находится именно здесь.

Эрия улыбнулась.

— Вы любите утро?

Ашер немного подумал.

— Хорошее утро — безусловно.

— А плохое?

— Предпочитаю считать его досадной ошибкой природы.

Она рассмеялась.

Он тоже улыбнулся.

— Впрочем, сегодня у природы всё получилось вполне прилично.

Эрия снова посмотрела в окно.

— Очень.

Она помолчала.

Потом поднялась.

— Я приготовлю себе чай.

— В таком случае попрошу вас не совершать ничего героического. Утром это особенно утомительно.

Эрия возмущённо посмотрела на него.

— Я умею готовить чай!

— Именно поэтому и надеюсь на благополучный исход.

Она рассмеялась и отправилась на кухню.

Вернулась через несколько минут с чашкой и небольшой тарелкой печенья.

Ашер проводил взглядом последнюю.

— Прекрасно. Теперь у нас есть всё необходимое для достойного начала дня.

Эрия устроилась рядом.

— Хотите?

— Благодарю.

Он взял одно печенье.

Попробовал.

И с заметным удовольствием прикрыл глаза.

Эрия наблюдала за ним.

Почему-то именно это простое движение её особенно позабавило.

— Вкусное?

Ашер открыл глаза.

— Превосходное.

— Вы говорите так, словно впервые его пробуете.

— Нет, Эрия. Просто оно действительно превосходное.

Она улыбнулась.

— Я заметила, что вы всегда так делаете.

— Как?

— Когда вам что-нибудь нравится.

Он приподнял бровь.

— Боюсь, мне потребуется немного больше подробностей.

Эрия задумалась.

— Не знаю, как объяснить.

Она осторожно подула на чай.

— Вы всегда очень внимательно выбираете вещи. И еду тоже. Даже кофе.

Ашер посмотрел на свою чашку.

— Полагаю, теперь мне придётся защищать и его.

— Нет!

Она рассмеялась.

— Я не жалуюсь. Наоборот.

Он повернулся к ней.

Эрия немного смутилась, но продолжила:

— Мне нравится ваш вкус.

— Как приятно.

— Я серьёзно.

— И я.

Она улыбнулась.

— У вас всё очень красивое. Но не просто дорогое. Мне кажется, вы выбираете вещи потому, что они действительно вам нравятся.

Ашер слегка склонил голову.

— Весьма проницательное замечание.

— И вы потом ими пользуетесь.

— Надеюсь, это не считается недостатком.

Эрия рассмеялась.

— Нет. Просто иногда люди покупают красивые вещи, а потом берегут их так сильно, что почти не прикасаются.

Она вспомнила некоторые особенно дорогие предметы в доме Варена, к которым даже Гинта относилась с осторожностью.

— А вы совсем иначе.

Ашер задумчиво посмотрел на неё.

— Полагаю, я не вижу особенного смысла в вещах, которыми нельзя наслаждаться.

— Вот именно!

Эрия улыбнулась, обрадовавшись, что сумела объяснить.

— И ещё мне нравится, что вы замечаете даже маленькие удовольствия.

Он усмехнулся.

— Должен признать, Эрия, вы составили обо мне исключительно лестное представление.

— Не только о вас.

Она посмотрела на окно.

— О вашей жизни.

Ашер замолчал, ожидая продолжения.

Эрия немного подумала.

— Я раньше представляла, что люди, у которых есть всё, наверное, очень быстро к этому привыкают.

Она улыбнулась.

— А вы не привыкли.

— Вот как?

— Да.

Она повернулась к нему.

— Вы ведь действительно радуетесь всему этому. Музыке, хорошей еде, красивым вещам. Даже кофе.

Ашер посмотрел на чашку в своей руке.

— Боюсь, вы сейчас окончательно убедите меня в собственной избалованности.

Эрия покачала головой.

— Нет.

Она помолчала.

Потом произнесла совсем тихо:

— Мне кажется, вы очень любите жить.

Ашер перестал улыбаться.

Не резко.

Просто привычная насмешливость постепенно исчезла с его лица.

Он посмотрел на Эрию.

Она сидела рядом, обхватив чашку обеими руками, и совершенно искренне ожидала ответа.

Несколько мгновений Ашер молчал.

Потом перевёл взгляд на рассвет.

— Да, — произнёс он наконец. — Очень.

Эрия тоже посмотрела в окно.

И почему-то больше ничего не спросила.

Ашер медленно повернул чашку в ладони.

Фарфор был тёплым.

Почти горячим возле самого края, но уже немного остывшим там, где его касались пальцы.

Он ощущал гладкость глазури, едва заметную тяжесть чашки, тепло, постепенно переходившее на кожу.

Всё это было до смешного обыкновенным.

Настолько, что большинство людей никогда не задумывалось о подобных вещах.

Ашер посмотрел на собственную руку.

Потом улыбнулся.

Совсем немного.

— Знаете, Эрия, мне кажется, люди вообще удивительно быстро привыкают к тому, что у них есть.

Она подняла глаза.

— К хорошим вещам?

— Не только.

Он немного помолчал.

— К самой возможности их испытывать.

Эрия задумалась.

Ашер поставил чашку на столик.

— Вот вы сейчас держите чай. Чувствуете, какой он горячий?

Она кивнула.

— Да.

— И когда делаете глоток, можете различить его вкус. Не просто понять, что пьёте чай, а почувствовать, какой именно.

Эрия посмотрела на чашку.

— Конечно.

— Разумеется.

Ашер чуть улыбнулся.

— В этом и заключается удивительная вещь. Для вас это совершенно естественно.

Он повернулся к окну.

— Просыпаться утром. Чувствовать прохладу пола под ногами. Открывать окно. Слышать музыку. Пробовать что-нибудь новое. Даже испытывать голод, а потом удовольствие от хорошего ужина.

Эрия слушала.

В его голосе больше не было обычной насмешливости.

Но и грустным он не казался.

Скорее задумчивым.

Будто пытался подобрать слова для чего-то, что прежде никогда не приходилось объяснять.

— А разве это не естественно для всех? — спросила она.

Ашер немного помолчал.

— Для многих.

Он снова взял чашку.

— Но есть большая разница между тем, чтобы знать о существовании чего-то прекрасного, и тем, чтобы действительно это испытать.

Эрия задумалась.

— Например?

Он посмотрел на неё.

— Например, можно прекрасно знать, как устроена музыка. Понимать её закономерности, различать каждую ноту, даже предсказывать, какой звук последует за другим.

Ашер чуть повернул голову.

— Но совсем другое дело — услышать мелодию и вдруг обнаружить, что она доставляет вам удовольствие.

Эрия улыбнулась.

Она прекрасно понимала, о чём он говорит.

Когда училась играть, ей приходилось подолгу разбирать сложные произведения. Иногда она так старательно следила за правильностью нот, что почти переставала слышать саму музыку.

А потом однажды играла всё произведение целиком.

И обнаруживала, что оно прекрасно.

— Да, — сказала она. — Я понимаю.

Ашер посмотрел на неё.

— Правда?

Она кивнула.

— Когда я впервые оказалась в городе, мне казалось, что я уже довольно много о нём знаю. Я ведь столько читала.

Она улыбнулась.

— Но оказалось, что фотографии и книги совсем не то же самое.

— Вот именно.

Он произнёс это негромко.

И почему-то с таким удовлетворением, что Эрия посмотрела на него внимательнее.

Ашер тем временем продолжил:

— Можно знать, как пахнет дождь. Прекрасно понимать, почему он начинается, какие облака его приносят и сколько воды выпадает за час.

Он слегка улыбнулся.

— Но всё это не заменит одного мгновения, когда вы окажетесь под ним.

Эрия представила лес после дождя.

Тёмную влажную землю.

Капли на листьях.

Прохладу, которая проникает под одежду.

И неожиданно вспомнила первые дни своего побега.

Тогда ей приходилось ночевать под открытым небом. Она замерзала, уставала, боялась незнакомых звуков.

Но иногда просто останавливалась и смотрела вокруг, поражённая тем, насколько огромен мир.

— Вы правы, — тихо сказала она.

Ашер посмотрел на неё.

— Бывает, что человек очень долго знает о вещах, которых не может получить, — продолжил он. — И постепенно ему начинает казаться, что этого знания достаточно.

Он ненадолго замолчал.

— Что можно обойтись без остального.

Эрия слегка нахмурилась.

В его голосе появилось что-то новое.

Не печаль.

Скорее необыкновенная серьёзность.

Ашер медленно провёл пальцем по краю чашки.

— Но иногда оказывается, что нельзя.

Он посмотрел на окно.

— И тогда всё, что прежде казалось достаточно важным, постепенно теряет значение.

Эрия слушала.

Ей захотелось спросить, о чём именно он говорит.

Но почему-то она не стала этого делать.

Ашер сам продолжил:

— Люди часто думают, что удовольствие — это нечто необязательное. Приятное дополнение к жизни. Можно позволить себе, если есть время, деньги, подходящее настроение.

Он слегка усмехнулся.

— Вполне разумный подход.

Эрия улыбнулась.

— А вы так не думаете?

Он посмотрел на неё.

— Нет.

Ответ прозвучал просто.

Без привычной попытки обратить всё в шутку.

— Я думаю, что возможность испытывать удовольствие и есть одна из самых замечательных сторон существования.

Он немного помолчал.

— Причём необязательно что-нибудь особенное. Иногда достаточно солнца. Или хорошей музыки. Или просто возможности почувствовать тепло.

Эрия опустила глаза на свою чашку.

Чай уже успел немного остыть.

Она осторожно сделала глоток.

Теперь почему-то особенно ясно ощутила его вкус.

Слабую терпкость.

Тонкий аромат трав.

Тепло, которое медленно распространилось внутри.

Ашер наблюдал за ней.

И улыбнулся.

— Вот видите.

Эрия рассмеялась.

Совсем тихо.

— Вы заразили меня своим отношением к чаю.

— Прекрасно. По крайней мере, этим утром я сделал что-то полезное.

Она улыбнулась.

Но потом снова посмотрела на него.

— Ашер...

— Да?

Эрия немного помолчала.

— Вы говорите так, словно очень долго этого хотели.

Он встретил её взгляд.

И на этот раз не улыбнулся.

Некоторое время Ашер ничего не отвечал.

За окнами медленно поднималось солнце.

Первые лучи уже коснулись стеклянных стен дальних зданий, и теперь город словно загорался изнутри.

Где-то внизу проехала машина.

Потом ещё одна.

День постепенно вступал в свои права.

Ашер посмотрел на Эрию.

Она ждала.

Без нетерпения.

Не пытаясь угадать ответ.

Просто смотрела на него с тем спокойным вниманием, которое он всё чаще замечал в последние дни.

— Возможно, — произнёс он наконец.

Эрия немного склонила голову.

Он продолжил:

— Иногда человек очень долго стремится к чему-то, что остальные считают совершенно обыкновенным.

Ашер откинулся на спинку дивана.

— И со временем желаемое становится для него значительно важнее, чем можно было бы предположить со стороны.

— А потом он этого добивается?

Ашер слегка улыбнулся.

— Иногда.

Она задумалась.

— И тогда становится счастливым?

Он посмотрел на неё.

Какой простой вопрос.

И насколько труднее на него ответить, чем на многие другие.

— Не обязательно, — произнёс он.

Эрия удивилась.

— Почему?

Ашер посмотрел на свои руки.

Некоторое время молчал.

Потом медленно разжал пальцы.

— Потому что, получая что-то одно, мы иногда теряем другое.

Она задумчиво кивнула.

— Да.

Он усмехнулся.

— Не самое оригинальное открытие, признаю.

— Но ведь это правда.

— Безусловно.

Эрия немного помолчала.

— И всё-таки, если человек очень долго чего-то хотел, наверное, он готов чем-нибудь пожертвовать.

Ашер поднял на неё глаза.

На мгновение его лицо стало совершенно неподвижным.

Потом он улыбнулся.

Но на этот раз улыбка была совсем другой.

Тихой.

Почти усталой.

— Да, Эрия. Иногда готов.

Она смотрела на него.

Ашер перевёл взгляд на рассвет.

— Особенно если прежде у него никогда не было ничего подобного.

Он произнёс это так негромко, что последние слова почти растворились в утренней тишине.

Эрия почувствовала странное волнение.

Не чужое переживание.

Не то, что она могла бы принять или определить с привычной точностью.

Просто её собственное чувство.

Ей вдруг показалось, что Ашер рассказывает о чём-то очень важном.

О чём-то, о чём он не привык говорить.

Теперь Эрия иначе услышала всё, что он говорил прежде.

О музыке.

О вкусе.

О возможности ощущать тепло.

О том, как замечательно просто выйти под дождь.

И ей неожиданно стало ясно, что он действительно не преувеличивал.

Для него всё это было важно.

Не потому, что он слишком любил роскошь.

Не потому, что привык получать желаемое.

А потому, что почему-то умел испытывать настоящую благодарность за самые простые вещи.

Эрия посмотрела на его лицо.

Ашер всё ещё смотрел в окно.

В утреннем свете он казался немного другим.

Не моложе и не старше.

Просто спокойнее.

И почему-то гораздо ближе.

Она вдруг подумала, что, наверное, никогда не задумывалась, сколько труда могло потребоваться человеку, чтобы построить подобную жизнь.

Ашер казался ей настолько уверенным в себе, настолько привыкшим распоряжаться собственным временем и окружающим пространством, что иногда представлялось, будто всё это досталось ему совершенно естественно.

Но ведь так не бывает.

Наверное, ему пришлось очень долго трудиться.

Годами.

Возможно, гораздо дольше, чем она способна представить.

Учиться, добиваться положения, принимать сложные решения.

Может быть, отказывать себе во многом, что хотелось получить немедленно.

Эрия осторожно посмотрела на его руки.

Красивые.

Ухоженные.

Совершенно спокойные.

Она подумала, что эти руки, наверное, сделали очень многое, прежде чем он смог позволить себе подобные утра.

И ещё ей показалось, что труднее всего ему было не приобрести красивые вещи.

А получить возможность жить именно так, как ему хотелось.

Возможно, когда-то у него не было ни времени, ни свободы, чтобы остановиться и насладиться обыкновенным рассветом.

Теперь было.

И он ценил это гораздо сильнее, чем другие люди.

Эрия почувствовала неожиданную нежность.

Словно перед ней на мгновение открылось что-то очень личное.

Эрия была почти уверена, что за этой красивой, спокойной жизнью стоит немало пережитого.

— Ашер? — тихо позвала она.

Он повернул голову.

— Да?

— А вы не жалеете?

Он некоторое время смотрел на неё.

— О чём?

Эрия немного смутилась.

— Если вам пришлось чем-то пожертвовать ради всего этого... вы не жалеете?

Ашер опустил взгляд.

Впервые за весь разговор он выглядел так, словно действительно задумался над ответом.

Не потому, что не знал его.

Скорее потому, что давно не произносил вслух.

— Нет, — сказал он наконец.

Эрия посмотрела на него.

— Совсем?

Ашер слегка улыбнулся.

— Иногда я думаю, что некоторые вещи обошлись значительно дороже, чем предполагалось.

Он помолчал.

— Но это не значит, что я хотел бы отказаться от того, что получил.

Эрия кивнула.

Он продолжил:

— Знаете, когда долго стремишься к чему-то, легко представить, что однажды наступит момент, после которого всё станет совершенно просто.

Ашер усмехнулся.

— Но жизнь редко бывает настолько любезной.

Эрия тихо рассмеялась.

Он посмотрел на неё.

— И всё же я не жалею.

На этот раз слова прозвучали совершенно уверенно.

— Даже со всеми сложностями?

Ашер улыбнулся.

— Даже с ними.

Он взял чашку.

Кофе окончательно остыл.

Но он всё равно сделал небольшой глоток.

И вдруг добавил:

— Я слишком люблю всё это, Эрия.

Она посмотрела на него.

Он слегка повёл рукой, указывая на комнату, на окно, на город за стеклом.

— Не обязательно именно этот дом. Не обязательно вещи.

Ашер задумался.

— Просто возможность проснуться утром и обнаружить, что впереди ещё целый день.

Он улыбнулся.

— И можно решить, чем его наполнить.

Эрия слушала.

В последних словах было что-то странное.

Будто решение, которое казалось ей совсем простым, для него имело особенную цену.

Но она не стала спрашивать.

Ей вдруг показалось, что Ашер уже рассказал достаточно.

Возможно, даже больше, чем собирался.

И почему-то не хотелось разрушать эту редкую откровенность новыми вопросами.

Она посмотрела на его лицо.

Потом тихо сказала:

— Я очень рада.

Ашер повернулся.

— Чему?

— Что у вас всё это есть.

Он замолчал.

Эрия улыбнулась.

Совсем немного.

— Правда.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Ашер собирался что-то ответить.

Вероятно, какую-нибудь привычную шутку.

Поблагодарить за проявленное великодушие.

Или заметить, что его финансовое положение действительно не вызывает особенных оснований для сочувствия.

Но почему-то ничего не сказал.

Эрия смотрела на него с такой искренней мягкостью, что все подходящие замечания внезапно показались неуместными.

Ашер почувствовал неожиданное тепло.

— Благодарю, Эрия, — произнёс он.

Она улыбнулась.

Потом немного помедлила.

И придвинулась ближе.

Он с любопытством посмотрел на неё.

Эрия осторожно обняла его.

Просто обхватила руками и положила голову ему на плечо.

Ашер замер.

Совсем ненадолго.

Не от неловкости.

Он прекрасно знал, каково это — когда женщина оказывается так близко.

Знал значительно больше, чем следовало бы сообщать юной особе, которая сейчас совершенно доверчиво устроилась рядом с ним.

Но это объятие было иным.

В нём не было приглашения.

Ожидания поцелуя.

Попытки пробудить его влечение.

Эрия просто обняла его.

Потому что захотела.

И почему-то Ашеру показалось, что это едва ли не самое удивительное из всего, что произошло с ним за последние дни.

— Эрия? — негромко произнёс он.

— Да?

Она не подняла головы.

Ашер слегка улыбнулся.

— Ничего.

Он осторожно обнял её в ответ.

Положил ладонь на спину.

Другой рукой чуть поправил подушку, чтобы ей было удобнее.

Эрия довольно устроилась ближе.

И затихла.

Некоторое время Ашер смотрел поверх её головы на рассвет.

Потом опустил взгляд.

Каштановые волосы мягко лежали у него на плече.

Одна прядь слегка щекотала шею.

Он чувствовал тепло её тела.

Спокойное, ровное дыхание.

Лёгкое прикосновение пальцев к ткани рубашки.

И тонкий аромат белых цветов.

Ашер медленно вдохнул.

Запах был знакомым.

За последние дни он научился различать его почти безошибочно.

Так Эрия пахла, когда была счастлива.

Когда чувствовала себя спокойно.

Когда ей было хорошо.

Но теперь сквозь цветочную свежесть проступало что-то ещё.

Едва ощутимый озон.

Почти неуловимая холодная нота.

Ашер нахмурился.

Он уже знал этот запах.

Раньше он появлялся, когда Эрия тревожилась.

Когда ей было страшно.

Когда что-то причиняло ей боль.

Но сейчас девушка совершенно спокойно лежала у него на плече.

Не боялась.

Не испытывала никакого видимого неудобства.

И вдруг Ашер понял.

Она тревожилась не за себя.

Он медленно опустил глаза.

Эрия по-прежнему обнимала его.

Её лицо было спокойно.

Но в лёгком озоновом оттенке чувствовалось то самое беспокойство, которое он уже начал узнавать.

Только теперь оно было обращено к нему.

Ашер неожиданно почувствовал, как что-то внутри становится мягче.

Он ведь ничего у неё не просил.

Не рассказывал о собственных потерях.

Не пытался вызвать сочувствие.

И тем более не рассчитывал на утешение.

Она не знала, что именно стояло за его словами.

Но каким-то образом услышала в них самое главное.

И теперь просто сидела рядом.

Без вопросов.

Без обещаний.

Без попытки что-нибудь исправить.

Ашер медленно провёл ладонью по её спине.

Эрия чуть крепче обняла его.

И снова затихла.

Он улыбнулся.

Совсем немного.

Потом устроился удобнее и откинул голову на спинку дивана.

Время проходило незаметно.

Небо за окнами постепенно светлело.

Розовые оттенки исчезли, уступив место прозрачному золоту. Солнечная полоса легла на край ковра, затем медленно добралась до ножки столика.

Город просыпался.

Внизу становилось больше машин.

Где-то далеко раздался короткий сигнал.

В соседнем здании одно за другим гасли огни, больше не нужные при дневном свете.

Ашер слышал всё это.

Чувствовал тепло Эрии.

Запах её волос.

Мягкость ткани под ладонью.

И никуда не торопился.

Кофе давно остыл.

Чашка стояла на столике, совершенно забытая.

Он мог бы подняться.

Проверить телефон.

Просмотреть сообщения.

Заняться десятком вещей, которые обычно заполняли его утро.

Но не испытывал ни малейшего желания.

Эрия лежала у него на плече, и с каждой минутой ему становилось всё спокойнее.

Не потому, что он перестал думать.

И не потому, что исчезли обстоятельства, требовавшие его внимания.

Они никуда не делись.

Просто сейчас не имели значения.

Ашер опустил глаза.

Девушка немного пошевелилась, устраиваясь удобнее.

— Вам не тяжело? — тихо спросила она.

Он едва заметно улыбнулся.

— Совершенно нет.

— Хорошо.

Она снова положила голову ему на плечо.

Ашер почувствовал, как уголки губ невольно приподнимаются.

В другой ситуации он непременно нашёл бы повод пошутить.

Например, о том, что его диван постепенно утрачивает способность использоваться по первоначальному назначению.

Или о том, что ему, по всей видимости, придётся добавить в расписание утренние объятия.

Но сейчас совершенно не хотелось говорить.

Он просто сидел рядом с ней.

И наслаждался.

Теплом.

Близостью.

Спокойствием.

Всё это было настолько простым, что почти казалось удивительным.

Ашер привык получать от жизни удовольствие.

Любил насыщенные вкусы, хорошее вино, красивую музыку, прикосновения, путешествия.

Любил всё, что заставляло тело отзываться на происходящее.

И не видел причин скрывать эту любовь.

Но сейчас не происходило почти ничего.

Девушка обнимала его.

Солнце поднималось над городом.

Время медленно текло.

И ему было необыкновенно хорошо.

Ашер осторожно коснулся щекой её волос.

На мгновение прикрыл глаза.

Она не пыталась принять его переживания.

Он бы заметил.

После недавнего опыта он уже знал, насколько отчётливо ощущается её воздействие.

Но сейчас ничего подобного не происходило.

Эрия не забирала его тревоги.

Не пыталась ослабить воспоминания.

Не вмешивалась в его чувства.

Она просто была рядом.

И, как ни странно, этого оказалось достаточно.

Ашер медленно выдохнул.

За последние годы он редко позволял себе оставаться настолько неподвижным.

Обычно даже в минуты отдыха его занимало что-нибудь ещё.

Музыка.

Разговор.

Новая книга.

Планы на вечер.

Следующее удовольствие, которое хотелось испытать.

Он не считал эту привычку недостатком.

Напротив.

Жизнь была слишком интересной, чтобы проводить её в бесконечном ожидании.

Но сейчас впервые за долгое время ему не хотелось ничего прибавлять к происходящему.

Он даже не представлял, что могло бы сделать это утро лучше.

Эрия тихо вздохнула.

Он почувствовал её дыхание через ткань рубашки.
И невольно улыбнулся.
За всё время они обменялись лишь несколькими словами.
Пожалуй, это был самый молчаливый разговор в его жизни.
И один из самых приятных.
Прошло около десяти минут.
Ашер заметил это, лишь когда случайно посмотрел на часы, стоявшие на полке напротив.
Он нахмурился.
Не от недовольства.
Скорее от досады.
Утро, разумеется, не собиралось останавливаться только потому, что ему этого хотелось.
Впереди была работа.
Несколько встреч.
Дела, которые действительно требовали его присутствия.
Он вполне мог позволить себе опоздать.
Но не любил без необходимости менять собственные договорённости.
Особенно когда это затрагивало других людей.
Ашер снова посмотрел на Эрию.
Она по-прежнему лежала у него на плече.
Одна рука свободно обнимала его за талию.
Другая покоилась на груди.
Она, кажется, совершенно не следила за временем.
Он мог бы просидеть так ещё.
Наверное, очень долго.
Мысль оказалась удивительно приятной.
Ашер немного помедлил.
Потом осторожно погладил её по волосам.
— Эрия...
Она чуть приподняла голову.
— Да?
Он посмотрел на неё.
Она была совсем близко.
Сонная, спокойная, с немного растрепавшимися каштановыми прядями.
И смотрела на него совершенно доверчиво.
Ашер почувствовал почти детское нежелание нарушать происходящее.
Он едва удержался от усмешки.
До чего же нелепо.
— Боюсь, мне всё-таки пора собираться, — произнёс он негромко.
Эрия посмотрела на часы.
Потом снова на него.
— Уже?
— К моему величайшему сожалению.
Она улыбнулась.
— Простите. Я совсем не заметила, сколько времени прошло.
— И совершенно правильно сделали.
Ашер осторожно провёл ладонью по её спине.
Эрия разомкнула руки.
Но он не сразу отпустил её.
Ещё несколько мгновений его ладонь оставалась у неё на плече.

Потом он медленно отстранился.

Эрия села ровнее.

Поправила волосы.

И неожиданно улыбнулась ему.

— Спасибо, Ашер.

Он приподнял бровь.

— За что?

— Не знаю.

Она тихо рассмеялась.

— Просто за это утро.

Ашер посмотрел на неё.

Потом улыбнулся.

— Пожалуй, это мне следовало вас благодарить.

Эрия удивилась.

— Почему?

Он ненадолго задумался.

В другой момент непременно придумал бы какую-нибудь изящную шутку.

Но сейчас ему не хотелось.

— Мне было очень хорошо, — сказал он просто.

Эрия перестала улыбаться так широко.

На её лице появилось что-то удивительно мягкое.

— Мне тоже.

Ашер задержал на ней взгляд.

Потом поднялся.

— Что ж. Боюсь, если я немедленно не отправлюсь одеваться, несколько весьма уважаемых людей будут вынуждены провести утро без моего бесценного общества.

Эрия рассмеялась.

— Какая трагедия.

— Не то слово.

Он улыбнулся.

И направился к выходу из гостиной.

У двери обернулся.

Эрия уже снова устроилась на диване, подобрав ноги.

Теперь она сидела на том самом месте, где совсем недавно был он, и смотрела на освещённый солнцем город.

Рядом на столике стояла её чашка.

Чай, вероятно, тоже успел остыть.

Ашер некоторое время наблюдал за ней.

Потом негромко произнёс:

— Эрия?

Она повернулась.

— Да?

Он хотел сказать что-нибудь ещё.

Но, к собственному удивлению, не нашёл ничего необходимого.

Поэтому просто улыбнулся.

— Хорошего вам утра.

Она улыбнулась в ответ.

— И вам, Ашер.

Он кивнул.

И вышел.
Одеваясь, Ашер несколько раз ловил себя на том, что действует непривычно медленно.
Не потому, что устал.
И не потому, что не хотел ехать на работу.
Он просто всё ещё чувствовал странное спокойствие, оставшееся после разговора.
В какой-то момент остановился перед зеркалом, поправляя манжету.
Посмотрел на собственное отражение.
И неожиданно улыбнулся.
Утро оказалось совершенно необыкновенным.
Причём ничего особенного не произошло.
Он выпил кофе.
Поговорил с девушкой.
Позволил ей обнять себя.
Просидел несколько минут на диване.
Вот и всё.
Ашер застегнул часы.
Потом взял телефон.
На экране уже было несколько сообщений.
Он просмотрел их, коротко ответил на одно и убрал телефон в карман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.